

К Е Н
ФОЛЛЕТТ
СТОЛП ОГНЕННЫЙ

Кингсбридж

Кен Фоллетт

Столп огненный

«АСТ»

2017

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

Фоллетт К.

Столп огненный / К. Фоллетт — «АСТ», 2017 — (Кингсбридж)

ISBN 978-5-17-103905-9

Англия. Середина XVI века. Время восшествия на престол великой королевы Елизаветы I, принявшей Англию нищей и истерзанной бесконечными династическими распрями и превратившей ее в первую державу Европы. Но пока до блистательного елизаветинского «золотого века» еще далеко, а молодой монархине-протестантке противостоят почти все европейские страны – особенно Франция, желающая посадить на английский трон собственную ставленницу – католичку Марию Стюарт. Такова нелегкая эпоха, в которой довелось жить юноше и девушке из северного города Кингсбриджа, славного своим легендарным собором, – города, ныне разделенного и расколотого беспощадной враждой между протестантами и католиками. И эта вражда, возможно, навсегда разлучит Марджери Фицджеральд, чья семья поддерживает Марию Стюарт словом и делом, и Неда Уилларда, которого судьба приводит на тайную службу ее величества – в ряды легендарных шпионов королевы Елизаветы... Масштабная историческая сага Кена Фоллетта продолжается!

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-103905-9

© Фоллетт К., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Действующие лица	6
Пролог	9
Часть первая. 1558	10
Глава 1	10
Глава 2	36
Глава 3	55
Глава 4	69
Глава 5	93
Глава 6	109
Глава 7	126
Глава 8	137
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Кен Фоллетт

Столп огненный

Ken Follett
A Column of Fire

© Ken Follett, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

*Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им
путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем и ночью.
Исх. 13:21*

Действующие лица

Надеюсь, читатель, этот список не понадобится. Всякий раз, когда, как мне кажется, какой-либо персонаж может выпасть из памяти, в тексте дается вежливое напоминание. Но порой читатель откладывает книгу в сторону и не возвращается к ней неделю, а то и больше (знаю за собой такую привычку), и забывает имена. Поэтому вот список действующих лиц, которые упоминаются в книге чаще одного раза, – а вдруг пригодится?

Англия

Домохозяйство Уиллардов

Нед Уиллард
Барни, его брат
Элис, их мать
Малькольм Файф, конюх
Джанет Файф, экономка
Эйлин Файф, дочь Малькольма и Джанет

Домохозяйство Фицджеральдов

Марджери Фицджеральд
Ролло, ее брат
Сэр Реджинальд, их отец
Леди Джейн, их мать
Наоми, служанка
Сестра Джоан, тетушка Марджери

Домохозяйство Ширингов

Барт, виконт Ширинг
Суизин, его отец, граф Ширинг
Сэл Брендон, экономка

Пуритане

Филберт Кобли, арматор (судовладелец)
Дэн Кобли, его сын
Рут Кобли, дочь Филберта
Донал Глостер, помощник-писец
Отец Иеремия, священник церкви Святого Иоанна в Лаверсфилде
Вдова Поллард

Прочие

Брат Мердо, бродячий проповедник
Сюзанна, графиня Брекнок, подруга Марджери и Неда
Джонас Бэкон, шкипер «Ястреба»
Джонатан Гринленд, первый помощник на «Ястребе»
Стивен Линкольн, священник
Родни Тилбери, судья

Реальные исторические лица

Мария Тюдор, королева Англии

Елизавета Тюдор, ее единокровная сестра, позднее королева Англии
Сэр Уильям Сесил, советник Елизаветы
Роберт Сесил, сын Уильяма
Уильям Аллен, глава английских католиков в изгнании
Сэр Фрэнсис Уолсингем, глава тайной королевской службы

Франция

Семейство Пало

Сильви Пало
Изабель Пало, ее мать
Жиль Пало, ее отец

Прочие

Пьер Оман
Виконт Вильнев, соученик Пьера
Отец Муано, наставник Пьера
Нат, служанка Пьера
Гийом Женеvский, странствующий проповедник
Луиза, маркиза Нимская
Люк Мориак, грузовой брокер
Афродита де Болье, дочь графа Болье
Рене Дюбеф, портной
Франсуаза Дюбеф, его молодая жена
Маркиз де Ланьи, аристократ-протестант
Бернар Усс, молодой придворный
Элисон Маккей, фрейлина королевы Марии Шотландской

Вымышленные домохозяева семейства де Гизов

Гастон ле Пан, командир семейной стражи де Гизов
Брокер и Расто, головорезы под командой Гастона
Вероник де Гиз
Одетта, служанка Вероник де Гиз
Жорж Бирон, наемник

Реальные исторические личности – семейство де Гизов

Франсуа, герцог де Гиз
Анри (Генрих), сын Франсуа
Шарль, кардинал Лотарингский, брат Франсуа

Реальные исторические лица – Бурбоны и их союзники

Антуан, король Наварры
Анри (Генрих), сын Антуана
Луи (Людовик), принц де Конде
Гаспар де Колиньи, адмирал Франции

Реальные исторические лица – прочие

Генрих II, король Франции
Екатерина де Медичи, королева Франции
Дети Генриха и Екатерины:

- Франсуа (Франциск) II, король Франции
- Шарль (Карл) IX, король Франции
- Анри (Генрих) III, король Франции
- Маргарита, королева Наварры
- Мария Стюарт, королева Шотландии
- Шарль де Лувье, наемный убийца

Шотландия

Реальные исторические личности

Джеймс Стюарт, незаконный брат Марии Шотландской

Джеймс Стюарт, сын Марии Шотландской, позднее король Джеймс VI Шотландский и Иаков I Английский

Испания

Семья Крус

Карлос Крус

Тетушка Бетси

Семья Руис

Херонима

Педро, ее отец

Прочие

Архидьякон Ромеро

Отец Алонсо, инквизитор

Капитан Гомес по прозвищу Железная Рука

Голландия

Семейство Фольман

Ян Фольман, двоюродный брат Эдмунда Уилларда

Имке, его дочь

Семейство Виллемсен

Альберт

Бетье, жена Альберта

Дрике, их дочь

Эви, овдовевшая сестра Альберта

Маттус, сын Эви

Другие

Эбрима Дабо, раб из народа мандинка

Белла, торговка ромом с Испаньолы

Пролог

Мы повесили его перед собором Кингсбриджа, как заведено, на обычном месте для казней. В конце концов, если не можешь убить человека на глазах у Господа, тебе вообще не стоило его убивать.

Шериф вывел его из темницы под зданием гильдейского собрания, с руками, крепко связанными за спиною. Он ступал твердо, взгляд бесстрашно устремлен вперед, бледное лицо выражало решимость.

Толпа проклинала его и осыпала насмешками. Он словно не замечал зевак. Зато увидел меня. Наши взгляды встретились, и между нами будто промелькнула вся жизнь.

На мне лежала вина за его смерть, и он это знал.

Я охотился за ним много лет. Он был заговорищиком и истребил бы половину правителей нашей страны, в том числе большинство членов королевской семьи, всех разом, удайся ему тот жестокий и кровавый замысел – и не сумею я его остановить.

Я всю свою жизнь выслеживал таких, как он, злодеев, намеревавшихся совершить то или иное преступление, и многих из них казнили; их не просто вешали, а растягивали на дыбе и четвертовали, ибо таково достойное воздаяние тем, кто замышляет наихудшее на свете злодейство.

Да, я много раз наблюдал, как умирает человек, сознающий, что именно мне, больше, чем кому-либо другому, он обязан сей справедливой, но жестокой карой. Я делал это для своей страны, которая мне дорога, для своей государыни, которой служу, а также ради, если угодно, некоего принципа, ради убеждения, что всякий человек вправе самостоятельно выбирать, как относиться к Богу.

Он был последним из множества людей, отправленных мною в ад, однако его смерть заставила меня вспомнить первого...

Часть первая. 1558

Глава 1

1

Нед Уиллард вернулся домой, в Кингсбридж, под пологом снежной бури.

Из гавани Кума он поднялся вверх по реке на неторопливом суденышке, нагруженном сукном из Антверпена и вином из Бордо. Когда, по его прикидкам, суденышко наконец доползло до окрестностей Кингсбриджа, он плотнее запахнул французский плащ, укрывавший его плечи, натянул поглубже колпак, вышел из крохотного помещения вниз на палубу и устремил взор вперед.

Поначалу его ожидало разочарование, ибо кругом, куда ни посмотри, был только густой снег. Но желание увидеть город нарастало в нем, сродни боли, и он упорно вглядывался в снежную пелену, не желая терять надежду. Вскоре его упорство принесло плоды, поскольку буря стала ослабевать. Внезапно над головой возник кусочек чистого голубого неба. Над макушками торчавших вдоль берега деревьев он увидел колокольню собора – высотой ровно четыре сотни и еще пять футов, как было известно каждому ученику кингсбриджской грамматической школы. На крыльях каменного ангела, взиравшего на город с наверхия шпиля, сегодня лежал снег, отчего кончики перьев из сизо-серых сделались ослепительно-белыми. Солнечный луч на глазах Уилларда коснулся статуи, и снег заискрился; вышло так, словно ангел благословил путника. А затем снежная пелена снова сгустилась и ангел пропал из виду.

Теперь Нед различал только деревья на берегу, но его воображение рисовало живые картины города. Ему предстояло увидеться, воссоединиться с матерью после года разлуки. Нет, он не станет рассказывать ей, как сильно тосковал, ведь мужчине в возрасте восемнадцати лет надлежит быть самостоятельным и независимым.

Сильнее всего он тосковал по Марджери. Он влюбился в нее – вот уж поистине не придумаешь ничего глупее и несвоевременнее – за несколько недель до отъезда из Кингсбриджа в Кале, этот принадлежавший англичанам порт на северном побережье Франции, где должен был провести целый год. С проказливой и хитроумной дочкой сэра Реджинальда Фицджеральда ему нравилось играть с самого детства. Когда она повзрослела, ее проказливость приобрела новое очарование, в чем Нед признавался себе, глядя на Марджери в церкви. В горле пересыхало, дыхание сбивалось, и он осмеливался лишь смотреть на нее, ведь она была на три года моложе. Однако сама Марджери не стеснялась своих чувств. Они целовались на кладбище Кингсбриджа, под внушительным надгробием на могиле приора Филиппа, монаха, который освятил местный собор четыре столетия назад. В этом долгом и страстном поцелуе не было ничего детского. А потом она засмеялась и убежала.

Но подарила ему новый поцелуй на следующий день. А вечером, накануне его отбытия во Францию, они признались друг другу в любви.

Первые несколько недель разлуки они обменивались любовными посланиями. Родителям о своих чувствах они не говорили, это казалось слишком поспешным шагом, и потому писать открыто не было возможности, но Нед признался во всем своему старшему брату Барни, и тот согласился передавать послания. А затем Барни покинул Кингсбридж и отправился в Севилью. У Марджери тоже был старший брат, Ролло, но ему она доверяла вовсе не в такой степени, в какой Нед полагался на Барни. Поэтому переписка оборвалась.

На чувствах самого Неда отсутствие писем нисколько не сказывалось. Он слышал, конечно, что люди говорят о юношеской влюбленности, и потому то и дело проверял себя, ожидая ощутить некие перемены; но те все не наступали. Стоило ему провести в Кале всего несколько недель, как кузина Тереза недвусмысленно дала понять, что он ей сильно нравится и она готова на все, чтобы это доказать. Однако Нед без малейшего труда устоял перед искушением. Он размышлял над этим, удивляясь сам себе, поскольку никогда прежде не упускал случая поцеловать красивую девчонку с круглыми грудками.

А сейчас его беспокоило кое-что еще. Отвергнув Терезу, он пребывал в уверенности, что его чувства к Марджери останутся неизменными, даже в разлуке, однако теперь он спрашивал себя, что произойдет, когда он ее увидит. Окажется ли Марджери во плоти столь же притягательной, как образ, засевший в памяти? Переживет ли их любовь воссоединение?

И что случилось с нею? Для четырнадцатилетней девушки год – длинный срок; да, ей уже пятнадцать, но это не имеет значения. Быть может, ее чувства остыли, когда прекратилась переписка. Быть может, она целовалась с кем-то другим у могилы приора Филиппа. Нед признавался себе, что страшно расстроится, если узнает, что она стала равнодушной к нему. И потом, если она по-прежнему его любит, сравнится ли настоящий Нед с теми чудесными воспоминаниями, какие оставались у Марджери?

Буря снова поутихла, и Уиллард увидел, что судно достигло западных предместий Кингсбриджа. По обоим берегам различались мастерские и прочие постройки, нуждавшиеся в обильном водотоке, – красильни, прядильни, бумажные мастерские и скотобойни. Все эти ремесла были весьма, так сказать, пахучими, а потому жилье на западных окраинах наверняка стоило дешево.

Впереди показался остров Прокаженных. Разумеется, название устарело, вот уже несколько столетий прокаженные на этом острове не появлялись. У ближней оконечности острова проступали очертания госпиталя Керис, основанного монахиней, что спасла город от Черной Смерти. Когда судно подошло ближе, Нед разглядел за госпиталем великолепные двойные арки моста Мерфина, соединявшего остров с северным и южным берегами. История любви Керис и Мерфина давно сделалась местным преданием, ее рассказывали зимними вечерами у очагов на протяжении поколений.

Суденышко приткнулось к пристани на многолюдной набережной. За минувший год этот город, похоже, не слишком-то изменился. Места вроде Кингсбриджа, как подумалось Неду, вообще меняются очень медленно, ибо соборы, мосты и госпитали строят с тем расчетом, чтобы они стояли вечно.

Через плечо Неда была переброшена дорожная сума, а шкипер судна вручил юноше вторую часть его имущества, деревянный сундучок со сменой одежды, парой пистолетов и горсткой книг. Нед принял сундучок, попрощался – и шагнул на набережную.

Он повернулся было в сторону большого, расположенного у воды каменного амбара, где его семейство обычно вело дела, но не успел сделать и нескольких шагов, как услышал за спиной хорошо знакомый шотландский выговор:

– Ба, да это же наш Нед! С возвращением!

Голос принадлежал Джанет Файф, экономке его матери. Нед широко улыбнулся, обрадованный такой встречей.

– Я как раз рыбу покупала, твоей матушке на обед, – продолжала Джанет. Она всегда отличалась чрезмерной худобой, и потому казалось, будто она сделана из палок, но эта женщина обожала кормить других. – И тебе тоже перепадет, само собой. – Она окинула юношу любящим взглядом. – А ты изменился. Лицо подвытянулось, правда, зато плечи стали шире. Тетушка Бланш хорошо тебя кормила?

– Она-то кормила, а вот дядюшка Дик заставлял таскать камни.

– Это разве дело для школяра?

– Да я не против был.

– Малькольм! – позвала Джанет. – Малькольм, погляди, кто приехал!

Муж Джанет, носивший имя Малькольм, был конюхом семейства Уиллардов. Он подошел, заметно прихрамывая: лошадь лягнула его много лет назад, когда он был молод и не умел обращаться с животными.

Тепло пожав Неду руку, Малькольм сказал:

– Старый Желудь помер.

– Жаль, любимый конь моего брата. – Нед спрятал улыбку. Для Малькольма было вполне обыкновенно говорить сперва о животных, а потом уже о людях. – Как моя матушка?

– С хозяйкой все хорошо, хвала Господу, – ответил Малькольм. – И с твоим братом тоже вроде как. Сам знаешь, он не любитель писать, да и письма из Испании идут сюда месяц, а то и два. Давай-ка пособию с твоим скарбом, юный Нед.

Уилларду не хотелось сразу идти в родительский дом. У него на уме было другое.

– Может, ты отнесешь этот сундук в дом? – спросил он Малькольма и с ходу придумал оправдание для себя: – Скажи родным, что я пошел в собор, поблагодарить Господа за благополучное возвращение. Скоро приду.

– Ладно.

Малькольм поковылял прочь, а Нед пошел следом, замедляя шаг и любясь видами, которые помнил с самого детства. Снег продолжал падать, хорошо хоть не валил стеною, как раньше. Все крыши словно выкрасили белым, но на улицах было полным-полно людей и повозок, так что под ногами снег превратился в слякоть. Нед миновал печально известную таверну «Белая лошадь», место еженедельных субботних драк, и двинулся вверх по главной улице к соборной площади. Он прошел мимо епископского дворца, задержался на миг, охваченный воспоминаниями, у здания грамматической школы. Сквозь узкие окна в заостренных кверху проемах были видны книжные полки. Тут он научился читать и считать, тут усвоил, когда драться, а когда лучше убегать, и тут его порол пучком березовых розог, но он не плакал.

С южной стороны собора размещалось аббатство. С тех пор как король Генрих Восьмой разорил монастыри, местное аббатство пребывало в небрежении: крыши прохудились, стены покосились, окна заросли травой и кустарником. Ныне этими зданиями владел мэр Кингсбриджа, отец Марджери, сэр Реджинальд Фицджеральд, но ему явно не было никакого дела до их состояния.

По счастью, за собором ухаживали наилучшим образом, и храм возвышался во всей своей красе, этаким каменным покровителем живого города. Нед вошел в большие западные ворота и очутился внутри. Да, и вправду стоит поблагодарить Бога за благополучное возвращение; он солгал Малькольму, но, если помолится, ложь сделается истиной.

Как обычно, в храме не только возносили молитвы, но и вели дела: отец Мердо выставил поднос с сосудами, наполненными священной землей из Палестины, заведомо подлинной; мужчина, которого Нед не узнал, торговал, по пенни штука, горячими камнями для согревания рук, а Милашка Лавджой, дрожавшая от холода в своем красном платье, продавала то же, что и всегда.

Нед посмотрел на каменные ребра свода, напоминавшие руки множества людей, протянутые к небесам. Всякий раз, заходя в собор, он задумывался о тех людях, тех мужчинах и женщинах, что возвели храм. Многие из них удостоились записи в книге Тимоти – в истории аббатства, которую изучали в школе: каменотесы Том Строитель и его приемный сын Джек; приор Филипп; Мерфин Фицджеральд, который, помимо моста, построил и главную башню собора; а также все камнерезы, мешальщицы раствора, плотники и стекольщики, обычные люди, совершившие это чудо, сумевшие подняться над бесчисленными житейскими хлопотами и сотворить нечто бесконечно прекрасное.

Опустившись на колени, Нед простоял с минуту у алтаря. Благополучное возвращение – это ведь не шутка. Даже на коротком отрезке пути по морю из Франции в Англию кораблям случалось попадать в неприятности, а люди гибли.

Но хватит, пора идти. Его дорога лежит к дому Марджери.

На северной стороне соборной площади, напротив епископского дворца, стоял постоянный двор «Колокол», а рядом строили новый дом. Стройка велась на земле аббатства, а потому Нед предположил, что работы затеял отец Марджери. Наверняка дом будет превосходный, с фонарными окнами и множеством печных труб, самый красивый во всем Кингсбридже.

По главной улице Уиллард дошел до перекрестка. Нынешний дом Марджери находился на углу, через дорогу от здания гильдейского собрания. Конечно, этому дому было далеко до красоты того, который строился, но все же это было большое деревянное сооружение, занимавшее целый акр наиболее дорогостоящей земли в городе.

Нед остановился у двери. Он год напролет воображал себе это мгновение, но теперь, в решающий миг, испытал вдруг дурное предчувствие.

Он постучал.

Пожилая служанка Наоми открыла дверь и пригласила Уилларда пройти в большую переднюю. Она знала Неда с малолетства, но смотрела почему-то так, словно в дом явился чужак подозрительного облика. Нед попросил позвать Марджери, и Наоми ответила, что спросит у хозяйки.

Нед поглядел на картину над очагом, изображавшую распятого Христа. В Кингсбридже признавали только два разряда картин – представление событий из Библии и парадные портреты благородных людей. В богатых французских домах, к изумлению Неда, ему довелось повидать изображения языческих божеств, вроде Венеры с Вакхом, и эти божества бродили по дикий лесам и носили одеяния, которые так и норовили с них свалиться.

А это что такое? На стене напротив картины с распятием висела карта Кингсбриджа. Нед никогда раньше не видел ничего подобного, а потому принялся изучать карту. На ней было четко обозначено, что город поделен на четыре четверти главной улицей, ведущей с юга на север, и торговой улицей, ведущей с востока на запад. Собор и бывшее аббатство занимали юго-восточную четверть; зловонные городские предместья обосновались в юго-западной части. На карте были отмечены все церкви, а также отдельные дома, в том числе дома Фицджеральдов и Уиллардов. Река служила восточной границей города, а затем как бы подгибалась, словно собачья лапа. Прежде она являлась и южным рубежом, но город перешагнул через водную преграду, спасибо мосту Мерфина, и на дальнем берегу уже разрасталось новое предместье.

Эти два изображения, подумалось Неду, как бы олицетворяли родителей Марджери: ее отец, мужчина с политическим складом ума, явно велел повесить карту, а матушка, ревностная католичка, потребовала картину с распятием.

Вопреки ожиданиям Неда, к нему вышла не Марджери – в переднюю спустился ее брат Ролло¹. Черноволосый, ростом выше Неда, он везде приковывал к себе женские взгляды. Нед и Ролло вместе ходили в школу, но никогда не дружили. Ролло, будучи на четыре года старше, считался в школе самым умным, и ему поручали следить за младшими учениками, а Нед наотрез отказывался признавать за ним право распоряжаться и отвергал его власть. Хуже того, довольно скоро обнаружилось, что Нед обещает вырасти не менее умным, чем сам Ролло. Поэтому ссоры и стычки между ними продолжались, покуда Ролло не уехал в Оксфорд учиться в Кингсбриджском колледже.

Нед постарался скрыть удивление заодно с раздражением.

¹ Исходная форма этого имени – Роллон, однако можно предположить, что к XVI столетию установилась форма без конечного «н». – *Здесь и далее примеч. ред.*

– Я видел стройку рядом с «Колоколом», – сказал он вежливо. – Твой отец строит новый дом?

– Да. Этот домишко изрядно устарел.

– Значит, дела в Куме идут неплохо? – Сэр Реджинальд взимал пошлины в порту Кума. Это было весьма прибыльное занятие, а на должность его назначила, став королевой, Мария Тюдор. Так она отблагодарила Фицджеральдов за поддержку.

– А ты, выходит, вернулся из Кале? – спросил Ролло. – И как там?

– Я многому научился. Мой отец построил там причал и амбар, а дядюшка Дик теперь всем заправляет. – Отец Неда умер десять лет назад, и с тех пор делами занималась его мать. – Мы возим английскую железную руду, олово и свинец из Кума в Кале, а оттуда продаем по всей Европе.

Нед не стал уточнять, что Кале был основой их семейного достатка.

– Война не мешает? – Ролло подразумевал, что Англия воевала с Францией, но интересовала его, совершенно очевидно, не сама война, а та угроза, какую она сулила доходам Уиллардов.

– Кале хорошо защищен, – отмахнулся Нед, хотя в глубине души сам в том сомневался. – Его окружают форты, которые прикрывали город все двести лет, что он принадлежит Англии. – Терпение юноши иссякло. – Марджери дома?

– Зачем ты хочешь ее видеть?

Таких вопросов обычно не задают, но Нед предпочел притвориться, что не заметил грубости, и раскрыл свою дорожную суму.

– Я привез ей подарок из Франции. – Он достал из сумы аккуратно сложенный отрез искрящегося шелка лавандового отлива. – Думаю, цвет должен подойти.

– Она не захочет тебя видеть.

Нед нахмурился. Что это значит?

– А мне кажется, захочет.

– Назови хоть одну причину, почему.

Нед помедлил, тщательно подбирая слова:

– Дело в том, Ролло, что я влюблен в твою сестру, и она, по-моему, разделяет мои чувства.

– Позволь тебя заверить, юный Нед, что за год твоего отсутствия многое изменилось, – снисходительно изрек Ролло.

Ерунда какая-то. Должно быть, Ролло над ним попросту потешается, в своей обычной манере.

– Все же будь добр, позови ее.

Ролло улыбнулся, и Нед забеспокоился сильнее прежнего: этакая улыбочка возникала на губах Ролло всякий раз, когда тому разрешали всыпать розог младшим ученикам.

– Марджери помолвлена и скоро выйдет замуж.

– Что? – Нед ошарашенно уставился на брата Марджери, чувствуя себя так, будто его огрели дубинкой по темечку. Да, он не знал, как его встретят, но ничего подобного даже подумать не мог.

Ролло молчал и продолжал улыбаться.

– За кого? – спросил Нед первое, что пришло в голову.

– Она выйдет замуж за виконта Ширинга.

– За Барта? – не поверил Нед. Это было попросту невозможно. Среди всех молодых мужчин страны туповатый и вечно хмурый Барт Ширинг казался последним, кто способен пленить сердце Марджери. Конечно, возможность в один прекрасный день стать графиней Ширинг прельстила бы множество девушек, но Марджери, в чем Нед не сомневался, была не из их числа.

Во всяком случае, так он думал год назад.

– Ты, верно, шутишь? – прибавил Уиллард, помолчав.

Вопрос был глупым, и Нед сам это сообразил. Да, за Ролло водилась привычка измышлять всякие каверзы, но вот склонностью к дурацким розыгрышам он не отличался, потому что не терпел оказываться в смешном положении – а тут его наверняка обсмеяли бы, стань известно другим об этой выдумке.

Ролло пожал плечами.

– О помолвке объявят завтра, на пиру у графа.

Завтра, на двенадцатый день Рождества. Если граф Ширинг устраивает пиршество, значит, семейство Неда точно будет среди приглашенных. И Нед собственным ушами услышит объявление о помолвке – конечно, если Ролло не обманул.

– Она любит его? – выдал из себя Нед.

Ролло явно не ожидал подобного вопроса, и настала его очередь растеряться.

– Не вижу, с какой бы стати обсуждать это с тобою.

Уклончивость Ролло побуждала предположить, что ответом будет «нет».

– А ты почему так заерзал?

Ролло оскалится.

– Проваливай-ка подобру-поздорову, не то я поколочу тебя, как обычно!

Нед расправил плечи.

– Мы больше не в школе, Ролло. Еще посмотрим, кто кого поколотит.

Ему и вправду хотелось подраться, ярость застила глаза, и было все равно, кто в итоге возьмет верх. Но Ролло все-таки сдержался. Он просто подошел к входной двери и распахнул ту настежь.

– Уходи, – сказал он.

Нед помедлил. Уходить, не повидавшись с Марджери, было не с руки. Знай он, где ее комната, можно было бы кинуться мимо Ролло, взбежать наверх... Но будет глупо, если он примется открывать все двери подряд в чужом доме.

Уиллард положил отрез шелка обратно в сумку.

– Еще поглядим, чья возьмет. Ты не сможешь держать ее взаперти вечно. Рано или поздно я встречу с нею.

Ролло не ответил, так и стоял у распахнутой двери.

Неда подмывало пихнуть его, но он справился с соблазном: они теперь мужчины, а мужчины не затевают драк по столь мелким поводам. Что ж, придется уйти. Он снова замешкался, прикидывая, как лучше поступить, ничего не придумал – и вышел наружу.

– Не торопись возвращаться, – бросил Ролло ему вслед.

Нед медленно двинулся в ту сторону, где стоял родительский дом, в котором он когда-то появился на свет.

Дом Уиллардов тоже располагался на главной улице, напротив западного фасада собора. Его не раз перестраивали и расширяли за минувшие годы, а потому здание, со всеми пристройками, словно неприглядно расползлось по нескольким тысячам квадратных футов. Но Нед помнил, что ему нравился этот дом, – с огромными очагами, просторной столовой, где частенько случались веселые посиделки, и с мягкими перинами на кроватях. Владели домом Элис Уиллард и двое ее сыновей – а еще, разумеется, бабушка, мать покойного отца Неда.

Войдя внутрь, Нед застал матушку в общей комнате, которая служила ей кабинетом, когда она покидала амбар на набережной. При виде сына Элис выскочила из-за письменного стола, кинулась к юноше, обняла и расцеловала. Сразу бросилось в глаза, что она пополнела за минувший год, но Нед не стал говорить этого вслух.

Он огляделся. Помещение ничуть не изменилось, и его любимая картина висела на прежнем месте. Эта картина изображала Христа и прелюбодейку, окруженных толпой витийствующих фарисеев, что желали побить женщину камнями. Матушка часто повторяла фразу из

Библии: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень»². Отчасти картина ввергала в искушение – груди женщины были обнажены, и не так давно это зрелище вызывало у Неда весьма яркие видения и сны.

Из окна открывался вид на рыночную площадь, за которой высился величественный фасад огромного собора, с длинной вереницей стрельчатых окон и сводчатых арок. Этот вид сопровождал Неда, сколько он себя помнил, менялось разве что небо, то зимнее, то весеннее, то летнее. Почему-то этот вид внушал смутную уверенность в собственных силах. Люди рождаются и умирают, города возникают и исчезают, войны начинаются и заканчиваются, а Кингсбриджский собор будет стоять до самого дня Страшного суда.

– Значит, ты ходил в собор вознести молитву? – сказала матушка. – Молодец.

Нед не стал ее обманывать.

– А потом пошел к Фицджеральдам. – На ее лице промелькнула тень неудовольствия, и он прибавил: – Ты ведь не сердись, что я сначала пошел туда?

– Сержусь, но не сильно, – ответила Элис. – Я еще помню, каково быть молодой и любить.

Ей исполнилось сорок восемь. После смерти Эдмунда все говорили, что она должна снова выйти замуж, и маленький Нед, которому тогда стукнуло восемь, боялся, что мама приведет в дом сурового отчима. Однако она предпочла остаться вдовой, хотя минуло уже десять лет, и ему все чаще казалось, что матушке никто не нужен.

– Ролло сказал мне, что Марджери собралась за Барта Ширинга.

– Прости, милый, я знала, что кто-нибудь да проговорится. Бедняжка Нед, мне так жаль!

– Разве у ее отца есть право указывать ей, за кого идти замуж?

– Отцы ждут, что их будут слушаться. Нам с твоим отцом не пришлось о таком беспокоиться. Будь у нас дочка... которая бы выжила...

Нед понял, что она имела в виду. До Барни матушка родила двоих девочек. На кладбище с северной стороны собора имелись два крохотных надгробия, и Неду доводилось там бывать.

– Женщина должна любить своего мужа, – убежденно сказал он. – Ты бы не заставляла свою дочь выходить за животное вроде Барта.

– Может быть, сынок, может быть.

– Что не так с этими людьми?

– Сэр Реджинальд верит во власть и силу. Он мэр и думает, что дело олдермена³ – принимать решения и требовать их исполнения. А когда мэром был твой отец, он говорил, что дело олдермена – править городом и служить городу.

– Это одно и то же! – воскликнул Нед раздраженно. – Только разными словами!

– Нет, – возразила матушка. – Это значит по-разному смотреть на мир.

2

– Я не выйду за Барта Ширинга! – сказала Марджери Фицджеральд своей матери.

Марджери злилась и пребывала в расстроенных чувствах. Двенадцать долгих месяцев она ждала возвращения Неда, думала о нем каждый день, ей не терпелось снова увидеть его кривоватую улыбку и золотистые глаза; а сегодня она узнала от слуг, что Нед вернулся в Кингсбридж и даже заходил к ним домой, но никто ей не сообщил, и он ушел. Она злилась на свою семью за этот жестокий обман и плакала, давая выход бессильной ярости.

– Я не прошу тебя стать женой виконта Ширинга прямо сегодня, – ответила леди Джейн. – Но прошу, чтобы ты с ним поговорила.

² Ин. 8:7.

³ Олдермен – член городского совета.

Мать и дочь сидели в спальне Марджери. В уголке комнаты стоял *grê-dieu*, маленький складной алтарь, перед которым девушка преклоняла колени дважды день, лицом к распятию на стене, и считала молитвы по нитке резных бус слоновой кости. Прочая обстановка кричала о достатке семьи – широкая кровать под балдахином, с периной и богато расшитыми занавесями, большой, украшенный резьбой дубовый сундук для многочисленных платьев, гобелен, изображавший лес...

Эта комната повидала за многие годы немало споров с матерью. Но теперь Марджери стала взрослой. Она не отличалась высоким ростом, но была все же выше и крепче своей крохотной, пусть и обладавшей неукротимым норовом родительницы, а потому никто не взялся бы утверждать, что выяснение отношений, дойди оно до рукоприкладства, непременно завершится победой леди Джейн и унижением Марджери.

– Зачем? – кисло осведомилась дочь. – Он явится сюда ухаживать за мной. Если я заговорю с ним, он примет это за поощрение. А потом взбеленится пуще прежнего, когда узнает правду.

– Ты могла бы проявить вежливость.

Марджери окончательно расхотелось говорить о Барте.

– Почему вы не сказали мне, что Нед вернулся? Вы меня обманули!

– Я сама узнала, только когда он ушел. Один Ролло его видел.

– Ну да! Значит, не ты велела ему перехватить Неда?

– Дети должны поступать так, как велят им родители, – изрекла леди Джейн. – В Писании сказано: почитай отца твоего и мать твою, так заповедано Господом⁴.

Всю жизнь, с самого детства, Марджери приходилось с этим бороться. Она знала, что Бог ждет от нее послушания, но росла своевольной бунтаркой, как часто говорили ей родители, и обнаружила, что быть праведной и послушной чрезвычайно тяжело. Однако если кто-либо указывал ей на недопустимость такого поведения, она признавала свою вину и каялась, ибо Божья воля была важнее всего на свете, и Марджери о том не забывала.

– Прости, мама, – сказала она.

– Ступай и поговори с Бартом, – повторила леди Джейн.

– Хорошо.

– Но прежде причешись, милая.

Это замечание вновь заставило девушку взбрыкнуть.

– С моей прической все в порядке! – бросила она и, прежде чем мать успела возразить, выскочила из комнаты.

Барт ждал внизу, щеголяя новыми рейтузами соломенного оттенка. Он развлекался тем, что дразнил собаку – протягивал той кусок ветчины и отнимал руку в самый последний миг.

Леди Джейн, спустившаяся следом за Марджери, распорядилась:

– Отведи лорда Ширинга в библиотеку и покажи ему книги.

– Книги? Он их терпеть не может!

– Марджери!

– Я с удовольствием посмотрю книги, – вмешался Барт.

Марджери пожала плечами.

– Тогда прошу.

Вдвоем они двинулись в соседнюю комнату. Марджери нарочно оставила дверь открытой, но леди Джейн не торопилась присоединиться к дочери.

Книги ее отца занимали три полки.

⁴ «Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исх. 20:12).

– Господи боже, сколько их у вас! – восхитился Барт. – Целую жизнь придется потратить, чтобы прочесть.

Книг в доме было около пяти десятков, куда больше, чем обычно встречалось за пределами университетов или храмовых библиотек. Они вдобавок служили свидетельством семейного достатка, и некоторые из них были на французском и на латыни.

Марджери попыталась проявить радушие.

– Вот «Стезя увеселений»⁵, – сказала она, беря книгу на английском с полки. – Тебе может понравиться.

Барт ухмыльнулся и придвинулся ближе.

– Повеселиться я всегда не прочь, – поведал он, довольный собственным остроумием.

Марджери отступила на шаг.

– Это длинная поэма о рыцаре, который много учился.

– А. – Барт мгновенно утратил интерес к книге. Поглядев на полку, он вытащил «Книгу о еде». – Вот это дело. Жена должна заботиться о том, чтобы муж хорошо ел, согласна?

– Разумеется. – Марджери отчаянно старалась подыскать тему для разговора. Что вообще интересует Барта? Может, это? – Люди винят королеву в нашей войне с Францией.

– А она-то чем провинилась?

– Ну, болтают, что Испания с Францией сцепились из-за владений в Италии, Англия тут вообще ни при чем, а мы вмешались только потому, что королева Мария приходится женой королю Фелипе Испанскому⁶ и вынуждена его поддерживать.

Барт кивнул.

– Жена во всем и всегда следует за мужем.

– Потому-то девушкам надо быть разборчивее. – Увы, этот откровенный намек остался без внимания, и Марджери продолжила: – Поговаривают, что нашей королеве не стоило выходить замуж за чужеземного государя.

– Довольно политики, – сказал Барт, очевидно уставший от этой темы. – Женщинам следует оставить эти дела своим мужьям.

– У женщин столько обязанностей перед мужьями, – проговорила Марджери, понимая, что Барт не ощутит иронии в ее фразе. – Мы должны их кормить, подчиняться им, оставить им политику... Я рада, что у меня нет мужа. Так намного проще жить.

– Но каждой женщине нужен мужчина.

– Знаешь, давай поговорим о чем-нибудь еще.

– Я серьезно. – Он зажмурился, словно сосредотачиваясь, а затем выдал короткую, заранее отрепетированную речь: – Ты самая красивая женщина на свете, и я люблю тебя. Пожалуйста, будь моей женой.

– Нет! – воскликнула она, не сумев сдержаться.

У Барта был озадаченный вид. Он не понимал, как ему теперь себя вести, потому что готовился, похоже, к совершенно другому ответу.

Помолчав, он сказал:

– Моя жена когда-нибудь станет графиней!

– Тогда женись на той, кто жаждет этого всем сердцем.

– А ты не хочешь?

⁵ «История Гран-Амура и ла Бель Пюсель, содержащая изложение семи наук и повествующая о пути человека в сем мире, или Стезя увеселений», аллегорическая рыцарская поэма английского поэта Стивена Хоуза, камердинера короля Генриха Седьмого. Эта поэма получила широкое распространение и признание в тюдоровской Англии.

⁶ Автор использует именно такое, «испанизированное», написание имени испанского монарха. Чтобы соблюсти единообразие и сохранить авторский замысел, тот же принцип использован переводчиком при передаче имен шотландских правителей: король Шотландии – Джеймс Стюарт, но король Англии – Иаков Стюарт. Английские и французские принцы в романе носят «родные» имена (Франсуа, Генри и т. д.), но имена монархов «латинизированы» в соответствии с отечественной традицией их титулования.

– Нет. – Марджери мысленно укорила себя за резкость. Придется говорить прямо, намеков он попросту не понимает. – Барт, ты сильный и привлекательный и очень храбрый, я уверена, но я никогда не смогу полюбить тебя. – На память снова пришел Нед; уж с ним-то ей ни разу не случалось мучиться в поисках повода для разговора. – Я выйду замуж за того, кто умен и заботлив и кто хочет, чтобы его жена была не просто старшей над служанками.

Ну вот, такое должно быть понятно даже Барту.

Он шевельнулся – с удивительной прытью оказался рядом и взял ее за руку. Хватка у него была стальная.

– Женщин надо подчинять, – заявил он.

– Кто тебе это сказал? Уж всяко не я!

Марджери попыталась вырваться, но не смогла.

А он привлек девушку к себе и поцеловал.

В другой день, пожалуй, она бы отвернулась, только и всего. Подумаешь, поцелуй, эка невидаль. Но сегодня она злилась и страдала из-за несостоявшейся встречи с Недом. В голове роились живые картины того, что могло бы случиться, но не случилось: как бы она его целовала, как ерошила бы волосы, как прижималась бы к нему... Воображаемая фигура Неда делалась вдруг столь близкой, что объятия Барта ввергли Марджери в ужас. Не задумываясь, она двинула коленом ему ниже пояса, изо всех сил.

Барт взревел от боли и ярости, выпустил Марджери и со стоном согнулся пополам – глаза зажмурены, обе руки между ляжками.

Марджери бросилась к двери, но, прежде чем она успела выбежать из комнаты, в библиотеку вступила леди Джейн, должно быть, подслушивавшая снаружи.

Мать посмотрела на Барта, сразу сообразила, что произошло, повернулась к Марджери и процедила:

– Глупая девчонка!

– Я не выйду за это животное! – крикнула Марджери и расплакалась.

Следом за матерью появился отец. Он был высок и черноволос, как Ролло, но его лицо, в отличие от лица сына, было густо усыпано веснушками.

– Ты пойдешь за того, кого выберет твой отец, – холодно сказал он.

Эти зловещие слова напугали Марджери. Она заподозрила, что могла недооценить решимость своих родителей. Было ошибкой выплескивать раздражение. Надо поскорее успокоиться и мыслить логически.

Все еще возбужденная, но сумевшая себя обуздать, она произнесла:

– Я вам не принцесса! Мы джентри⁷, а не аристократы. Мой брак не обязан быть политическим союзом. Я – дочь купца. Люди вроде нас политических браков не устраивают.

Это разъярило сэра Реджинальда, его лицо побагровело.

– Я – рыцарь!

– Но не граф!

– Я веду свой род от Ральфа Фицджеральда, ставшего графом Ширинга двести лет назад! И Барт тоже! А Ральф Фицджеральд был сыном сэра Джеральда и братом Мерфина, строителя моста. В моих жилах течет кровь английского дворянства!

Марджери утрастилась сильнее прежнего: она не только осмелилась пойти против несгибаемой воли отца, но и уязвила его семейную гордость. Этакое сочетание преодолеть будет непросто. Ладно, главное – ни за что не проявлять слабость.

Она повернулась к Барту. Уж ему-то вряд ли нужна невеста, не желающая выходить замуж.

– Приношу извинения, лорд Ширинг, но я выйду за Неда Уилларда.

⁷ Нетитулованное дворянство.

– Святые угодники! – возмутился сэр Реджинальд. – Не бывать этому!

– Но я люблю Неда Уилларда!

– Ты слишком молода, чтобы хоть в кого-то влюбляться! А твои Уилларды вдобавок почти протестанты!

– Они ходят к мессе, как и положено.

– Все равно! Ты выйдешь за виконта Ширинга!

– Нет, – сказала Марджери, спокойно и решительно.

Барт между тем постепенно приходил в себя.

– Знал ведь, что с нею будет непросто, – пробормотал он.

– Ей просто нужна твердая рука, – пояснил сэр Реджинальд.

– То есть порка?

Леди Джейн поспешила вмешаться.

– Подумай как следует, Марджери, – предложила она. – Однажды ты станешь графиней, а твой сын родится графом.

– Только это вам и нужно! – Марджери услышала, как ее голос срывается в крик, но ничего не могла с собою поделать. – Хотите, чтобы ваши внуки родились знатными, да?! – По вытянувшимся лицам родителей она поняла, что угадала, и презрительно добавила: – Ну так вот, я не стану племенной кобылой, сколько бы вы ни грезили о знатности!

Едва выпалив эти слова, она сообразила, что зашла слишком далеко. Ее оскорбление поразило отца в самое болезненное место.

Сэр Реджинальд расстегнул ремень.

Марджери испуганно попятилась – и наткнулась на письменный стол. Не сбежать... Отец схватил ее левой рукой за шею, притянул к себе. Перед глазами мелькнула медная пряжка ремня, и девушке сделалось настолько страшно, что она взвизгнула.

Сэр Реджинальд кинул дочь на стол, заставил унижительно согнуться. Марджери пыталась вырваться, но с отцом ей было не справиться, он легко ее удерживал.

– Пожалуйста, оставьте нас, лорд Ширинг, – попросила леди Джейн.

Эта просьба напугала девушку еще сильнее.

Хлопнула дверь, ремень со свистом распорол воздух, боль пронзила заднюю поверхность бедер. Тонкое платье не смогло защитить от удара. Марджери завопила – раз, другой, третий...

– Думаю, хватит, Реджинальд, – снова подала голос мать.

– Пожалеешь розгу – испортишь ребенка, – возразил отец. С этой прописной истиной дети были знакомы не понаслышке, ведь все взрослые считали порку самым надежным средством вразумления непослушных юнцов.

– Вообще-то в Библии сказано по-другому, – поправила леди Джейн. – Там говорится: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его»⁸. Сына, не дочь.

Сэр Реджинальд хмыкнул.

– В Писании, жена, также сказано: «Не оставляй юноши без наказания»⁹, разве нет?

– Она почти взрослая. И мы оба знаем, что Марджери бесполезно так учить. От наказаний она только больше упрямится.

– Так что нам делать?

– Положись на меня. Я потолкую с нею, когда она успокоится.

– Хорошо. – Согласие отца вроде бы означало, что с унижением покончено, но тут ремень свистнул снова, боль вновь пронзила пострадавшие бедра, и девушка опять не сдержала

⁸ Прит. 13:25.

⁹ Прит. 23:13. В английском тексте Библии короля Иакова, в отличие от синодального перевода, используется слово общего рода (child), которое может относиться к людям обоего пола.

вопля. А потом отцовские сапоги протопали по полу, сэр Реджинальд вышел из библиотеки, и все и вправду закончилось.

3

Нед не сомневался, что встретит Марджери на пиру у графа Суизина. Ведь ее родители вряд ли смогут удержать девушку взаперти. Это все равно что прилюдно устроить скандал. Все сразу примутся судачить, почему Марджери не приехала.

Оставленные повозками колеи в грязи замерзли, Недов пони шел осторожно, выбирая, куда ступить на коварной поверхности. Исходившее от животного тепло согревало тело, но вот руки и ноги стыли от холода. Рядом с Недом, верхом на приземистой кобыле с широким крупом, ехала мать.

Владение графа Ширинга, Новый замок, располагалось в дюжине миль от Кингсбриджа. Дорога заняла почти половину короткого зимнего дня, и Нед изнывал от нетерпения. Он должен повидаться с Марджери, и не только потому, что ему безумно хочется ее увидеть; нет, необходимо разобраться, что, черт подери, происходит.

Наконец впереди показался замок. Новым его прозвали еще полторы сотни лет назад. Совсем недавно граф возвел себе дом на развалинах средневековой крепости. Стужа выбелила уцелевшие остатки старинных укреплений, сложенные из того же серого камня, что и стены кингсбриджского собора, украсила их затейливыми узорами. Подъехав ближе, Нед различил звуки праздника – громкие приветствия, хохот и музыку, которую играли деревенские музыканты: рокотал барабан, звала плясать скрипка, завывали волынки. Гомон голосов и прочий шум обещали жар от костров, горячую еду и что-нибудь крепкое для поднятия духа.

Нед наподдал пятками, пуская лошадь рысью. Ему не терпелось добраться до места и положить конец своему смятению. Неужто Марджери и впрямь любит Барта Ширинга и готова выйти за того замуж?

Дорога вела к воротам. Грачи, восседавшие на замковых стенах, встречали вновь прибывающих хриплыми криками, словно насмехаясь над ними. Подъемный мост давно исчез, ров засыпали, однако в надвратной башенке до сих пор сохранились узкие бойницы. Нед миновал ворота и въехал на заполненный людьми двор. Разряженные гости бродили среди лошадей и повозок, мимо сновали графские слуги. Нед передал поводья своего пони конюху и присоединился к тем, кто вереницей двигался к дому.

Марджери нигде не видно.

На дальней стороне двора возвышалось современное кирпичное здание, примыкавшее к старинным замковым постройкам; его будто подпирали с обоих краев часовня и пивоварня. За те четыре года, что минули с возведения дома, Неду довелось лишь единожды тут побывать, и он не мог не восхититься чередой больших окон и рядами печных труб на крыше. Затмевавшее собою дома богатейших торговцев Кингсбриджа, это здание было самым крупным из всех, какие юноше случалось видеть; возможно, в Лондоне найдутся дома и побольше, но там он никогда не бывал.

Граф Суизин утратил свое положение в правление Генриха Восьмого, ибо не одобрял затейного короля разрыва с папой, зато пять лет назад, когда к власти пришла ревностная католичка Мария Тюдор, он снова сделался богатым и важным и пользовался покровительством короны. Все это сулило роскошный пир.

Нед вошел в дом и очутился в просторной зале с потолком высоко вверх. Благодаря большим окнам в зале было светло даже зимним днем. Стены были отделаны лакированными дубовыми панелями, поверх которых висели шпалеры с изображением охотничьих сцен. В двух громадных очагах, по одному в каждом конце длинного помещения, потрескивали горящие дрова. На галерее, что тянулась вдоль трех из четырех стен, наяривали те самые музыканты,

чью игру юноша слышал издалека. А высоко на четвертой стене красовался портрет отца графа Суизина, с графским жезлом в руке.

Некоторые гости, разбившись на восьмерки, отплясывали задорный деревенский танец, то брались за руки, образуя подвижные круги, то расходились, чтобы выкинуть коленце-другое. Прочие вели разговоры, возвышая голоса, чтобы перекричать музыку и топот ног плясунцов. Нед взял деревянную чашку с горячим сидром и стал осматриваться.

Поодаль, неодобрительно поглядывая на пляшущих, стоял судовладелец Филберт Кобли с семейством; все они были одеты в черное с серым. Кингсбриджские протестанты были таким наполовину тайным кружком – все знали, что они есть, и многих могли бы назвать поименно, однако их существование в открытую не признавалось; точно так, подумалось Неду, как с теми мужчинами, что любят мужчин, а не женщин. Конечно, протестанты не сознавались в своих убеждениях, потому что тогда их стали бы пытаться, требуя отречения, и сожгли бы на костре, посмей они отказаться. Когда их спрашивали, во что они верят, эти люди обычно отвечали уклончиво. Они исправно посещали католические богослужения, как полагалось по закону, однако не упускали случая осудить непристойные песенки, платья с глубоким вырезом, обнажавшие грудь, и пьянство священников. А одеваться скромно закон не запрещал.

Нед был знаком почти с каждым из гостей. С более молодыми из них он вместе ходил когда-то в кингсбриджскую грамматическую школу, а девиц дергал за волосы по воскресеньям после службы. С более старшими, местными нобилями, ему тоже доводилось встречаться, ибо они постоянно заходили по делам к его матери.

Высматривая Марджери, он вдруг заметил незнакомца, длинноносого мужчину лет тридцати-сорока, с редкими темно-русыми волосами и щегольской бородкой, подстриженной по последним веяниям. Невысокий и худощавый, этот незнакомец был облачен в темно-красный камзол, выглядевший неприлично дорогим. Он беседовал о чем-то с графом Суизином и сэром Реджинальдом Фицджеральдом. Неда поразило поведение местных нобилей: хорошо одетый незнакомец был им явно не по нраву – вон, Реджинальд скрестил руки на груди, а Суизин широко расставил ноги и подбоченился, – однако слушали они очень внимательно.

Музыканты доиграли очередную мелодию, и в наступившей относительной тишине Нед заговорил с Дэниелом, сыном Филберта Кобли; на пару лет старше Неда, тот отличался полнотой, лицо у него было круглое и бледное.

– Кто это? – спросил Нед, указывая на мужчину в красном камзоле.

– Сэр Уильям Сесил, управляет владениями принцессы Елизаветы.

Елизавета Тюдор приходилась королеве Марии младшей единокровной сестрой.

– Слышал я о нем, – проговорил Нед. – Он же был канцлером, да?

– Верно.

В ту пору Нед был еще слишком молод, чтобы следить за политикой, но имя Сесила ему запомнилось: матушка часто восхищалась этим человеком. На вкус Марии Тюдор, Сесил недостаточно доказал свою приверженность католичеству, и, став королевой, она отправила канцлера в отставку, а потому теперь он исполнял куда более скромные обязанности, приглядывая за имуществом Елизаветы.

Интересно, что он здесь делает?

Матушке наверняка захочется увидеть Сесила своими глазами. Вдобавок гость явно привез какие-то новости, а Элис была поистине одержима новостями. Она сизмальства внушала сыновьям, что знания способны принести богатство – или уберечь от разорения. Но, поискав взглядом мать, Нед внезапно заметил Марджери и мгновенно забыл об Уильяме Сесиле.

Облик Марджери его потряс. Она выглядела совсем взрослой, будто прошло пять лет, а не всего один год. Выющиеся русые волосы уложены в изысканную прическу и прикрыты мужской шляпой с пышными перьями. Белый кружевной воротничок облегал шею и будто освещал лицо девушки. Невысокая ростом, она вовсе не была худой, и жесткий лиф светло-голубого

платья не скрывал милых взору округлостей фигуры. Как обычно, ее лицо не знало покоя. Она то улыбалась, то поднимала брови, то наклоняла голову, а выражения удивления, недоверия, насмешки и восторга сменяли друг друга. Нед понял, что таращится на нее, как было всегда, и на мгновение возникло такое чувство, словно в зале нет никого, кроме них двоих.

Очнувшись от столбняка, он стал протискиваться сквозь толпу.

Марджери заметила его. Сперва ее лицо озарилось довольной улыбкой, и это несказанно обрадовало Неда; затем, как погода весенним днем, все резко изменилось и на лице девушки отразилось беспокойство. Чем ближе он подходил, тем шире становились ее глаза, в которых читался испуг; она словно просила его уйти, но Нед не отступал. Им нужно поговорить!

Оказавшись рядом, он не успел раскрыть рта – Марджери его опередила.

– Иди за мной, как только начнут «Охоту на оленя», – велела она негромко. – И ничего не спрашивай.

«Охотой на оленя» называлась старинная игра наподобие прятков, молодежь часто затевала эту игру на праздниках. Нед был готов бежать за девушкой немедленно. Но все-таки не удержался от того, чтобы не перемолвиться словечком прямо сейчас.

– Ты любишь Барта Ширинга? – спросил он.

– Нет. Уходи, потом поговорим.

Слава богу! Но это еще не все...

– А замуж за него собираешься?

– Нет, пока у меня хватит сил посылать его к дьяволу.

Юноша ухмыльнулся.

– Ладно, тогда я подожду.

Он отошел от Марджери, сам не свой от счастья.

4

Ролло с тревогой наблюдал за тем, как сестра общается с Недом Уиллардом. Общение выдалось недолгим, но они явно говорили о чем-то важном. Вчера, когда отец выпорол Марджери, он подслушивал у двери в библиотеку и был согласен с матерью – наказание лишь делает Марджери еще упрямее.

Ему не хотелось, чтобы сестра вышла за Неда. И то, что Нед никогда Ролло не нравился, было меньшим из зол. Куда важнее было то, что Уилларды потакали протестантам. Эдмунд Уиллард ничуть не возмущался, когда король Генрих выступил против католической церкви. Ну да, он столь же равнодушно воспринял торжество католицизма, наставшее при королеве Марии, и это еще больше уязвляло Ролло. Юноша не терпел людей, не выказывавших должного уважения вере. Ведь слово церкви должно быть законом.

Вдобавок свадьба с Недом Уиллардом никоим образом не укрепит положение Фицджеральдов, это будет обычный союз двух преуспевающих торговых семейств. А вот Барт Ширинг способен ввести Фицджеральдов в ряды знати. Спроси его кто угодно, Ролло бы ответил, что положение семьи важнее всего на свете, кроме Божьей воли.

Танцы прекратились, слуги графа стали втаскивать козлы и класть на них доски; получился Т-образный стол, «ножка» которого протянулась по всей длине залы. Потом они принялись накрывать этот стол – и вели себя, как подумалось Ролло, с достойной осуждения безалаберностью, как попало и без надлежащей аккуратности расставляя по белой скатерти глиняные кружки и блюда с хлебом. А все потому, что нет женщины, которая за ними присмотрела бы: графиня умерла два года назад, и Суизин пока так и не женился снова.

– Отец зовет вас, мастер Фицджеральд, – сообщил слуга. – Он у графа.

Следом за слугой Ролло прошел в комнату с письменным столом и стойкой с бухгалтерскими книгами – похоже, именно здесь граф Суизин занимался делами.

Сам граф восседал в громадном кресле, напоминавшем трон. Он был высок и привлекателен, как и его сын, однако многолетняя привычка к хорошей еде и обильным возлияниям сказалась на его фигуре, да и нос заметно покраснел. Четыре года назад он потерял почти все пальцы на левой руке в сражении при Хартли-Вуд¹⁰, но нисколько не пытался спрятать свое увечье – наоборот, даже выставлял напоказ, очевидно гордясь полученной раной.

Отец Ролло, сэр Реджинальд, сидел рядом с графом, поджарый и сосредоточенный, этаким леопард рядом с медведем.

Еще в комнате присутствовал Барт Ширинг, а также, к удивлению и раздражению Ролло, там были Элис Уиллард и ее сын Нед.

Уильям Сесил сидел на низеньком стуле перед шестью местными; хотя со стороны выглядело, будто он один против всех, у Ролло сложилось ощущение, что именно чужак здесь за главного.

Сэр Реджинальд спросил Сесила:

– Не возражаете, если мой сын к нам присоединится? Он учился в Оксфорде и изучал право в судебных иннах¹¹ Лондона.

– Я рад видеть молодое поколение, – дружелюбно отозвался Сесил. – Своего сына я тоже обычно приглашаю на деловые встречи, пускай ему всего шестнадцать. Чем раньше начнешь, как говорится, тем быстрее научишься.

Разглядывая Сесила, Ролло заметил три бородавки на правой щеке гостя; в его густой русой бороде проступала седина. Сэр Уильям в молодости, в правление Эдуарда Шестого, был могущественным сановником; хотя ему не исполнилось еще и сорока, его словно окутывал покров власти и мудрости, свойственный людям, которые гораздо старше.

Граф Суизин нетерпеливо заерзал в своем кресле.

– Сэр Уильям, меня там ожидает сотня гостей. Может, вы наконец расскажете нам то, что собирались, иначе мне придется долго оправдываться.

– Разумеется, милорд, – ответил Сесил. – Королева не беременна.

Ролло фыркнул, и в этом звуке было поровну удивления и недовольства.

Королева Мария и король Фелипе отчаянно пытались зачать наследника сразу двух корон, английской и испанской. Однако встречались супруги крайне редко, слишком занятые государственными делами в своих отстоявших далеко друг от друга королевствах. Потому в обеих странах началось бурное ликование, когда Мария объявила, что ждет ребенка и должна разрешиться от бремени в следующем марте. Судя по всему, это объявление было чересчур поспешным.

– Такое уже бывало, – хмуро проговорил сэр Реджинальд.

Сесил утвердительно кивнул.

– Да, это вторая ложная беременность.

– Ложная? – переспросил граф Суизин с озадаченным видом. – Что это значит?

– Выкидыша не было, – многозначительно ответил Сесил.

Сэр Реджинальд пояснил:

– Ей так хотелось ребенка, что она убедила себя, будто находится в тягости, а на самом деле это не так.

– Понятно, – протянул Суизин. – Женская глупость.

Элис Уиллард оскорбленно вскинулась, но граф не обратил на нее ни малейшего внимания.

¹⁰ 28 января 1554 года отряд мятежников, восставших против королевы Марии Тюдор, встретился с силами роялистов близ кентской деревушки Хартли. В ходе столкновения мятежники были разгромлены и рассеяны.

¹¹ Форма самоорганизации юридического сообщества, своего рода юридические гильдии или цеха. Участники иннов вместе проживали, учились, могли пользоваться библиотеками и т. д.

– Вполне вероятно, – продолжал Сесил, – что наша королева навсегда останется бездетной.

Ролло стал мысленно перебирать возможные последствия. Долгожданное дитя ревностной католички королевы Марии и не менее стойкого в вере короля Фелипе воспитывали бы по всем заповедям католиков, а значит, от него можно и нужно было бы ожидать покровительства семьям наподобие Фицджеральдов. Но если Мария умрет, не оставив потомства, о покровительстве можно забыть.

Сесил, должно быть, догадался об этом давным-давно.

– Переход власти к новому государю – опасная пора для любой страны, – произнес сэр Уильям.

Ролло стиснул зубы, справляясь с приступом страха. Если Англия вернется к протестантизму, семейство Фицджеральдов лишится всего, чего добилось за последние пять лет.

– Я стремлюсь к тому, чтобы переход прошел гладко и без кровопролития, – продолжал Сесил. – И приехал сюда побеседовать с тремя наиболее важными персонами, правителем графства, мэром Кингсбриджа и самым богатым торговцем, и попросить вас о помощи.

Доверительный тон порождал впечатление, будто Сесил – верный слуга, заботящийся о своей госпоже, но Ролло почему-то виделся в нем опасный заговорщик.

– И чем же мы можем вам помочь? – спросил граф Суизин.

– Поддержите мою госпожу, принцессу Елизавету.

– Вы допускаете, что Елизавета может унаследовать трон? – с вызовом осведомился Суизин.

– У Генриха Восьмого было трое детей¹², – изрек банальность Сесил. – Его сын Эдуард Шестой, мальчик-король, скончался прежде, чем успел обзавестись наследником. Поэтому королевой стала старшая дочь Генриха, Мария Тюдор. Дальше – чистая логика. Если королева Мария умрет бездетной, подобно королю Эдуарду, следующей в очереди на престол стоит другая дочь Генриха, Елизавета Тюдор.

Ролло счел, что пора вмешаться в разговор. Нельзя оставлять без ответа эти изменнические речи, а он – единственный законник среди присутствующих. Юноше хотелось рассуждать столь же негромко и внушительно, как это удавалось Сесилу, но, несмотря на все усилия, он ясно слышал нотку беспокойства в своем голосе.

– Елизавета – незаконная дочь! – воскликнул он. – Генрих ведь так и не женился на ее матери. А его развод с предыдущей женой не был утвержден папой!

– Бастарды не вправе наследовать имущество и титулы, – добавил граф Суизин, – все это знают.

Ролло моргнул. Именовать Елизавету бастардом в лицо ее советнику было, пожалуй, грубовато. Суизину, к сожалению, вообще свойственны простецкие манеры, а сейчас, Ролло в том не сомневался, граф глубоко уязвил внешне хладнокровного Сесила. Возможно, этот человек угодил в опалу, но не стоит злить того, кто наверняка сохранил влияние и власть.

Впрочем, Сесил пропустил слова Суизина мимо ушей.

– Развод был одобрен английским парламентом, – напомнил он вежливо.

– Мне говорили, что Елизавету учили протестанты, – не сдавался Суизин.

Вот оно, подумал Ролло.

Сесил улыбнулся.

– Она повторяла мне много раз, что, если станет королевой, постарается сделать так, чтобы ни один англичанин впредь не лишился жизни за свою веру.

¹² Речь о детях, имевших право на трон. Всего же, по различным источникам, у короля Генриха было от 15 до 18 законных и незаконных детей.

– Хорошее намерение, – вставил Нед Уиллард. – Никому не нужно, чтобы люди продолжали гибнуть.

Обычное дело для Уиллардов, хмыкнул про себя Ролло: все, что угодно, лишь бы жить спокойно.

Граф Суизин, раздражаясь все сильнее, не отступался.

– Католицизм или протестантство? Она должна выбрать, третьего не дано.

– Не соглашусь, – откликнулся Сесил. – Она верит в терпимость.

– Терпимость? – презрительно повторил Суизин. – И что мы должны терпеть? Ересь? Богохульство? Безбожие?

Для Ролло гнев Суизина был вполне оправданным, однако чувства не могли служить заменой законам. У католической церкви имелось собственное мнение насчет того, кто должен стать следующим правителем Англии.

– В глазах всего света истинной наследницей трона является другая Мария, королева Шотландии¹³.

– Ничего подобного, – возразил Сесил, явно ожидавший услышать такой довод. – Мария Стюарт – лишь внучатая племянница короля Генриха, тогда как Елизавета Тюдор – его дочь.

– Незаконнорожденная дочь!

Снова заговорил Нед Уиллард:

– Я видел Марию Стюарт, когда был в Париже. С нею самой я не беседовал, но был в одной из наружных зал Лувра, когда она проходила через них. Она высокая и красивая.

– Что за ерунду ты несешь! – процедил Ролло. – Здесь-то это при чем?

– Ей пятнадцать, – сказал Нед и пристально поглядел на Ролло. – Столько же, сколько твоей сестре Марджерии.

– С какой стати...

Нед перебил, повысив голос:

– Кому-то кажется, что девушки в пятнадцать лет слишком молоды, чтобы выбирать себе мужа, а тем более – править страной.

Ролло резко втянул воздух, а его отец что-то неодобрительно пробормотал. Сесил нахмурился, сообразив, похоже, что слова Неда полны смысла, недоступного посторонним.

– Мне рассказывали, что Мария говорит на французском и шотландском, – продолжал Нед, – зато по-английски и двух слов не свяжет.

– Закону это безразлично, – ответил Ролло.

– А все прочее? Мария помолвлена с принцем Франциском, наследником французского трона. Англичане не одобряют брак нашей королевы с королем Испании, а уж королеву, которая замужем за королем Франции, они примут еще враждебнее.

– Решения о том, кому править, принимает не народ, – сказал Ролло.

– Наверняка не обойдется без крови, а тогда народ может взяться за серпы и топоры, и к нему придется прислушаться.

– Именно это я пытаюсь предотвратить, – заявил Сесил.

Да, опасность существует, и она велика, мысленно признал Ролло. Прежде чем он подыскал ответ, снова подал голос Суизин:

– Какая она, ваша Елизавета? Какая она в жизни? Я никогда ее видел.

Сам Ролло предпочел бы и далее обсуждать важнейший вопрос престолонаследия, однако Сесил охотно воспользовался возможностью, которую открыл для него своим несвоевременным вмешательством граф Суизин.

¹³ Поскольку Шотландией до совершеннолетия Марии правили регенты, ее называли «королевой шотландцев», подчеркивая, что она – законная правительница своего народа.

– Женщин образованнее, чем она, мне встречать едва ли доводилось. На латыни она изъясняется столь же бегло, как по-английски, а еще говорит на французском, испанском и итальянском и пишет по-гречески. Скорее всего, признанной красавицей ей не быть, но она умеет очаровывать мужчин, и те находят ее прелестной. От своего отца, короля Генриха, она унаследовала крепость духа и будет править твердо и решительно.

Этот Сесил точно влюблен в свою Елизавету, подумалось Ролло. Но не это главное. Противникам Елизаветы приходилось полагаться исключительно на крючкотворские доводы, потому что иных оснований спорить почти не имелось. Выглядело так, будто Елизавета достаточно взрослая, достаточно мудрая и достаточно решительная для того, чтобы править Англией. Быть может, она протестантка, но ей хватает ума это скрывать, а доказательствами католики не располагают.

Протестантка на троне – такая мысль привела Ролло в ужас. Она, конечно же, станет преследовать католические семейства. И Фицджеральдам уже никогда будет не оправиться от подобного удара.

– Что ж, – сказал Суизин, – если она выйдет замуж за доброго католика, который будет держать ее в узде, можно, пожалуй, и согласиться.

Ролло поежился, постаравшись, чтобы движение не бросилось в глаза. Граф же противно захихикал: должно быть, ему вообразилось, как он обуздывает принцессу.

– Буду иметь в виду, – сухо ответил Сесил. Тут прозвонил колокольчик, созывавший гостей за стол, и опальный сановник встал. – Я прошу лишь, чтобы вы не спешили с умозами. Дайте принцессе Елизавете проявить себя.

Он и прочие вышли из комнаты, а сэр Реджинальд и Ролло задержались.

– Думаю, мы вывели его на чистую воду, – сказал Реджинальд.

Ролло покачал головой. Временами ему хотелось, чтобы отец обладал более изворотливым умом.

– Сесил еще до своего приезда к нам знал, что верные королеве католики вроде тебя и Суизина никогда не поддержат Елизавету.

– Наверное, ты прав, – согласился отец. – Уж об этом-то его должны были известить.

– А еще он умный человек.

– Тогда зачем он сюда приехал?

– Я себя спрашиваю о том же, – признался Ролло. – Сдается мне, он приехал оценить силы своих врагов.

– Ого! – воскликнул отец. – Смело, смело.

– Пойдем за стол, – подвел итог сын.

5

Нед не находил себе места. Он не мог дожидаться, пока гости насытятся и напьются, и весь извелся в ожидании игры в «Поймай оленя». Однако в тот самый миг, когда со стола убрали сладости, мать перехватила его взгляд и поманила к себе.

Он заметил, что она оживленно беседует о чем-то с сэром Уильямом Сесилом. Рядом с посланцем Елизаветы Элис Уиллард казалась весьма дородной, в своем пышном платье кингсбриджского алого шелка, расшитом золотыми нитями, и с медальоном Приснодевы на шее, который она носила, чтобы избежать упреков в протестантстве. Неду очень хотелось притвориться, будто он не заметил движения материнской руки. Игра начнется, покуда слуги будут убирать со стола, а актеры станут готовиться к пьесе. Юноша не знал и не догадывался, что задумала Марджери, но был полон желания это выяснить. Впрочем, Элис была не только любящей, но и суровой матерью, неповиновения она не потерпит, так что придется идти.

– Сэр Уильям хочет тебя кое о чем расспросить, – сказала мать.

– Польщен, – вежливо и коротко ответил Нед.
– Расскажи мне о Кале, – попросил Сесил. – Насколько понимаю, ты только что оттуда?
– Я уехал за неделю до Рождества, а домой вернулся вчера.
– Вряд ли мне нужно объяснять вам с матерью, насколько этот город важен для английской торговли. К тому же тот факт, что мы владеем малой частью Франции, тешит наше самолюбие.

Нед кивнул.

– А французы из-за этого сильно злятся.
– Пусть их. Скажи, какой настрой проживающих там англичан?
– Обычный. – Нед пожал плечами, ощущая растущее беспокойство. Сесил расспрашивал его не без причины, должен быть какой-то повод. Кстати, и матушка глядит непривычно хмуро. Ладно, разберемся. – Когда я уезжал, они продолжали праздновать поражение французов под Сен-Кантенем, в августе¹⁴. Они думают, что война Англии с Францией теперь уж точно их не коснется.

– Мне бы их уверенность, – пробормотал Сесил.

Нед нахмурился.

– Кале окружен фортами – Сангат, Фретюн, Ньель...
– А если эти укрепления падут? – перебил Сесил.
– В самом городе триста семьдесят пушек.
– Ты хорошо осведомлен. А люди осаду выдержат?
– Еды запасено на три месяца. – Нед позаботился о том, чтобы выяснить все это перед своим отъездом: он знал, что матушка потребует подробный отчет. – Что происходит, мама? – спросил он, поворачиваясь к Элис.

– Французы захватили Сангат в первый день января, – ответила та.

Не может быть!

– Как такое могло случиться?

– Французское войско тайно собиралось в близлежащих поселениях, – пояснил Сесил. – Они застали гарнизон Кале врасплох.

– А кто командовал французами?

– Франсуа, герцог де Гиз.

– Меченый! – воскликнул Нед. Этот успевший войти в предания воин считался лучшим полководцем Франции.

– Так что теперь город наверняка в осаде.

– Но ведь он не пал?

– Насколько нам известно – нет, однако последние вести поступили пять дней назад.

Нед снова повернулся к Элис.

– От дядюшки Дика ничего?

Элис Уиллард покачала головой.

– Из осажденного города письмо не отправишь.

Неду вспомнились его родичи – тетушка Бланш, стряпуха из которой куда лучше, чем Джанет Файф, хотя самой Джанет юноша этого говорить не собирался; кузен Альбан, его ровесник, научивший Неда французским словечкам для срамных частей тела и прочим малопривычным умениям; пылкая и любвеобильная Тереза... Уцелеют ли они?

– Наши торговые дела почти целиком завязаны на Кале, – негромко сказала Элис.

Нед озадаченно посмотрел на мать.

– Разве наши корабли не ходят в Севилью?

¹⁴ В августе 1557 года силы испанского короля Филиппа Второго при поддержке англичан разгромили под городом Сен-Кантен в Пикардии французское войско и взяли в плен командующего, коннетабля Франции А. де Монморанси.

Испанский порт Севилья был превращен королем Фелипе в громадную оружейную и потому жадно поглощал любые поставки металла. Кузен Недова отца, Карлос Крус, скупал все, что присылала Элис, и эта руда превращалась в пушки и пушечные ядра, необходимые Испании для ее бесконечных войн. Брат Неда, Барни, находился в Севилье, жил у Карлоса и трудился вместе с ним, осваивая премудрости семейного дела, – как сам Нед в Кале. Однако путешествие по морю было долгим и опасным, поэтому корабли в Испанию отправляли, только когда заполнялись склады в ближнем Кале.

– Нет, – ответила Элис на вопрос сына. – Прямо сейчас ни один наш корабль не плывет в Севилью и не возвращается оттуда.

– Значит, если Кале падет...

– Мы потеряем почти все.

Нед полагал, что более или менее освоился с семейным предприятием, но совершенно не подозревал, что оно способно так быстро оказаться на грани краха. Ему вспомнилось вдруг, как верная лошадь однажды споткнулась и он чуть не выпал из седла. Что ж, еще одно напоминание о том, сколь непредсказуема жизнь.

Прозвенел колокольчик, возвещая о начале игры. Сесил улыбнулся.

– Спасибо за твой рассказ, Нед. Непривычно видеть столь внимательного молодого человека.

– Рад, что смог помочь. – Слова Сесила немало польстили юноше.

Тут мимо пробежала сестра Дэна Кобли, светлокудрая красотка Рут.

– Идем, Нед, пора играть!

– Иду, – ответил он, но не сдвинулся с места. Юношу охватила растерянность. Он по-прежнему жаждал поговорить с Марджери, однако после услышанного от Сесила всякое желание развлекаться пропало. – Думаю, мы ничего не можем поделать, – сказал он, обращаясь к матери.

– Будем ждать вестей, хотя те могут прийти не скоро.

Наступило угрюмое молчание, потом Сесил сказал:

– Кстати, я ищу помощника для службы принцессе Елизавете. Этот юноша будет жить во дворце Хэтфилд, вместе с челядью принцессы, и станет замещать меня, когда мне придется ездить в Лондон или куда-то еще. Знаю, Нед, тебя прочат в торговцы, ты помогаешь матери, но если тебе случится встретить человека вроде себя, разумного и заслуживающего доверия, подмечающего малейшие подробности... Словом, дай мне знать.

Нед кивнул:

– Конечно.

Почему-то он заподозрил, что на самом деле Сесил предлагает эту работу ему.

А сэр Уильям продолжил:

– Моему помощнику придется принять терпимость Елизаветы к вероисповеданию.

Нед снова кивнул. Королева Мария Тюдор сожгла на кострах сотни протестантов. А Сесил наверняка вывел из спора о престолонаследии в графской библиотеке, что он, Нед, разделяет чувства Елизаветы. И с ним согласны миллионы англичан: не важно, католик ты или протестант, нужно положить конец смертям.

– Елизавета повторяла мне много раз, что, если станет королевой, постарается сделать так, чтобы ни один англичанин впредь не лишался жизни за свою веру, – прибавил Сесил. – Сдается мне, это достойная цель.

Элис неодобрительно повела плечом.

– Что ж, как вы сами сказали, сэр Уильям, моим сыновьям предстоит продолжить семейное дело. Ступай, Нед.

Юноша послушно повернулся и стал высматривать Марджери.

6

Граф Суизин нанял компанию бродячих актеров, и те возводили у стены длинной залы, под картиной с распятием, высокий помост для выступлений. Марджери наблюдала за суетой актеров, и тем же занималась вставшая рядом с девушкой леди Брекнок. Привлекательная и улыбчивая дама лет сорока, Сюзанна Брекнок приходилась графу Суизину двоюродной сестрой и часто бывала в Кингсбридже, где у нее имелся собственный дом. Марджери встречалась с нею раньше и поняла, что эта женщина дружелюбна и не кичится своей знатностью.

Помост строили, накладывая доски на бочки.

– Выглядит как-то ненадежно, – заметила Марджери.

– И я о том же подумала! – воскликнула Сюзанна.

– Вы знаете, какую пьесу будут ставить?

– Жизнь Марии Магдалины.

– Ой! – Мария Магдалина считалась покровительницей блудниц. Священники всякий раз, когда слышали такое, поправляли: «раскаившихся блудниц», но от того фигура святой не становилась менее притягательной. – А они справятся? Все актеры ведь мужчины.

– Ты не видела других пьес?

– Таких, чтобы со сценой и настоящими актерами, – никогда. Я видела только процессии и мистерии.

– Женские роли всегда играют мужчины. Женщины на сцену не допускаются.

– Почему же?

– Думаю, потому, что мы низшие существа, слабые физически и скорбные умом.

Леди явно насмешничала. Сюзанна нравилась Марджери своей прямоотой. Большинство взрослых склонны отвечать на неприятные вопросы расхожими банальностями, а вот Сюзанна всегда высказывалась откровенно. Осмелев, Марджери поделилась обуревавшими ее мыслями.

– А вас насильно выдали за лорда Брекнока?

Сюзанна вопросительно приподняла бровь.

Марджери и сама сообразила, что ляпнула что-то не то.

– Прошу прощения, – поспешила извиниться она. – Я не должна была спрашивать о таком, это неприлично.

На глаза девушки навернулись слезы.

Сюзанна пожала плечами.

– Конечно, ты не должна была спрашивать, но я еще помню, каково это – быть пятнадцатилетней. – Она понизила голос. – За кого тебя хотят выдать?

– За Барта Ширинга.

– Бедняжка. – В ее голосе прозвучало неподдельное сочувствие, хотя Барт был родственником Сюзанны. От такой доброжелательности леди Брекнок тяжесть на сердце Марджери сделалась весомее прежнего. Между тем Сюзанна подумала и прибавила: – Да, о моем браке договаривались родители, но меня никто не вынуждал. Лорд мне понравился.

– Вы его любите?

Сюзанна помедлила с ответом, колеблясь между сочувствием и нежеланием делиться сокровенным.

– Наверное, я не стану отвечать.

– Да-да, я снова не подумала... Простите, пожалуйста.

– Но я вижу, что ты в смятении, а потому кое в чем тебе признаюсь, если ты пообещаешь никому не повторять моих слов.

– Обещаю.

– Мы с Брекноком друзья. Он добр ко мне, а я делаю все, что в моих силах, чтобы доставить ему удовольствие. И у нас четверо замечательных детей. Я счастлива. – Сюзанна опять помолчала, посмотрела на Марджери, ожидавшую ответа. – Однако мне известно, что бывает другое счастье. Когда ты обожаешь кого-то до безумия, а этот кто-то обожает тебя.

– Да! – воскликнула Марджери, обрадованная тем, что ее наконец поняли.

– Увы, это счастье доступно далеко не всем, – торжественно изрекла леди Брекнок.

– Но это несправедливо! – Марджери возмутила сама мысль о том, что человека можно лишить любви.

– Может быть. – На мгновение взор Сюзанны словно затуманился. – Может быть.

За спиной леди Брекнок появился Нед в своем зеленом французском дублете. Сюзанна, заметив взгляд Марджери, обернулась и спросила:

– Так ты положила глаз на Неда Уилларда?

– Да.

– Хороший выбор. Он милый.

– Он чудесный!

В улыбке Сюзанны была толика печали.

– Надеюсь, у тебя все сложится.

Нед поклонился леди Брекнок, та ответила ему кивком головы и удалилась.

Актеры между тем стали вешать занавес в углу залы.

– Как думаешь, для чего он нужен? – спросилась Марджери у Неда.

– Они будут переодеваться за этим занавесом, – сказал юноша, огляделся и прибавил негромко: – Мы можем поговорить? Я весь как на иголках.

– Игра вот-вот начнется. Просто следи за мной.

Охотником выбрали Донала Глостера, пригожего помощника Филберта Кобли. У него были темные вьющиеся волосы и выразительное лицо. Марджери он казался рохлей и слабым, но она не сомневалась, что некоторые другие девушки сильно обрадуются, когда он их отыщет.

Новый замок отлично подходил для этой игры. Укромных местечек в нем имелось больше, чем в кроличьей норе. Те помещения, где новый дом сходилась со старым замком, в особенности изобиловали диковинными стенными шкафами, неожиданными лесенками, нишами и комнатами странных форм. На самом деле игра была детской, и Марджери маленькой девочкой часто гадала, почему девятнадцатилетние столь охотно присоединяются к играющим. Теперь она понимала, что игра позволяла вдоволь нацеловаться и потискаться.

Донал закрыл глаза и начал читать молитву на латыни, а вся молодежь побежала прятаться.

Марджери заранее выбрала для себя укрытие, хорошенько изучив замок, и удостоверилась, что там никто не помешает ей переговорить с Недом. Она вышла из залы и поспешила по коридору в сторону старого замка, надеясь, что Нед последовал за нею.

Девушка миновала дверь в конце коридора, оглянулась и увидела Неда – а с ним еще нескольких человек. Досадно, она рассчитывала остаться с ним наедине.

Марджери прошла мимо крохотной кладовой и взбежала по витой лестнице с каменными ступенями, а затем немного спустилась. Она слышала голоса других, но ее саму никто уже не видел. Тогда она свернула в коридор, который заканчивался тупиком. Свет давала единственная свеча, вставленная в скобу на стене. На полпути к тупику располагалась средневековая пекарня с огромным очагом, давным-давно заброшенная; ее трубы разобрали, когда строили новый дом. Рядом, укрытая за каменным выступом, находилась заслонка – целая дверь! – невероятно громадной печи, едва различимая в полумраке. Марджери подобрала юбки и проскользнула внутрь печи. Там было на удивление чисто, что она заметила, еще когда приходила в первый раз. Девушка закрыла дверь почти до конца и прильнула к нарочно оставленной щели.

Нед ворвался в коридор, на пятки ему наседали Барт и красотка Рут Кобли, быть может, вздыхавшая по Барту. Марджери даже застонала от разочарования. Как же ей отделить Неда от остальных?

Все трое промчались мимо двери, ничего не заметив. Мгновение спустя они уткнулись в тупик и двинулись обратно – первой Рут, потом Барт, потом Нед.

Вот и отлично!

Рут и Барт скрылись из виду. Марджери окликнула:

– Нед!

Юноша замер и озадаченно закрутил головой.

Марджери отодвинула заслонку.

– Сюда, скорее!

Просить дважды не пришлось. Он юркнул внутрь печи, и Марджери снова затворила дверь.

В печи было темным-темно, но они оказались рядом, колено к колену, щека к щеке. Девушка ощущала тепло мужского тела.

Нед поцеловал ее. Она горячо ответила на поцелуй. Что бы ни произошло, он по-прежнему любит ее, и в тот миг ничто иное Марджери не заботило. Она боялась, что Нед забудет ее за год разлуки, после всех соблазнов Кале. Боялась, что он повстречает разбитных французских девиц, куда более искушенных и искусных в любви, чем простушка Мардж Фицджеральд из Кингсбриджа. Но Нед ничего не забыл, судя по тому, как он обнимал ее, как целовал, как ласкал. Сама не своя от счастья, она обхватила ладонями его голову, раскрыла губы навстречу его языку и прижалась к нему всем телом.

Он лег на нее сверху. Она была готова раскрыть перед ним свое тело и позволить ему забрать ее девичество, но тут кое-что случилось. Послышался стук, как если бы Нед в темноте задел за что-то ногою; потом словно рухнула на пол деревянная панель, а потом Марджери вдруг начала различать очертания печного зева.

Они оба перепугались, тут же бросили свою возню и устались наверх. Задняя часть печи просто-напросто обвалилась. За рухнувшей стенкой находилось другое, тускло освещенное помещение. Марджери затрепетала, сообразив, что в этом помещении могли быть люди, способные заметить, чем они с Недом только что занимались. Девушка села на пол и осторожно выглянула наружу.

Никого. Марджери разглядела бойницу, сквозь которую в помещение проникал солнечный свет. Выходит, узкое пространство за старой печью почему-то заделали при строительстве нового дома. Дверей нет, попасть туда можно было лишь через печь. На полу валялась деревянная панель, скрывавшая проход и не устоявшая, когда разгорячившийся Нед пихнул ее ногой. Слышались чьи-то голоса, но они доносились снаружи, со двора. Марджери облегченно вздохнула – никто их не видел, никто ничего не заподозрил.

Девушка выбралась из печи и выпрямилась в полный рост. Нед последовал за ней. Какое-то время они оглядывались по сторонам, а затем Нед сказал:

– Мы могли бы остаться тут навсегда.

Эти слова вернули Марджери к действительности, и она поняла, насколько близка была к тому, чтобы совершить смертный грех. Плотское желание едва не возобладавало над ее знаниями о благе и скверне. Что ж, ей повезло...

Она намеревалась заманить Неда в тайник, чтобы поговорить, а не чтобы целоваться.

– Нед, меня заставляют идти замуж за Барта. Что мы с тобой будем делать?

– Не знаю, – честно ответил Нед.

Ролло заметил, что Суизин изрядно пьян. Граф полулежал в большом кресле перед сценой, сжимая в правой руке кубок. Молодая подавальщица подлила ему вина, а он внезапно схватил ее за грудь своей увечной левой рукой. Девушка испуганно вскрикнула и отшатнулась, пролив вино, а Суизин расхохотался.

На сцену вышел актер и стал читать пролог. В прологе объяснялось, что, дабы показать историю воздаяния, сперва следует поведать о грехе; это необходимо, и потому у зрителей, которых подобное может оскорбить, заранее просят прощения.

Ролло увидел, как в залу прокралась его сестрица Марджери заодно с Недом Уиллардом, и сердито нахмурился. Эти двое воспользовались игрой в «Поймай оленя», чтобы уединиться, и наверняка устроили – или надумали устроить – что-нибудь неподобающее.

Юноша не понимал свою сестру. К вопросам веры она относилась чрезвычайно серьезно, однако всегда отличалась склонностью к своеволию. Как такое возможно? Для Ролло сама суть веры состояла в подчинении и послушании. Вот в чем главная беда протестантов: они думают, будто у них есть право решать самостоятельно. Но Марджери ведь истовая католичка.

На сцене появился актер, изображавший Неверность, о чем свидетельствовал огромный гульфик. Он подмигивал, вещал, прикрывая рот ладонью, и постоянно оглядывался, как бы удостовераясь, что его не подслушивают прочие действующие лица пьесы. Зрители засмеялись, узнавая в этой фигуре преувеличенный, но хорошо знакомый образ.

Разговор с сэром Уильямом Сесилом лишил Ролло душевного равновесия, но теперь юноша думал, что повел себя, пожалуй, не слишком разумно. Пусть принцесса Елизавета и вправду протестантка, с какой стати ломать голову на ее счет? Королеве Марии Тюдор всего сорок один год, она в добром здравии, не считая мнимых беременностей, и будет править долгие десятилетия.

На помост вышла Мария Магдалина. Судя по всему, этой грешнице до раскаяния было еще далеко. Она расхаживала по сцене в алом платье, теребила ожерелье, стреляла глазами в Неверность. Ее губы были подведены каким-то красителем.

Ролло удивился, ибо до сих пор не замечал женщин среди прибывших в замок актеров. Вдобавок, даже пускай он не видел именно эту пьесу ранее, женщинам, о чем ему было известно, запрещено лицедействовать. Компания актеров состояла из четверых мужчин и мальчика лет тринадцати. Ролло недоуменно уставился на Магдалину, но потом его словно осенило: она того же роста и телосложения, как мальчик-актер.

Другие зрители тоже понемногу сообразили, в чем дело, и послышались восхищенные и изумленные шепотки. Однако можно было различить и негромкие, но явственно слышимые недовольные голоса. Обернувшись, Ролло понял, что эти голоса доносятся из того угла, где расположилось семейство Филберта Кобли. Католики воспринимали пьесы спокойно, при условии, что они были религиозного содержания, а вот некоторые убежденные протестанты отвергали лицедейство как таковое. Мальчик, переодетый женщиной, оказался той искрой, что воспламенила их праведный гнев, особенно если учесть, как этому мальчику полагалось вести себя по роли. Все протестанты стояли с каменными лицами – кроме Донала Глостера, молодого писца и помощника Филберта. Донал смеялся ничуть не тише остальных зрителей. Ролло, как и вся молодежь города, знал, что Донал влюблен в Рут, красавицу дочь Филберта. Наверное, он просто притворялся протестантом, чтобы завоевать сердце Рут.

На сцене актер, изображавший Неверность, заключил Магдалину в объятия и одарил ее затяжным сладострастным поцелуем. Это вызвало новую волну хохота, свист и улюлюканье; пуще других старались молодые парни, уже догадавшиеся, что блудницу играет мальчик.

Но Филберт Кобли, низкорослый, грузный и широкий в поясе мужчина с редкими волосами и всклокоченной бородкой, не оценил шутку. Его лицо побагровело, он потрясал кулаками и что-то выкрикивал. Поначалу никто не обращал на него внимания, но когда актеры наконец разорвали объятия и хохот стих, люди стали оборачиваться, выясняя, кто это кричит и почему.

Граф Суизин тоже оглянулся. Его лицо сделалось сердитым. Вот теперь-то все и начнется, подумалось Ролло.

Филберт прекратил кричать, бросил что-то своему окружению и направился к двери. Семья последовала за ним. Донал поплелся за ними, но Ролло видел, что молодой писец откровенно разочарован.

Суизин поднялся со своего кресла и шагнул к протестантам.

– А ну стойте! – крикнул он громовым голосом. – Я никому не позволял уходить!

Актеры на сцене прервали исполнение и повернулись посмотреть, что творится среди зрителей. Ролло счел такую перемену ролей забавной.

Филберт остановился, обернулся и возопил в ответ графу:

– Нам не место в этой содомской обители!

После чего снова пошел к двери.

– Ах ты, гнусный протестант! – взревел Суизин, устремляясь к судовладельцу.

Сын графа Барт заступил отцу дорогу, примирительно вскинул руку и воскликнул:

– Пусть уходят, отец, они того не стоят!

Суизин одним движением отшвырнул сына в сторону и подступил вплотную к Филберту.

– Я убью тебя, клянусь святым крестом! – Граф схватил арматора за горло и принялся душить. Филберт упал на колени, Суизин наклонился следом, усиливая хватку, несмотря на искаленную левую руку.

Тут закричали уже все. Несколько мужчин и женщин кинулись к Суизину, стали тянуть того за рукава, пытаясь оторвать от Филберта, но их сдерживало опасение причинить урон графу, пускай тот вознамерился совершить убийство. Ролло, впрочем, держался позади, ему было все равно, выживет Филберт или умрет.

Нед Уиллард первым перешел к решительным действиям. Правой рукой он обхватил Суизина за шею, просунул сгиб локтя под подбородок графа – и резко дернул вверх и назад. Суизин не устоял на ногах, попятился – и отпустил горло Филберта.

Нед всегда был таким, подумалось Ролло. Даже в школе, будучи тщедушным мальчонкой, он отличался свирепостью норова, задира л парней старше себя, и Ролло приходилось время от времени вразумлять юного Уилларда пучком березовых розог. Потом Нед повзрослел, отращивал могучие ручки и ножищи, и, хотя он по-прежнему уступал многим в росте, старшие ребята научились уважать его кулаки.

Уиллард отпустил графа Суизина и благоразумно отступил, смешавшись с толпой. Продолжая рычать от ярости, Суизин развернулся в поисках обидчика, но не смог угадать, на кого обрушить свой гнев. Рано или поздно сообразит, подумал Ролло, но к тому времени он протрезвеет.

Филберт поднялся на ноги и, пошатываясь, побрел к двери. Суизин этого не заметил.

Барт стиснул отцовскую руку.

– Давай выпьем еще вина и досмотрим пьесу, отец! – сказал он громко. – Вот-вот должно выйти Плотское Блудодеяние!

Филберт и прочие протестанты достигли двери.

Суизин долго и гневно смотрел на Барта. Похоже, граф напрочь забыл, на кого только что лютовал.

Семейство Кобли покинуло залу, большая дубовая дверь с грохотом захлопнулась.

– Продолжаем играть! – рявкнул Суизин.

Актеры поспешили продолжить представление.

Глава 2

1

Пьер Оман добывал себе средства к существованию, освобождая парижан от избытка наличности, и его ремесло не требовало особых навыков в такие дни, как этот, когда горожане праздновали.

Весь Париж был охвачен радостью. Французское войско захватило Кале, отняло порт у варваров-англичан, которые присвоили себе Кале двести лет назад. В каждой столичной таверне мужчины пили за здоровье Меченого, то бишь герцога де Гиза, величайшего военачальника, сумевшего стереть застарелое пятно позора с гордости французов.

Таверна «У святого Этьена» в квартале, носившем название Л'Аль, не была исключением. В одном конце общей залы компания молодых людей играла в кости, поднимая стаканы за Меченого всякий раз, когда кто-то из них побеждал. За столом у самой двери расселись вояки, отмечавшие славную победу так, будто это они брали Кале. В углу крепко спала шляха, чьи волосы купались в винной луже на столешнице.

Этакие празднества открывали немало возможностей для людей вроде Пьера.

Вообще-то он учился в Сорбоннском университете. Своим товарищам-студентам он рассказывал, что получает щедрое содержание от родителей из Шампани. На деле же отец не давал ему ни монеты, а матери пришлось копить полжизни, чтобы справиться сыну приличную одежду, в которой тот мог бы отправиться в Париж. Словом, от родителей помощи ждать не приходилось. Конечно, можно было, как поступали многие студюзусы, зарабатывать на побегушках у стряпчих, переписывать разные судебные документы. Однако Пьер добывал средства на развлечения, которых в этом городе хватало, иными способами. Сегодня он облачился в красивый синий дублет с прорезями, сквозь которые виднелась белая шелковая рубаша. На подобную одежду было не заработать и за год упорного переписывания документов.

Пьер наблюдал за игроками в кости. Все они, как ему казалось, были сыновьями зажиточных горожан – ювелиров, стряпчих, строителей. Вот один из них, Бертран, постоянно выигрывал. Сперва Пьер заподозрил в этом Бертрane ловкача наподобие себя и долго присматривался, стараясь понять, как тот мухлюет. Но постепенно он удостоверился, что игра идет по честному и Бертрану просто повезет.

Что ж, этим было грех не воспользоваться.

Когда Бертран прибрал к рукам чуть больше пятидесяти ливров, его дружки покинули таверну с опустевшими карманами. Бертран велел подать бутылку вина и сыра к вину; в этот миг Пьер подсел к нему.

– Кузену моего деда тоже везло, как вам, – сказал он дружелюбно; такая располагающая манера немало выручала его до сих пор. – Он играл и выигрывал. Сражался при Мариньяно¹⁵ и уцелел. – Подробности Пьер придумывал на ходу. – Он женился на бедной девушке, очень красивой, и любил ее всем сердцем, а она унаследовала мельницу от своего дяди. А сын этого кузена стал епископом.

– Мне везет не каждый раз.

Нет, Бертрана не назовешь полным тупицей, подумалось Пьеру, но все-таки умом он не блещет.

¹⁵ В сентябре 1515 г. в битве у североитальянского города Мариньяно французская армия короля Франциска I победила швейцарских наемников миланского герцога Сфорца.

– Готов поклясться, есть девчонка, которая прежде на вас и не смотрела, а потом вдруг взяла и поцеловала.

С девчонками такое бывает сплошь и рядом, в чем Пьер убедился на собственной шкуре, однако Бертран явно поразился его провидческим способностям.

– Верно. Ее зовут Клодель... Откуда вы узнали?

– Говорю же, вы счастливчик. – Пьер подался вперед и понизил голос, словно намереваясь поведать некую тайну. – Однажды, когда кузен моего деда уже постарел, нищий раскрыл ему секрет удачи.

Бертран не устоял и клюнул на наживку.

– И какой же?

– Нищий сказал ему: «Когда мать тебя носила, она дала мне монетку, потому-то тебе и везет всю жизнь». Это правда.

Бертрана такое объяснение, похоже, разочаровало.

Пьер воздел палец, будто фокусник, готовый сотворить очередное магическое ухищрение.

– А затем нищий сбросил свое грязное тряпье и предстал в истинном облике. Он был ангелом!

Судя по виду Бертрана, тому хотелось поверить, но осторожность мешала.

– Ангел благословил кузена моего деда и улетел на небеса. – Пьер еще сильнее понизил голос, перейдя на шепот. – Сдается мне, ваша матушка тоже подавала милостыню ангелу.

– Может быть, – отозвался Бертран, недостаточно пьяный для того, чтобы поддаться на столь грубую лесть.

– Скажите, она была доброй? – спросил Пьер. Мало кто способен ответить «Нет» на такой вопрос.

– Добрее святого.

– Вот видите! – Тут Пьеру припомнилась его собственная матушка. О, какое разочарование она бы испытала, доведись ей узнать, что сын промышляет обманом, избавляя других от их доходов. Бертран сам напрашивается, мысленно объяснил он матушке; этот гуляка – игрок и пьяница. Однако воображаемая матушка все равно не одобрила его занятие.

Усилием воли он прогнал ненужные мысли. Некогда копаться в своей душе, ведь Бертран почти заглотил наживку.

– В вашей жизни был человек старше вас, который хотя бы раз дал вам важный совет. И это не ваш отец.

Глаза Бертрана расширились от изумления.

– Меня всегда удивляло, почему мсье Ларивьер так обо мне хлопочет.

– Его послал к вам ангел. А случалось вам бывать на краю гибели или едва избежать увечья?

– В пять лет я заблудился в лесу и решил, что попаду домой, переплыв реку. Я чуть не утонул, но проходивший мимо священник спас меня.

– Это был не священник, а ваш ангел.

– Великие небеса, вы правы, дружище!

– Ваша матушка помогла переодетому ангелу, и с тех пор этот ангел присматривает за вами. Клянусь своим кошельком!

Пьер не стал отнекиваться, когда Бертран предложил ему вина и сыра. Добрая еда всегда пригодится.

Он сам учился на священника, потому что это был способ вырваться из бедности. Но всего нескольких дней в университете ему хватило, чтобы понять, что студенты делятся на две большие группы и у каждой группы собственная судьба. Юные сыновья нобилей и богатых торговцев метили в аббаты и епископы, некоторые из них даже знали заранее, каким

хорошо обеспеченным аббатством или епархией им предстоит управлять, ибо зачастую подобные должности находились фактически в частном владении того или иного семейства. Напротив, умненьким отпрыскам врачей и виноторговцев суждено было стать сельскими священниками.

Пьер по происхождению принадлежал ко второй группе, но твердо вознамерился присоединиться к первой.

Поначалу это разделение виделось не слишком четко обозначенным, и в первые дни учебы Пьер держался рядом с богатеями. Он быстро избавился от своего сельского произношения и научился изъясняться с аристократической ленцой. Потом он счел, что ему улыбнулась удача, когда богатый виконт Вильнев, бездумно вышедший из дома без гроша, попросил одолжить двадцать ливров до завтра. Эта сумма равнялась всей наличности, какой располагал Пьер, но юноша решил не упускать возможность.

Он протянул деньги Вильневу с таким видом, словно для него это был пустяк.

На следующий день виконт и не подумал возвратить долг.

Пьер впал в отчаяние, но ничего не сказал. Тем вечером он утолил голод жидкой овсяной кашей, ибо хлеба купить было не на что.

Вильнев не заплатил и на следующий день. Но Пьер по-прежнему молчал. Он понимал, что, стоит ему потребовать свои деньги, Вильнев и его приятели сразу сообразят, что он – вовсе не один из них, а признание этого круга было для него намного важнее еды.

Прошло около месяца, и вдруг юный нобиль небрежно бросил: «Эгей, Оман, по-моему, я задолжал вам двадцать ливров, нет?»

Собрав волю в кулак, Пьер ответил столь же равнодушно: «Дружище, я совершенно не помню. И вы забудьте. – А потом на него словно снизошло вдохновение, и он прибавил: – Вы же нуждались в деньгах».

Прочие студенты, знавшие, сколь богато семейство Вильнев, расхохотались, и остроумие Пьера закрепило за ним положение в компании.

Когда же Вильнев вручил ему пригоршню золотых монет, Пьер опустил деньги в карман, не удосужившись пересчитать.

Да, его приняли, но это означало, что он должен одеваться, как другие, ездить в наемных экипажах, играть, не пугаясь ставок, и заказывать в тавернах еду и вино столь беспечно, как если бы те ничего не стоили.

Пьер постоянно брал в долг, возвращал, только когда припирали к стенке, и старательно подражал безразличию виконта Вильнева к финансовым вопросам. Однако порой ему остро не доставало наличных.

И тогда он благодарил небеса за глупцов вроде Бертрана.

Медленно, но верно, по мере того как Бертран опустошал бутылку с вином, Пьер начал вставлять в беседу невинные фразы, суть которых сводилась к возможности сделать поистине невероятную покупку.

Всякий раз он измышлял новую историю. Сегодня придумал туповатого немца (простак во всех историях непременно оказывался чужестранцем), который унаследовал от тетушки некоторое количество драгоценностей и якобы готов уступить их Пьеру за пятьдесят ливров, не догадываясь даже, что камни стоят сотни ливров. У него, Пьера, сейчас при себе пятидесяти ливров нет, зато любой человек, у кого найдется такая сумма, приумножит ее десятикратно. От самой истории не требовалось быть предельно правдоподобной; главным было правильно ее рассказать. Пьер притворялся, будто весьма неохотно соглашается на участие Бертрана, будто его беспокоит, что это Бертран выкупит камни, будто ему несколько не нравится предложение забрать пятьдесят ливров, выигранных гулякой, и совершить покупку от имени и по поручению Бертрана.

Бертран уговаривал Пьера взять деньги, а Пьер совсем уже собрался положить монеты в карман и исчезнуть из жизни Бертрана навсегда, когда в таверну вошла вдова Бошен.

Пьер постарался сохранить спокойствие.

В Париже проживало триста тысяч человек, а потому юноша не сильно опасался случайных встреч с жертвами своих прошлых махинаций, тем более что он, как правило, избегал появляться снова в излюбленных ими местах. Но сегодня ему откровенно не повезло.

Он отвернулся, но недостаточно быстро, и вдова его заметила.

– Ты! – завопила она, тыча пальцем.

Надо было ее убить.

Это была привлекательная женщина лет сорока, улыбчивая и с прельстительным телом. Пьер вдвое уступал ей в возрасте, но ничуть не затруднился ее обольстить. В награду же она пылко обучила его способам любви, что были для него в новинку, и – это было гораздо важнее – ссуживала его деньгами по первой же просьбе.

Увы, когда очарование близости миновало, стало ясно, что вдова сыта по горло этими просьбами Пьера. Замужняя женщина просто подсчитала бы свои потери, распрощалась бы с любовником и сказала бы себе, что получила дорогостоящий, но полезный урок. Она не стала бы разглашать поведение Пьера, поскольку для нее самой это сулило обвинение в прелюбодеянии. Но вот с вдовами все обстояло иначе, и Пьер выяснил это, когда мадам Бошен принялась прилюдно его поносить, жаловаться на него всем и каждому, кто был готов слушать.

Получится ли спровадить ее, не вызвав подозрений у Бертрана? Да, будет непросто, но он и не с таким справлялся.

Надо увести ее из таверны как можно скорее.

Снова понизив голос, Пьер сказал Бертрону:

– Эта бедняжка совсем лишилась ума.

Затем встал, поклонился и произнес чрезвычайно вежливо, ледяным тоном:

– Мадам Бошен, я к вашим услугам, как всегда.

– Раз так, верни мне сто двадцать ливров, которые должен!

Это было плохо. Пьера так и подмывало посмотреть на Бертрана, оценить, как тот воспринял слова вдовы, но это выдало бы его обеспокоенность, и потому он заставил себя держать голову прямо.

– Я принесу вам деньги завтра утром. Назовите, куда именно.

– А мне вы говорили, что у вас нет и пятидесяти ливров, – заплетающим голосом проговорил Бертран.

Плохо, и становится все хуже.

– Почему же завтра? – воинственно воскликнула мадам Бошен. – Почему не сейчас?

Пьер попытался ответить как можно беззаботнее:

– Да кто же носит столько золота в кошельке?

– Ты умелый лжец, – заявила вдова, – но меня ты больше не проведешь!

За спиной Пьера удивленно хмыкнул Бертран, начавший, похоже, понимать, что его хотели обмануть. Но Пьер не спешил сдаваться. Он высокомерно вздернул подбородок и сделал вид, что оскорблен до глубины души.

– Мадам, перед вами Пьер Оман де Гиз. Возможно, вам знакомо имя моего семейства. Будьте уверены, фамильная честь не позволяет нам лгать.

За столом у двери, где вояки продолжали поднимать стаканы за «французский Кале», один из гуляк вскинул голову и пристально поглядел на Пьера. У этого человека не было большей половины правого уха – должно быть, лишился в какой-то схватке. На мгновение Пьеру стало не по себе, и он поспешил сосредоточиться на вдове.

– Как бы там тебя ни кликали, – сказала та, – мне достоверно известно, юный прохвост, что чести у тебя нет. Верни мои деньги!

– Вы их получите, можете не сомневаться.

– Тогда отведи меня к себе домой.

– К сожалению, это невозможно. Моя матушка, мадам де Шатенеф, вряд ли сочтет вас достойной гостьей.

– Твоя мать никакая не де чего-то там! – презрительно бросила вдова.

– А мне вы говорили, что студент и живете в университете, – заметил Бертран, трезвевший с каждой следующей минутой.

Все кончено, понял Пьер. Денег пьянчужки Бертрана ему не видать. Он резко развернулся к своей несостоявшейся жертве.

– Ступайте к дьяволу! – процедил он сквозь зубы, затем вновь повернулся к мадам Бошен. Жаль расставаться с этими обильными и теплыми телесами, с этой веселой проказливостью, но ничего не поделаешь. – И вы тоже!

Пьер накинул на голову колпак плаща. Пустая трата времени. Экая незадача. Придется завтра начинать все заново. А если и завтра ему встретится кто-то из облапошенных ранее? Как ни крути, вечер безнадежно испорчен. От двери снова донесся многоголосый клич во славу «французского Кале». К дьяволу ваш Кале, подумал Пьер, и шагнул к выходу.

К его изумлению, вояка с наполовину отрубленным ухом поднялся и преградил ему путь.

Господи, что еще? – подумалось Пьеру.

– В сторону! – надменно произнес юноша. – Вас это не касается.

Воин остался на месте.

– Ты вроде сказал, что тебя зовут Пьер Оман де Гиз?

– Верно, поэтому вам лучше посторониться, если не хотите неприятностей от моей семьи.

– Семейство де Гиз вряд ли доставит мне неприятности, – ответил воин с холодной уверенностью, чем изрядно встревожил Пьера. – Мое имя Гастон ле Пан.

Не оттолкнуть ли его и не кинуться ли бежать? Пьер оглядел ле Пана с ног до головы. Тому на вид было около тридцати; ростом он уступал Пьеру, но был широк в плечах. Голубые глаза смотрели сурово. Искалеченное ухо свидетельствовало о том, что мужчина близко знаком с насилием. Пожалуй, такого не отпихнешь.

Пьер пожал плечами и спросил прежним надменным тоном:

– И что вам нужно, ле Пан?

– Я работаю на семейство де Гиз. Командую их домашней стражей. – Сердце Пьера ушло в пятки. – От имени герцога де Гиза я арестую тебя за неподобающее поведение и оскорбление титула.

– Я так и знала! – воскликнула вдова Бошен.

– Послушайте, приятель, – начал Пьер, – я вас уверяю...

– Судье будешь объяснять, – бесцеремонно перебил ле Пан. – Расто, Брокер! Взять его!

Пьер и не заметил, как двое других воинов поднялись из-за стола и тихо встали рядом с ним. Теперь они крепко стиснули его руки. Хватка у солдат была поистине железной, а потому Пьер даже не попытался вырваться. По кивку ле Пана солдаты вывели юношу из таверны.

В спину ему полетел крик вдовы:

– Надеюсь, тебя повесят, прохиндей!

Снаружи стемнело, но узкие, извилистые улочки старинных кварталов изобиловали гуляками. Отовсюду звучали здравицы в честь Меченого, на каждом углу распевали задорные песенки, высмеивавшие англичан. Расто и Брокер шли быстро, так что Пьеру приходилось поторапливаться, чтобы не отстать и чтобы его не поволокли по камням.

Мысль о грозившем наказании не могла не пугать: попытка выдать себя за аристократа считалась серьезным преступлением. Даже если он отделается сравнительно легко, какое будущее его ожидает? Можно, конечно, и дальше искать глупцов вроде Бертрана и соблазнять

замужних женщин, но чем больше людей обманываешь, тем сильнее угроза попасться. И вообще, как долго он сможет вести такую жизнь?

Пьер покосился на своих охранников. Расто, старше него года на четыре или на пять, не имел носа, на месте которого красовались шрам и две дырки; над ним явно поработали ножом. Оставалось лишь дожидаться, что солдатам наскучит его караулить, они ослабят внимание и хватку; тогда он высвободится. Убежит и затеряется в толпе. Но стражники сохраняли бдительность, их хватка была тверда.

– Куда вы меня ведете? – спросил Пьер, но его словно не услышали.

Стражники заговорили между собой о сражении на мечах, очевидно, продолжая спор, начатый в таверне.

– Забудь о сердце, – сказал Расто. – Острые скользнет по ребрам, и твой противник получит лишь царапину.

– И что? Куда целиться-то? В горло?

– Нет, это слишком малая цель. Я бы бил в брюхо. Меч в кишках не прикончит врага на месте, зато обездвижит. Ему будет так больно, что он забудет обо всем на свете.

Расто тоненько, визгливо хихикнул; неожиданно было услышать подобный звук от человека столь злодейского вида.

Вскоре Пьер сообразил, куда они направляются. Стражники свернули на улицу Вьей-дю-Тампль. Именно на ней, насколько знал юноша, семейство де Гизов выстроило себе новый дом, особняк, занимавший целый квартал. Он часто воображал, как поднимается по сверкающим ступеням и вступает в роскошную главную залу. Но в действительности его провели через садовую калитку и втолкнули внутрь через дверь на кухню. Затем заставили спуститься в пахнувший сыром подвал, где было полным-полно бочек и каких-то ящиков. В конце концов грубо впахнули в темную комнатку и закрыли за ним дверь. Он услышал, как встает в пазы засов. Пьер для проверки толкнул дверь. Та не поддавалась.

В камере было холодно и воняло, как в уборной при питейном доме. В коридоре снаружи горела свеча, и ее тусклый свет проникал внутрь сквозь зарешеченное оконце в двери. Пьер разглядел, что пол в камере земляной, а сводчатый потолок сложен из кирпича. Единственным предметом обстановки был ночной горшок, который не позаботились вылить; этим объяснялся отвратительный запах.

Поразительно быстро жизнь превратилась в дерьмо.

Должно быть, его продержат здесь всю ночь. Пьер сел на пол, прижался спиной к стене. Утром его выведут и поставят перед судьей. Надо прикинуть, чем можно оправдаться. Нужна такая история, которая способна разжалобить суд. Если все получится, возможно, серьезного наказания удастся избежать.

Впрочем, на душе было мерзко, и оттого никакие истории не желали придумываться. Пьер продолжал гадать, чем ему заняться, когда это испытание закончится. Ему нравилось жить в компании богатых студентов, терять деньги на собачьих боях, давать солидные чаевые прислуге в тавернах, покупать перчатки из кожи новорожденных козлят... Все это приносило ощущения, которые невозможно забыть. Неужто придется от всего отказаться?

Наибольшее удовольствие доставляло то, как к нему относились приятели-студизусы. Им было невдомек, что он – бастард и сын бастарда. Посему никто не проявлял чванства и снисходительности. Более того, его частенько приглашали приятно провести время. А если ему случалось отстать от прочих по той или иной причине, когда все компания бродила от таверны к таверне в университетском квартале, кто-нибудь обязательно спрашивал: «А где Оман?», и все останавливались и ждали, пока он нагонит. От этих воспоминаний Пьер едва не расплакался.

Юноша плотнее запахнулся в плащ. Интересно, сможет ли он заснуть на холодном полу? Хотелось бы в суде выглядеть достойным родичем де Гизов.

Внезапно в камере стало светлее. В коридоре послышался шум. Дверной засов отодвинули, дверь распахнулась.

– Встать! – хрипло велел мужской голос.

Пьер поспешил подняться.

Его снова крепко подхватили под руки, устранив всякую мысль о возможности побега.

В коридоре ждал Гастон ле Пан.

Пьер решил, что будет разумным выказать остатки бывшего высокомерия.

– Полагаю, вы пришли отпустить меня, – горделиво произнес он. – Я требую извинений.

– Заткни пасть, – коротко ответил ле Пан.

Следом за капитаном Пьера провели по коридору. Они поднялись по черной лестнице, миновали первый этаж особняка и вышли к парадной лестнице. Пьер окончательно перестал что-либо понимать. С ним обращались как с преступником, но привели в *piano nobile*¹⁶ особняка, точно гостя.

Ле Пан вошел в комнату, пол которой устилали узорчатые циновки; окна прятались за тяжелыми парчовыми шторами, расшитыми золотом, а над очагом висела картина, изображавшая пышнотелую нагую молодку. В обтянутых чехлами креслах сидели двое хорошо одетых мужчин, занятых беседой вполголоса. Между ними, на низеньком столике, стояли графин с вином, два кубка и блюдо с орехами, сушеными плодами и крохотными пирожными. Эти двое не обратили ни малейшего внимания на появление Пьера и стражников; они продолжали беседу, нисколько не опасаясь быть послушанными.

Они явно были братьями – красиво сложенные, с русыми волосами и светлыми бородами. Пьер сразу их узнал. Эти двое считались самыми известными мужчинами Франции после короля.

Щеки одного пересекали жуткие шрамы, следы пики, пронзившей насквозь его рот. Предание гласило, что древко обломилось, а наконечник так и застрял во рту, а раненый вернулся в свой шатер и даже не застонал, когда лекарь извлекал вражескую сталь. Таков был Франсуа, герцог де Гиз, также известный как Меченый. Ему вот-вот должно было исполниться тридцать девять.

Его младший брат Шарль, кардинал Лотарингский, родился в тот же день пятью годами позже. Он был облачен в алое одеяние, подобающее сану. Этот человек стал архиепископом Реймса в возрасте четырнадцати лет, а к настоящему времени занимал столько прибыльных церковных должностей, что сделался одним из богатейших людей во Франции и имел ежегодный доход в размере умопомрачительных трехсот тысяч ливров.

Многие годы Пьер грезил встречей с двумя братьями. Они были могущественнейшими людьми в стране за пределами королевской семьи. В своих фантазиях он воображал, как они назначают его советником, говорят с ним почти как с равным и просят его совета по политическим, финансовым и даже по военным вопросам.

А теперь он стоит перед ними как преступник.

Юноша прислушался к беседе братьев.

– Былая слава короля так и не восстановилась после поражения под Сен-Кантенom, – негромко произнес кардинал Шарль.

– Ну, моя победа при Кале все исправит, – ответил герцог Франсуа.

Шарль покачал головой.

– Мы одержали победу, но проигрываем войну.

Несмотря на испуг, Пьер ощутил нечто вроде восторга. Франция воевала с Испанией за обладание Неаполитанским королевством и прочими странами на Апеннинском полуострове.

¹⁶ «Этаж благородных» (*ит.*); первый этаж аристократического особняка или дворца эпохи Ренессанса, где давались приемы и где размещались спальни членов семьи. По-французски этот уровень назывался «бельэтаж».

Англия выступила союзницей Испании. Франция вернула себе Кале, но итальянские государства ей не подчинились. Положение было тревожным, но мало кто осмелился бы признавать это в открытую. Однако двое братьев де Гиз, очевидно, не сомневались в собственном могуществе.

Ле Пан воспользовался наступившим молчанием и сказал:

– Ваши светлости, вот обманщик.

Братья дружно повернулись.

Пьер выпрямился и постарался успокоиться. Ему и прежде доводилось выкручиваться из малоприятных положений благодаря умению гладко говорить и убедительно лгать. Нужно воспринимать все это как новую возможность. Если он проявит сообразительность и сметку, то, быть может, даже выйдет отсюда с прибылью.

– Добрый вечер, господа, – сказал он с достоинством. – Весьма польщен оказанной мне честью.

Ле Пан вмешался.

– Будешь открывать рот, когда тебя спросят, паскудник.

Пьер повернулся к капитану.

– Воздержитесь, пожалуйста, от грубостей в присутствии кардинала, – попросил он. – Иначе я прослежу, чтобы вам преподали урок.

Ле Пан дернулся, но поостерегся отвесить Пьеру оплеуху на глазах своих хозяев.

Братья переглянулись, Шарль с усмешкой приподнял бровь. Значит, Пьеру удалось их удивить. Отлично.

Теперь заговорил герцог:

– Ты выдавал себя за члена нашего семейства. Это серьезное преступление.

– Смиренно прошу прощения, ваша светлость. – Прежде чем кто-либо из братьев успел ответить, юноша продолжил: – Мой отец – незаконнорожденный сын молочницы из Тоннанс-ле-Жуанвиля. – Признаваться в этом было стыдно, Пьер ненавидел собственное происхождение и презирал себя за него, но деваться было некуда. – По семейной легенде, ее возлюбленным был блестящий молодой человек из Жуанвиля, будто бы из семейства де Гиз.

Герцог Франсуа хмыкнул, выказывая недоверие. Да, Жуанвиль, родовая обитель Гизов в области Шампань, находился по соседству с деревней Тоннанс-ле-Жуанвиль, как следовало из ее названия. Но сколько незамужних матерей винили в своей участи любовников-аристократов! С другой стороны, эти обвинения нередко оказывались правдой.

– Мой отец учился в грамматической школе и стал сельским священником, за что всегда возносил благодарности отцу ваших светлостей, ныне покойному, да пребудет в мире его душа.

Вот в это они должны поверить, прикинул Пьер. Знатные семьи обычно не признавали своих незаконнорожденных отпрысков, однако, как правило, оказывали тем помощь – так прохожий останавливается, чтобы выдернуть занозу из лапы хромающей собаки.

– И как ты оказался сыном священника, обязанного хранить безбрачие? – осведомился герцог Франсуа.

– Моя мать служила у него экономкой. – Священникам возбранялось жениться, однако они часто заводили любовниц, которых было принято именовать словом «экономка».

– Значит, ты дважды бастард?

Пьер смутился, покраснел, и его смущение было неподдельным. Ему вовсе не требовалось притворяться, что он стыдится своего происхождения. Вдобавок замечание герцога приободрило юношу, ведь из него следовало, что его историю воспринимают всерьез.

– Даже если ваши семейные байки не врут, – сказал герцог, – ты не вправе пользоваться нашим семейным именем. Сам должен понимать.

– Я знаю, что поступил дурно, – ответил Пьер. – Но всю свою жизнь я восхищался де Гизами. Всем сердцем хотел вам служить. Понимаю, долг велит наказать меня, но прошу вас,

располагайте мною, как вам будет угодно. Дайте мне поручение, и я выполню все в точности, клянусь! Я сделаю все, что вы прикажете.

Герцог кичливо дернул подбородком.

– Не могу вообразить, какие услуги ты мог бы нам оказать.

Пьер приуныл. Он вложил столько чувства в свои речи, но все оказалось напрасно.

Тут вмешался кардинал Шарль:

– Вообще-то он может пригодиться.

В сердце Пьера вновь вспыхнула надежда.

– Неужели? – уточнил слегка раздраженный на вид герцог.

– Да.

Герцог махнул рукой – мол, разбирайтесь сами.

– В Париже есть протестанты, – начал кардинал.

Шарль принадлежал к ревностным католикам, что вряд ли было удивительно, если вспомнить, какие доходы приносила ему католическая церковь. И насчет протестантов он был прав. Париж считался истинно католическим городом, проповедники на площадях и в храмах каждое воскресенье обрушивали с амвонов громы и молнии на головы нечестивцев-еретиков, однако среди горожан все-таки находились люди, готовые прислушиваться к обвинениям в том, что священство попросту собирает деньги в свою казну и не делает ровным счетом ничего для паствы. Причем некоторые столь глубоко уверовали в продажность и развращенность католического клира, что посещали тайные протестантские службы, пусть даже те были объявлены вне закона.

Пьер сделал вид, что оскорблен в лучших чувствах.

– Таких негодяев следует предавать смерти!

– Так и будет, – сказал кардинал. – Но сначала нужно их отыскать.

– Я смогу! – воскликнул Пьер.

– Еще нам нужны имена их жен и детей, родичей и друзей.

– По-моему, среди моих товарищей в Сорбонне есть те, кто склоняется к ереси.

– Узнай, где они покупают книги и памфлеты, чернящие Святую Церковь.

За торговлю протестантскими изданиями полагалась смертная казнь.

– Поспрашиваю, – пообещал Пьер. – Притворюсь, что сам усомнился в вере.

– Сильнее всего я хочу узнать, где именно собираются протестанты, где они проводят свои кощунственные службы.

Пьер нахмурился; ему неожиданно подумалось, что кардинал, скорее всего, заинтересовался подобными сведениями отнюдь не за последние пять минут.

– Ваше преосвященство уже наверняка предпринимали изыскания?

– Тебе об этом знать не положено. И другие мои люди о тебе не узнают.

Выходит, ему предстоит войти в неведомое число лазутчиков кардинала?

– Я стану лучшим среди всех!

– Тогда тебя ждет достойная награда.

Пьер едва мог поверить в свою удачу. Он испытал такое облегчение, что готов был бежать на улицы прямо сейчас, пока Шарль не передумал. Но нужно сохранять спокойствие и показывать уверенность в себе.

– Благодарю за доверие, ваше преосвященство.

– С чего ты взял, будто я тебе доверяю? – В тоне кардинала Шарля сквозило нескрываемое презрение. – Увы, в благом деле истребления еретиков приходится полагаться на любые средства под рукой.

Пьеру не хотелось уходить с таким напутствием. Надо все же как-то произвести впечатление на братьев. Припомнив беседу, которую те вели между собой, когда его притащили сюда, юноша сказал:

– Вы правильно говорите, ваше преосвященство. – Пьер решил забыть о всякой осторожности. – Нам необходимо укреплять положение его величества короля.

Лицо Шарля приобрело странное выражение: кардинал то ли воспринял слова Пьера как оскорбление, то ли развеселился.

– Вот как?

– Я бы сказал, требуется большое, пышное и роскошное празднество, чтобы люди забыли о позоре Сен-Кантена.

Кардинал поощрительно кивнул.

Ободренный Пьер пояснил:

– Что-то вроде королевской свадьбы.

Братья де Гиз снова переглянулись.

– Знаешь, – медленно проговорил герцог Франсуа, – а этот шалопай может быть прав.

Шарль кивнул.

– Надо признать, в политике он разбирается получше многих приличных людей.

– Спасибо на добром слове, ваше преосвященство, – искренне поблагодарил Пьер.

Шарль отмахнулся, взял со столика кубок с вином и процедил:

– Ступай.

Пьер сделал шаг к двери, потом остановился и посмотрел на ле Пана. Мысль была дерзкой, но могла принести пользу.

– Ваше преосвященство, когда я отыщу те места, где протестанты устраивают свои собрания, мне докладывать напрямую вам или ставить в известность ваших слуг?

Кардинал поразмыслил с кубком у губ.

– Будешь докладывать лично мне, – сказал он. – Только мне. Никаких исключений. А теперь иди.

Он пригубил вино.

Пьер перехватил взгляд ле Пана и торжествующе ухмыльнулся.

– Спасибо, ваши светлости, – сказал он и двинулся к выходу.

2

Сильви Пало заметила этого пригожего юношу на рыбном рынке еще накануне. Нет, рыбой он не торговал: для этого ремесла он был слишком вычурно одет, в своем синем дублете с прорезями, сквозь которые виднелась белая шелковая подкладка. Вчера она заметила, что юноша прикупил немного форели, однако торговался он весьма беспечно, не так, как торгуется тот, кто собирается есть купленную рыбу. Несколько раз он перехватывал ее взгляд и улыбался.

Она стеснялась признаться самой себе, что ей было приятно.

Пригожий, светловолосый, он пытался отрастить бородку. Лет ему, должно быть, около двадцати, значит, он года на три старше нее. Выглядел он, можно сказать, самоуверенно.

У Сильви уже имелся воздыхатель. Среди родительских знакомых числилось семейство Мориак. Оба, отец и сын, были невысоки ростом и посмеивались над этим своим недостатком, будучи людьми веселыми и остроумными; Люк Мориак, отец, слыл записным остряком и всем нравился, вот почему, наверное, у них так хорошо выходило заключать сделки. Но сын, Жорж Мориак, поклонник Сильви, изрядно уступал отцу, шутки у него были глупые, а любезности неуклюжие. Сильви страшно хотелось, чтобы Жорж убрался куда-нибудь на пару лет и наконец повзрослел.

Новый кавалер с рыбного рынка заговорил с нею в первый раз студеным январским утром. Берега Сены укутались снежком, вода в бочках с рыбой покрылась тонким ледком. Оголодавшие чайки кружили над головами рыбаков и торговцев, раздраженно перекрикиваясь от невозможности полакомиться таким обилием еды.

– Как ты отличаешь, свежая рыба или нет? – спросил юноша.

– По глазам, – объяснила Сильви. – Если глаза мутные, рыба несвежая. У свежей глаза должны быть ясными.

– Как у тебя? – уточнил он.

Сильви засмеялась. Что ж, за словом он в карман точно не лезет. А Жорж Мориак вечно задавал дурацкие вопросы. «Ты когда-нибудь целовалась?» Брр!..

– Еще можно проверить жабы, – продолжила девушка. – Они должны быть розовыми и влажными. Ой, мамочки!

Сама того не желая, она дала незнакомцу отличный повод пошутить насчет розового и влажного. Сильви покраснела.

Юноша задорно усмехнулся, но сказал только:

– Буду иметь в виду.

Какой ловкий! Не бесстыдник вроде Жоржа Мориака, совсем нет.

Он стоял рядом и наблюдал, как она покупает для отца трех форелей, за один су и шесть денье. А когда Сильви двинулась прочь, с рыбой в корзинке, последовал за нею.

– Как тебя зовут? – справилась девушка.

– Пьер Оман. А ты Сильви Пало, я знаю.

Она не любила говорить обиняками, поэтому спросила прямо:

– Ты следишь за мной?

Он смутился, помешкал с ответом, потом признался:

– Да.

– Зачем?

– Ты такая красивая.

Сильви знала, что у нее миловидное, открытое личико, чистая кожа и голубые глаза, однако сомневалась, что сама назвала бы себя красивой.

– И все?

– А ты зоркая, сразу заметила.

Значит, у него какое-то дело к ней. Сильви ощутила легкое разочарование. Конечно, глупо было думать, польстить себе хоть на миг, что он и вправду очарован ее красотой. Эх, придется, видно, и дальше привечать Жоржа.

– Так скажи, что тебе нужно. – Она постаралась, чтобы в голосе не прозвучала обида на судьбу.

– Ты слыхала об Эразме из Роттердама?

Еще бы она не слыхала! По спине Сильви пробежал холодок. На мгновение она позволила себе забыть о том, что ее семья – семь преступников, которых казнят, едва поймают; но теперь былая осторожность и былой страх вернулись.

Она не торопилась отвечать на столь откровенный вопрос, пусть даже его задал этаким красавчик. Девушка помолчала, подыскивая нужные слова.

– Почему ты спрашиваешь?

– Я учусь в университете. Нам втолковывают, что Эразм – дурной человек, основоположник ереси, но мне хочется почитать его труды, убедиться самому. А в библиотеке его сочинений нет.

– Думаешь, я прячу их под подушкой?

Пьер пожал плечами.

– Твой отец печатник, верно?

Выходит, он и вправду следил за нею. И пускай; все равно ничего крамольного ему не выяснить.

У семьи Сильви было дело, которое им поручил сам Господь. Их священным долгом было рассказывать соотечественникам об истинной вере. Это дело они выполняли, печатая и

продавая книги, – прежде всего, разумеется, Библию на французском, чтобы каждый грамотный мог прочитать и удостовериться в том, сколь лжива католическая церковь; а также сочинения и комментарии ученых мужей наподобие Эразма, понятно объяснявших, что к чему, ведь многие читатели наверняка затруднятся прийти к правильным выводам.

Продавая такие книги, они всякий раз немало рисковали, ибо за это преступление грозила смертная казнь.

– С чего ты вообще взял, что мы продаем эти книжки? Закон запрещает, а мы живем по закону.

– Приятель-студент сказал, что надо поискать у печатников, только и всего.

Обыкновенные слухи. Но дыма-то без огня не бывает.

– Пожалуйста, передай ему, что мы таким не занимаемся.

– Ладно. – Вид у Пьера был разочарованный.

– Разве тебе неизвестно, что в мастерские печатников в любое время может ворваться стража в поисках запрещенных книг? Нашу мастерскую обыскивали несколько раз. Хвала небесам, они не нашли, к чему придраться.

– Мои поздравления.

Пройдя с десятков шагов, Пьер вдруг остановился.

– Приятно было познакомиться.

Девушка решила.

– Погоди, – сказала она.

Большинство покупателей запрещенных книг составляли люди, которых она знала, мужчины и женщины, молившиеся бок о бок с Пало на тайных службах в укромных местечках. Немногочисленные другие допускались в этот круг с одобрения собратьев-единоверцев. Даже это было опасно: если их схватят и будут пытаться, они могут выдать всех...

С другой стороны, протестанты подвергали себя куда большей опасности, рассказывая всем прочим о своей вере, но только так они могли распространять по свету истинное Писание. Сильви поручали обращаться к католикам; что ж, вот самый что ни на есть подходящий случай. А если Пьер уйдет, если она позволит ему уйти, то, скорее всего, никогда больше его не увидит.

Он казался честным малым. И подошел к ней осторожно, будто бы и впрямь опасался преследования. Он не походил на болтуна, не выглядел ни злонамеренным шутником, ни глупцом, ни пьянчужкой; словом, нет ни малейшего повода его прогнать.

Но, быть может, она не спешит его отпускать просто потому, что этот жаждущий обращения – привлекательный молодой человек, который к тому же увлекся ею? Сильви твердо сказала себе, что чувства к делу не относятся.

Что ж, стоит, наверное, рискнуть – и положиться на милость Господа.

– Приходи днем в лавку, – велела она. – Принеси четыре ливра. купишь «Латинскую грамматику». И прошу тебя, ни в коем случае не упоминай Эразма.

Похоже, Пьера слегка напугала ее прямота, но он ответил:

– Договорились.

– А вечером отыщи меня на рыбном рынке. – В столь поздний час тут никого не будет. – Принеси с собою «Граматику».

– И что потом?

– Доверься Господу. – Сильви отвернулась и ушла, не дожидаясь ответа.

По дороге домой она не переставала молиться о том, чтобы ее решение оказалось правильным.

Париж делился на три части. Самая крупная из них, которую называли просто – Город, занимала северный, правый берег реки Сены. Поселение на южном, левом берегу уступало Городу размерами и звалось Университетом – или Латинским кварталом, поскольку все сту-

диозусы изъяснялись на латыни. Остров между берегами носил имя Ситэ; именно на нем проживала семья Сильви.

Их дом располагался под сенью громадного собора Нотр-Дам. На первом этаже дома находилась лавка, книги хранились в шкафах с запертыми решетчатыми дверцами. Жилые покои размещались на втором этаже. Заднюю часть дома занимала печатная мастерская. Сильви со своей матушкой Изабель по очереди торговали в лавке, а Жиль Пало, муж и отец, не слишком удачливый торговец, трудился в мастерской.

Сильви пожарила форель с луком и чесноком в кухоньке наверху и поставила на стол хлеб и вино. Откуда ни возьмись появилась домашняя кошечка Фифи. Сильви кинула ей рыбью голову, и кошка принялась насыщаться, причем начала с глаз рыбы. Сильви продолжала беспокоиться из-за случившегося утром. Придет ли студент, как обещал? Или вместо него явится стража с приказом об аресте всей семьи по обвинению в ереси?

Жиль поел первым. Сильви ему прислуживала. Ее отец был крупным мужчиной, крепкие руки и широкие плечи выдавали привычку возиться с тяжелыми дубовыми печатными формами, заполненными литерами из сплава свинца и олова. В дурном настроении отец способен был коротким тычком левой отшвырнуть дочь к дальней стене комнаты, но форель оказалась нежной и вкусной, а потому Жиль пребывал в добром расположении духа.

Когда Жиль поел, Сильви спустилась в лавку, отпустив пообедать матушку, а затем поменялась с нею местами, однако есть девушке не хотелось.

После обеда Сильви вернулась в лавку. Покупателей не было, и Изабель не преминула спросить у дочери:

– Ты чем так озабочена, милая?

Сильви рассказала о Пьере Омане.

Изабель нахмурилась.

– Надо было договориться с ним о новой встрече, узнать его получше, прежде чем приглашать в лавку.

– Знаю, мама, но под каким предлогом мне было назначать ему встречу? – Изабель вопросительно поглядела на дочь, и Сильви пояснила: – Сама знаешь, какая из меня кокетка.

– Я рада, что у меня правильная дочь, – ответила Изабель. – Ты слишком честна, чтобы кружить головы парням. Ладно, сделанного не воротишь. Таков уж крест, который нам выпало нести.

– Надеюсь, он не из тех, кто из-за угрызений совести бежит во всем признаваться исповеднику, – задумчиво проговорила Сильви.

– Думаю, он просто испугается и не придет. Сдается мне, вы с ним больше не встретитесь.

Сильви ждала совсем другого, но не стала говорить об этом матери.

Семейный разговор был прерван приходом покупателя. Сильви изумленно воззрилась на человека, вошедшего в лавку. Большинство посетителей щеголяло дорогими одеяниями, что было легко объяснимо: бедняки не могли позволить себе покупать книги. Однако одежды этого молодого мужчины, пусть благопристойные, были простыми и сильно поношенными. Плотная накидка хранила следы долгих странствий, крепкие башмаки покрывал слой пыли. Он явно забрел сюда по пути откуда-то куда-то и выглядел уставшим и встревоженным. Девушка не могла не посочувствовать незнакомцу.

– Мне нужно видеть Жилия Пало, – сказал тот с чужестранным выговором.

– Я позову его, – откликнулась Изабель и выскользнула за дверь, что вела из лавки в мастерскую.

Сильви стало любопытно. Что могло понадобиться этому страннику от ее отца? Или он желает купить какую-то особенную книгу?

– Вы проделали долгий путь? – спросила она, заходя издалека.

Прежде чем незнакомец успел ответить, в лавку вошел другой посетитель. Сильви его знала: это был церковник из собора. Нельзя сказать, что семейство Пало лебезило перед священниками, но они старались поддерживать с теми ровные отношения – во всяком случае, Изабель и Сильви старались. Жиль предпочитал отмалчиваться, но он, впрочем, вел себя так со всеми.

– Добрый день, архидьякон Рафаил, – сказала Сильви. – Всегда рады вас видеть.

Молодой человек в запыленной накидке заметно обеспокоился. Может, у него есть личная причина не любить архидьякона?

– У вас есть Псалтырь? – спросил Рафаил.

– Конечно. – Сильви отперла шкаф и достала книгу на латыни, предположив, что Рафаил не захочет приобретать текст на французском, пускай тот одобрен богословским факультетом Сорбонны. Должно быть, архидьякону потребовался подарок, ведь у него наверняка есть полная печатная Библия. – Вот, взгляните. Это прекрасный подарок. Тиснение на переплете золотом, печать в два столбца.

Рафаил полистал книгу.

– Очень красиво.

– Пять ливров, – сказала Сильви. – Цена вполне разумная.

Обычным людям такая сумма показалась бы занебесной, но архидьяконы – отнюдь не обычные люди.

Тут появился третий посетитель, и Сильви сразу узнала в нем Пьера Омана. При виде его улыбочивого лица она ощутила мимолетное удовольствие. Оставалось лишь надеяться, что он проявит должную осмотрительность и не станет трепать языком при посторонних. Будет просто ужасно, если он ляпнет что-нибудь про Эразма в присутствии архидьякона и таинственного незнакомца.

Вернулась Изабель.

– Мой муж сейчас к вам выйдет, – сообщила она незнакомцу. Потом убедилась, что Сильви обслуживает архидьякона, и повернулась к третьему посетителю. – Что вам показать, мсье?

Сильви перехватила материнский взгляд и состроила гримаску, чтобы дать понять, что этот посетитель – тот самый студент, о котором они беседовали ранее. Изабель ответила едва уловимым для стороннего взгляда кивком, показывая, что догадалась. Мать и дочь давным-давно освоили этот безмолвный способ вести разговор, их приучила к тому жизнь рядом с Жилем.

– Мне нужна «Латинская грамматика», – сказал Пьер.

– Уже несучу. – Изабель подошла к нужному шкафу, достала книгу и положила ту на прилавок.

Из мастерской вышел Жиль. Поскольку женщины обслуживали двоих посетителей из трех, он здраво предположил, что третий пришел к нему.

– Да? – произнес он коротко. Жиль Пало не имел склонности любезничать, потому-то Изабель и старалась не допускать его в лавку.

Незнакомец помешкал, явно смущенный многолюдьем в лавке.

– Вы вроде хотели меня видеть, нет? – нетерпеливо бросил Жиль.

– Э... да... У вас есть библейские истории на французском, с картинками?

– Разумеется, есть, – ответил Жиль. – Эта книга продается лучше всех прочих. Могли бы спросить мою жену, чем отвлекать меня от работы.

Уже не в первый раз Сильви захотелось, чтобы отец вел себя с покупателями повежливее. Однако и в самом деле странно: незнакомец назвал печатника по имени, а затем обратился с этакой вполне обычной просьбой. Девушка покосилась на мать и заметила, что та нахмурилась, тоже ощутив неправильность происходящего.

Улыбчивый Пьер, как углядела Сильви краем глаза, прислушивался к разговору, очевидно заинтересовавшись.

Архидьякон сказал ворчливо:

– Библейские истории следует выслушивать от своих приходских священников. Если люди будут читать сами, они наверняка составят ошибочное мнение.

Он положил на прилавок золотые монеты, расплачиваясь за Псалтырь.

Или же люди поймут, о чем на самом деле говорится в Библии, подумалось Сильви. В те дни, когда простой народ не мог читать Библию, священники могли вещать что угодно, толковать Священное Писание, как им вздумается. Естественно, что их ужасала картина, когда свет Слова Божьего прольется на темные закоулки проповедей и церковных установлений.

– Совершенно верно, ваше преподобие, – лъстиво проговорил Пьер. – Прошу, не гневайтесь на скромного студента, дерзнувшего вмешаться. Мы должны держаться вместе, иначе, не приведи Господь, каждый сапожник и каждый ткач сможет основать себе по отдельной секте.

Самостоятельные ремесленники, вроде сапожников и ткачей, считались наиболее уязвимыми перед протестантской ересью. Церковники полагали, будто эти занятия оставляют мастеровым слишком много времени на размышления. А еще, подумалось Сильви, они не такие пугливые, как крестьяне, и не слишком опасаются духовенства и нобилей.

Девушку неприятно удивила подобострастность, выраженная Пьером. Ведь совсем недавно этот студент интересовался крамольными сочинениями. Она озадаченно посмотрела на Пьера, а тот ухмыльнулся – и подмигнул.

Какой он все-таки милый...

Сильви поспешила отвернуться, обернула покупку архидьякона отрезом грубого полотна и перевязала бечевой.

Незнакомец в пыльной накидке неожиданно решил поспорить с архидьяконом.

– Половина народа Франции в глаза не видела своих священников! – воскликнул он пылко. Это, конечно, преувеличение, мысленно поправила его Сильви, но нельзя отрицать, что много, слишком много священников пробавлялись доходами с паствы, ни разу в жизни не посетив собственных приходов.

Архидьякон был, разумеется, о том осведомлен, а потому промолчал. Он взял Псалтырь и гордо удалился.

– Вам завернуть «Граматику»? – спросила Изабель у студента.

– Будьте так добры. – Пьер протянул ей четыре ливра.

– Вам нужна ваша книжка или нет? – недовольно справился у незнакомца Жиль.

Путник наклонился, внимательно разглядывая картинки в книге, которую печатник выложил на прилавок.

– Не торопите меня, – сердито ответил он. Этот человек не побоялся завязать спор с архидьяконом, и его нисколько не отвращали грубоватые манеры Жили. У него внутри был крепкий стержень, чего сложно было ожидать по скромному облику.

Пьер забрал покупку и ушел. В лавке остался всего один посетитель. У Сильви вдруг возникло такое чувство, будто гроза миновала.

Посетитель захлопнул книгу, выпрямился и сказал:

– Я – Гийом из Женевы.

Сильви услышала, как Изабель изумленно выдохнула.

Поведение Жили мгновенно изменилось. Печатник пожал протянутую руку и произнес:

– Очень рад. Проходите. – И повел гостя вверх, на жилую половину.

Сильви мало что поняла. Ей было известно, что Женева – протестантский город, где главенствует великий Жан Кальвин. Но до этого города две с половиной сотни миль, такое расстояние можно преодолеть лишь за пару недель, если не больше.

– Кто этот человек и зачем он пришел? – спросила девушка.

– Пасторский коллеж в Женеве обучает миссионеров и отправляет их проповедовать новое Писание по всей Европе, – объяснила мать. – Последнего из тех, кто приходил к нам, звали Альфонсом. Тем тогда было тринадцать.

– Альфонс! – Сильви припомнила не обращавшего на нее никакого внимания серьезного молодого человека. – А я-то гадала, как его к нам занесло.

– Они приносят труды Кальвина и другие сочинения, которые твой отец печатает.

Сильви ощутила себя полной дурой. Ей и в голову не приходило задумываться, откуда вообще берутся протестантские книги.

– На улице темнеет, – сказала Изабель. – Отнеси-ка ты Эразма своему студенту, детка.

– Что ты о нем скажешь? – спросила Сильви, надевая плащ.

Изабель одарила дочь понимающей улыбкой.

– Он и вправду красавчик.

Вообще-то Сильви имела в виду, можно ли доверять Пьеру, а не красив он или нет, но, поразмыслив, девушка не стала ничего объяснять матери, иначе разговор мог принять нежелательный для нее оборот. Поэтому она пробормотала что-то невразумительное и вышла из дома.

Двигаясь на север, она пересекла реку. Ювелиры и шляпники на мосту Нотр-Дам готовились закрывать свои лавки. Очутившись на правом, городском берегу, Сильви направилась по рю Сен-Мартен, главной улице, что вела с севера на юг. Несколько минут спустя она вышла к рю де Мюр. Это был скорее переулок, чем полноценная улица. С одной стороны тянулась городская стена, с другой – высился забор, окружавший неухоженный сад; сюда же выходили задние двери двух или трех домов. Сильви остановилась у конюшни особняка, в котором проживала старуха, не имевшая ни одной лошади. Постройка не имела окон, стояла некрашеной, поэтому с первого взгляда казалась хлипкой и полуразвалившейся, однако в действительности ее построили на совесть, поставили крепкую дверь и навесили надежный замок. Жиль купил эту конюшню для себя много лет назад.

Рядом с дверным косяком, на уровне пояса, торчал из стены обломок кирпича. Сильви огляделась, удостоверилась, что за нею никто не наблюдает, вынула обломок, сунула руку внутрь, достала ключ и вложила кирпич обратно в дыру. Затем открыла замок, вошла в дверь и плотно закрыла ту за собой на засов.

На стене висела на скобе лампа со свечой. Девушка принесла с собой кремень и кресало, стальную полоску в форме прописной «D», удобно ложившуюся в ее точеные пальчики, а также несколько сухих стружек и тряпку. Она чиркнула кремнем по стали; искры воспламенили деревянные стружки, огонь быстро разгорелся. Сильви поднесла к пламени тряпку и зажгла от нее свечу в лампе.

В неверном свете стали видны старые бочонки, загромождавшие помещение от пола до потолка. В большинстве своем они были заполнены песком, и такую тяжесть одному было не поднять, однако некоторые намеренно оставили пустыми. Все бочонки выглядели одинаково, но Сильви точно знала, какой именно ей нужен. Она торопливо отодвинула в сторону нужный бочонок и пролезла в открывшуюся дырку. За стеной бочек прятались деревянные ящики с книгами.

Величайшую опасность для семейства Пало предвещали те часы и дни, когда доставленные из других стран книги перепечатывались и переплетались в мастерской Жилия. Случись страже явиться без предупреждения, всех Пало ожидала бы смерть. После печати книги складывали в ящики, непременно наваливая сверху для маскировки сочинения, одобренные католической церковью, и отвозили на подводе в эту конюшню, а мастерская принималась изготавливать допускавшиеся законом издания. Большую часть времени печатня под сенью собора не производила, таким образом, ничего незаконного.

Лишь трое знали об истинном назначении конюшни – Жиль, Изабель и Сильви, причем саму Сильви посвятили в тайну, лишь когда ей исполнилось шестнадцать. Даже работники

мастерской ничего не знали о конюшне, хотя они все были протестантами; им говорили, что отпечатанные книги отвозят некоему торговцу.

Сильви отыскала ящик с буквами «SA», обозначавшими «Sileni Alcibiadis»¹⁷, пожалуй, величайшее произведение Эразма. Достала одну книгу, завернула ту в холстину, взятую из соседнего ящика, и перевязала бечевой. Выбралась наружу, задвинула бочонок, пряча ящики с книгами, и теперь всякий, кто заглянул бы в помещение, увидел бы только ряды бочек.

Возвращаясь обратно по рю Сен-Мартен, девушка размышляла, придет ли студент. Да, он заглянул в лавку, как ему и было велено, однако не исключено, что теперь он испугается. Хуже того, он может прийти – и привести с собой стражников или магистратов, которые ее арестуют. Сильви не боялась смерти – истинным христианам не пристало этого бояться, но ее пугала до невозможности одна только мысль о пытках. В уме немедленно возникла картинка раскаленных щипцов, терзающих плоть, и пришлось постараться и помолиться, чтобы избавиться от этой картинки.

На набережной вечером было тихо и безлюдно. Рыбные прилавки пустовали, даже прожорливые чайки в поисках добычи улетели куда-то в другое место. Вода тихо плескалась о берег.

Пьер дожидался девушку с фонарем в руке. Его лицо, подсвеченное снизу, выглядело одновременно зловещим и прекрасным.

Он был один.

Сильви показала книгу, но не спешила отдавать.

– Пообещай, что никому о ней не расскажешь, – потребовала она. – Меня казнят, если узнают, что я ее тебе продала.

– Понимаю, – ответил Пьер.

– Ты тоже подвергаешь себя опасности, принимая эту книгу от меня.

– Знаю.

– Ладно, если так, бери и верни мне «Грамматику».

Они обменялись свертками.

– Прощай, – сказала Сильви. – И помни мою просьбу.

– Запомню, – поклялся он.

И поцеловал девушку.

3

Элисон Маккей торопилась к своей лучшей подруге по продуваемым сквозняками коридорам дворца Турнель. Она несла будоражащие новости.

Ее подруге предстоит исполнить обещание, которого она никогда не давала. Этого ожидали на протяжении многих лет, однако новости все равно стали потрясением. Причем новости были одновременно хорошими и скверными.

Большое средневековое здание в восточной части Парижа пребывало в плачевном состоянии; несмотря на богатую обстановку, в нем было холодно и не слишком удобно. Вроде бы важное, но во многом заброшенное, оно напоминало свою нынешнюю хозяйку, Екатерину де Медичи, королеву Франции, супругу короля, который предпочитал жене любовниц.

Элисон вошла в примыкавшую к зале комнату и нашла ту, кого искала.

Двое подростков сидели на полу у окна, играя в карты при холодном неярком свете зимнего солнца. Если судить по пышным одеяниям и драгоценностям, эти двое принадлежали к числу богатейших на свете людей, но играли они с мизерными ставками – и получали от игры несказанное удовольствие.

¹⁷ «Алкивиадовы силены» (лат.).

Мальчику было четырнадцать, хотя выглядел он моложе. Он сильно горбился и выглядел очень хрупким. В своем возрасте он понемногу превращался в юношу и потому давал порою петуха, когда говорил, а еще запинался. Таков был Франциск, старший сын короля Генриха Второго и королевы Екатерины, наследник французского трона.

Девочка, рыжеволосая красotka, отличалась высоким ростом, небывалым для ее пятнадцати лет, и уже переросла многих мужчин. Ее звали Мария Стюарт, и она была королевой Шотландии.

Когда Марии было всего пять, а Элисон, соответственно, восемь, они перебрались из Шотландии во Францию¹⁸ – две перепуганных маленьких девочки в чужой стране, на языке которой они не понимали ни слова. Блезненный Франциск стал для них товарищем по играм, и между ними троими сложились крепкие узы дружбы, как бывает, когда вместе проходишь через испытания.

Элисон привыкла яростно и страстно бросаться на защиту Марии, которой порою требовалась опека, ибо она никак не могла избавиться от порывистости и опрометчивости. А обе девочки любили Франциска, как любят беззащитного котенка или щенка. Франциск же поклонялся Марии как богине, поистине ее боготворил.

Что ж, теперь этот дружеский кружок, вполне возможно, распадется.

Мария подняла голову и улыбнулась, но потом заметила выражение лица Элисон и встревожилась.

– Что случилось? – спросила она по-французски. В ее речи не было и намека на шотландский выговор. – Что за беда?

– Вы двое поженитесь! – выпалила Элисон. – В воскресенье после Пасхи!

– Так скоро? – удивилась Мария.

Обе девочки посмотрели на Франциска.

Марию обручили с Франциском в пять лет, сразу после того, как она очутилась во Франции. Брак, разумеется, был политическим, подобно всем королевским бракам, и цель его состояла в том, чтобы укрепить союз Франции и Шотландии против Англии.

Но чем старше становились девочки, тем все больше они сомневались в том, что этот брак состоится. Отношения между тремя королевствами постоянно менялись. Власть предрежащие в Лондоне, Эдинбурге и Париже раз за разом подыскивали Марии Стюарт новых мужей. Все казалось зыбким – вплоть до настоящего мгновения.

Франциска весть как будто обеспокоила.

– Я люблю тебя, – сказал он Марии. – Я хочу жениться на тебе, когда стану взрослым.

Мария протянула руку, желая успокоить мальчика, но тот отшатнулся. Потом залился слезами и поднялся.

– Франциск... – проговорила Элисон.

Мальчик замотал головой – и выбежал из комнаты.

– Бедняжка, – вздохнула Мария. – Бедный Франциск.

Элисон закрыла дверь в коридор. Девочки остались одни, никто им не мешал. Элисон подала Марии руку, помогла подняться с пола. Продолжая держаться за руки, они сели на кушетку, покрытую каштанового оттенка бархатом. Какое-то время они молчали, затем Элисон спросила:

– И что ты думаешь?

– Всю мою жизнь мне твердили, что я королева, – сказала Мария. – На самом деле я ею, конечно, не была. Я стала королевой Шотландии шести дней от роду, и все вокруг с тех пор обращаются со мною так, словно я до сих пор младенец. Но если я выйду за Франциска,

¹⁸ Мария покинула Шотландию, на территории которой шла война между французами, англичанами и шотландцами, и уплыла во Францию как невеста дофина Франциска.

а он станет королем, то я сделаюсь королевой Франции. Это будет по-настоящему. – Ее глаза блеснули от предвкушения. – Этого я и вправду хочу.

– Но Франциск...

– Знаю. Он милый, и он мне нравится, но ложиться с ним в постель и... ну, сама знаешь...

Элисон горячо закивала.

– О таком жутко даже думать.

– Быть может, нам пожениться и притвориться, что мы живем как муж с женой?

Элисон помотала головой.

– Тогда ваш брак расторгнут.

– И я перестану быть королевой.

– Вот именно.

– Почему сейчас? – спросила Мария. – Отчего вдруг такая спешка?

Элисон узнала обо всем от королевы Екатерины, самой осведомленной женщины Франции.

– Меченый предложил королю.

Герцог де Гиз приходился Марии дядей, будучи братом ее матери. После победы при Кале он сам и все семейство были в почете у короля.

– И куда торопится мой дядя Меченый?

– Подумай сама. Как возвысится де Гизы, если одна из них станет королевой Франции!

– Меченый – воин.

– Верно. Значит, придумал кто-то другой.

– Но Франциск...

– Все вертится вокруг бедняги Франциска.

– Он такой еще маленький, – сказала Мария. – И такой больной. Интересно, он вообще способен на то, что мужчине полагается делать со своей женой?

– Не знаю, – ответила Элисон. – Выяснишь в первое воскресенье после Пасхи.

Глава 3

1

Январь сменился февралем, а Марджери по-прежнему не могла найти общего языка с родителями. Сэр Реджинальд и леди Джейн твердо вознамерились выдать дочь за Барта Ширинга, она же наотрез отказывалась на это соглашаться.

Ролло злился на сестру. Ей выпала возможность ввести семью в круг католической аристократии, а она вместо того желает, видите ли, породниться с Уиллардами, потакающими протестантам. Да как ей вообще пришла в голову этакая чушь, подлинная измена, ведь даже королева нынче во всем благоволит католикам?

Фицджеральды были главным семейством города – и выглядели таковыми, с гордостью подумал Ролло, разглядывая родичей, что надевали теплые одежды, покуда огромный колокол на башне собора созывал прихожан к мессе. Сэр Реджинальд был высок и худ, а веснушки, испятнавшие его лицо, служили своего рода отличительным знаком – его ни с кем нельзя было перепутать. Он закутался в плотную накидку из золотистого полотна. Леди Джейн, маленькая и тоже худая, с горбинкой на носу и бегающими глазками, которые мало что упускали из виду, облачилась в плащ с меховым подбоем.

Марджери ростом пошла в мать, зато была круглее, что ли, чем леди Джейн. Она до сих пор дулась на весь белый свет, а из дома ее не выпускали с того самого пиршества у графа; но до бесконечности не допускать сестру к причастию было невозможно, а сегодня к тому же мессу должен был служить епископ Кингсбриджа, могущественный союзник, чьим расположением семья не могла позволить себе пренебречь.

Марджери явно решила не показывать, сколь тяжело у нее на душе. Она надела алый плащ из местного сукна и подходящую шляпку. За минувший год она изрядно повзрослела и сделалась красивейшей девушкой в городе, даже брат не мог этого отрицать.

Пятым членом семьи оказалась сегодня тетушка. Когда-то она была монахиней Кингсбриджского аббатства, а когда король Генрих Восьмой позакрывал монастыри, перебралась жить к Фицджеральдам. Свои две комнаты на верхнем уровне дома она превратила в подобие монашеской обители – спальня с голыми стенами походила на келью, а передняя преобразилась в часовню. Ролло восхищался тетушкиной приверженностью Богу. Все до сих пор называли тетушку сестрой Джоан. Она постарела, конечно, одряхла и ходила, опираясь сразу на две палки, однако настояла на том, чтобы ее взяли на службу, раз там будет епископ Джулиус. В итоге было решено, что служанка Наоми отнесет в храм стульчик для старухи, поскольку простоять на ногах целый час, как люди помоложе, сестра Джоан была не в состоянии.

Все вместе Фицджеральды вышли наружу. Их дом стоял на перекрестке главной городской улицы, напротив здания гильдейского собрания, словно господствуя над Кингсбриджем, и сэр Реджинальд на мгновение остановился и оглядел заполненные людьми улицы, что, подобно лестницам, сбегали к реке. С неба падал легкий снежок, укутывая белыми шапками соломенные крыши и курящиеся печные трубы. Это мой город, словно говорил отцовский взгляд.

Мэр и его семейство чинно двинулись вниз по склону холма, следуя направлению главной улицы; соседи уважительно приветствовали Фицджеральдов, более зажиточные громко желали доброго утра, низшие сословия молча прикладывали руки к шляпам.

При свете дня Ролло бросилось в глаза, что плащ матери слегка подъела моль; остается надеяться, что никто другой этого не заметит. К несчастью, у отца не было средств на новую одежду. В гавани Кума, где сэр Реджинальд исполнял обязанности старшего по сбору пошлин,

дела обстояли не слишком хорошо. Французы захватили Кале, война между двумя странами продолжалась, поэтому перевозки через пролив почти прекратились.

По дороге к собору семейство миновало вторую причину своего нынешнего безденежья – новый дом, которому уже подобрали название: Прайори-гейт, раз он будет стоять поблизости от разрушенного аббатства. Дом располагался на северной стороне рыночной площади, на земле, что граничила с домом приора в те времена, когда аббатство еще существовало. Строительство замедлилось едва ли не до полной остановки, мастера отправились искать работу у тех, кто мог с ними расплатиться. Вокруг недостроенного здания поставили грубый деревянный забор, чтобы любопытствующие зеваки не совали носы в чужие дела.

Также сэру Реджинальду принадлежали бывшие здания аббатства с южной стороны собора – крытые галереи, монашеские кухня и dormitorio, помещения женского монастыря и конюшня. Когда король Генрих распустил монастыри, все церковное имущество досталось местным богатеям, и сэр Реджинальд наложил руку на аббатство. Старые сооружения, простоявшие наполовину заброшенными десятки лет, обветшали и грозили осыпаться, их крыши пестрели птичьими гнездами, а галереи поросли колючим кустарником. Реджинальд подумывал, не продать ли здания обратно церковному капитулу.

Между замершей стройкой и развалами на другом берегу горделиво возвышался собор, ничуть не изменившийся за сотни лет, подобно католической вере, которую он олицетворял. Последние сорок лет протестанты пытались изменить доктрины вероучения, возглаголавшиеся в храме на протяжении столетий; и где они только, подумалось Ролло, набрались такой дерзости? Ведь это все равно что вставлять современные окна в стены храма. Истина устремлена в вечность, как и сам собор.

Фицджеральды миновали огромные арки западного фасада. Внутри казалось даже холоднее, чем снаружи. Как и всегда, длинный неф с его упорядоченными, будто прочерченными по линейке рядами колонн и арок заставил Ролло восхититься устройством мироздания, кое было воздвигнуто и управлялось логикой Божественной воли. В дальнем конце нефа тускло сверкало озаренное зимним солнцем большое витражное окно, цветное стекло которого изображало, как все закончится: Господь восседал на престоле, верша суд Последнего дня, злодеев подвергали мучениям в преисподней, а праведники вступали на небеса.

Семейство не успело дойти до своих мест прежде, чем началась служба. С расстояния они наблюдали за священнослужителями у алтаря. Фицджеральдов окружали прочие важные и влиятельные семьи города, включая Уиллардов и Кобли, а также местная знать, среди которой выделялись лорд Ширинг и его сын Барт и лорд и леди Брекнок.

Распев навевал уныние. Вековая традиция чарующего хорового пения в соборе Кингсбриджа оборвалась с закрытием аббатства, когда хор был распущен. Бывшие монахи затеяли собрать новый хор, однако бывшее очарование пропало. Им никак не удавалось воссоздать поистине фанатичную дисциплину и праведный пыл прежних хористов, что посвящали жизни истовому прославлению Господа посредством великолепной музыки.

Паства привычно ожидала наиболее значимых мгновений службы, в частности, освящения опресноков, и вежливо слушала проповедь епископа Джулиуса, но большую часть времени прихожане негромко переговаривались между собой.

Ролло с раздражением отметил, что Марджерия улизнула от своих и о чем-то оживленно болтает с Недом Уиллардом; перья на ее шляпке раскачивались туда и сюда, вторя движениям головы. Нед тоже принарядился для мессы, надел свой синий французский плащ и явно млел рядом с сестрой Ролло. Эх, двинуть бы ему, чтобы знал, как себя вести...

Сам Ролло, почти в отместку, заговорил с Бартом Ширингом, сказал тому, что все рано или поздно закончится как надо. Еще они обсудили войну. Потеря Кале сказала не только на торговле. Королева Мария и ее муж-чужестранец на глазах лишались былой поддержки.

Ролло сомневался, что англичане примут нового государя-протестанта, но дела Марии Тюдор не приносили пользы и славы католической вере.

Ближе к концу службы к Ролло подступил Дэн, мясистый сынок Филберта Кобли. Ролло был уверен, что эти пуритане явились в собор исключительно по обязанности; им наверняка претили все эти статуи и картины, они бы с удовольствием морщили носы всякий раз, когда прихожан достигал запах ладана. Самого Ролло поистине бесило, что какие-то люди – невежественные, необразованные, тупые людишки – смеют притязать на собственное мнение касательно веры. Если это глупейшее поветрие распространится, мир падет, погрязнув в грехе. Нет, людям нужно указывать, как поступать, нужно их наставлять.

Вместе с Дэном пришел жилистый, словно просоленный морем и ветрами, мужчина по имени Джонас Бэкон; он был из тех моряков, кого частенько нанимали кингсбриджские купцы.

– У нас есть груз, и мы хотим его продать, – сказал Дэн. – Тебе интересно?

Арматоры вроде Кобли нередко продавали свои грузы заранее, порой распределяя партии по четвертям или осьмушкам, чтобы привлечь побольше покупателей. Таким образом они находили средства на оплату плавания и заодно делили риски, иначе им пришлось бы все брать на себя. Иногда те, кто вкладывал деньги, получали вдесятеро больше, чем вложили, но и могли потерять вложенное до последней монеты. Раньше, когда дела обстояли лучше, сэр Реджинальд не чурался такой практики и сколотил приличное состояние.

– Может быть, – ответил Ролло. Разумеется, он лукавил: у отца не было свободных средств на покупку груза. Но Ролло хотелось разузнать, о чем идет речь.

– «Святая Маргарита» возвращается с Балтики. Ее трюм набит мехами, которые потянут больше, чем на пятьсот фунтов. – Дэн помялся. – Могу показать грузовую ведомость.

Ролло нахмурился.

– Откуда ты знаешь, что судно еще в море?

Вместо Дэна ответил Бэкон, чей хриплый голос выдавал морского волка, привыкшего перекрикивать ветер:

– Я обогнал «Маргариту» у голландского побережья. Мой «Ястреб» резвее. Я потолковал со шкипом. Они собирались встать на мелкий ремонт, но судно будет в Куме через пару недель.

О Бэконе ходила дурная молва – как, впрочем, и о большинстве моряков. На своих кораблях, далеко от суши, они были сами себе хозяевами, никого не слушались, воровали, грабили и убивали. Однако этот рассказ звучал убедительно.

Ролло кивнул и вновь повернулся к Дэну.

– Почему вы торопитесь продать груз?

Круглое белое лицо юноши отразило замешательство.

– Мы... Нам нужны деньги на другое.

Естественно, он не признается, на что именно. Обычное дело: если подворачивается хорошая деловая возможность, никто не станет делиться с прочими, не то они опередят. Но все же Ролло продолжали терзать сомнения.

– С вашим грузом что-то не так?

– Нет, все в порядке. Мы даже готовы гарантировать цену в пятьсот фунтов, а вам продадим за четыре сотни.

Сумма была велика. Зажиточный крестьянин, владеющий землей, мог заработать пятьдесят фунтов в год; успешный торговец из Кингсбриджа гордился бы годовым доходом в две сотни фунтов. Словом, четыреста фунтов откровенно пугали – но заведомая прибыль в сотню фунтов через две недели сулила редкую возможность.

Вдобавок эти деньги покрывали семейные долги Фицджеральдов.

К сожалению, у них не было четырехсот фунтов. Не было даже четырех.

Тем не менее Ролло сказал:

– Передам отцу. – Он был уверен, что денег взять неоткуда, но сэр Реджинальд оскорбится и разгневается, если выяснится, что его сын стал вести дела от имени семьи.

Дэн кивнул.

– Поспешите. Я обратился к вам первым, сэр Реджинальд наш мэр, но можно ведь предложить и другим. Деньги нужны нам завтра.

С этими словами он ушел, по-прежнему вместе с Бэконом.

Ролло огляделся, увидел отца, стоявшего у ребристой колонны, и не стал медлить.

– Ко мне подходил Дэн Кобли.

– Вот как? – отозвался сэр Реджинальд. Он недолюбливал Кобли. По правде говоря, тех вообще старались избегать, ибо они как будто считали себя праведнее всех прочих; да и выходка на пиршестве у графа до сих пор не забылась. – Чего он хотел?

– Продать груз. – Ролло сжато посвятил отца в подробности.

Сэр Реджинальд выслушал и уточнил:

– Они готовы гарантировать цену?

– Да, пятьсот фунтов. А нам продают за четыреста. Знаю, денег у нас нет, но я решил, что ты захочешь узнать.

– Ты прав, денег у нас нет. – Реджинальд задумался. – Хотя, возможно, я сумею раздобыть нужную сумму.

Интересно, как, подумалось Ролло. Надо отдать отцу должное, он отличался умением и хваткой. Сэр Реджинальд был не из тех, кто накапливает постепенно; он предпочитал ловить случай и зачастую богател на непредвиденных возможностях.

Неужели у них получится одним махом уладить все семейные неприятности? Ролло едва смел на это надеяться.

К изумлению юноши, Реджинальд отправился беседовать с Уиллардами. Элис принадлежала к числу ведущих городских торговцев, поэтому мэр частенько обсуждал с нею деловые вопросы, но особой любви между ними никогда не было, и отношения несколько не улучшились после отказа Фицджеральдов признать юного Неда своим будущим зятем.

Заинтригованный, Ролло поспешил нагнать отца.

– Миссис Уиллард, – тихо произнес Реджинальд, – надо бы потолковать, если вы не против.

Элис, невысокая и крепко сбитая, всегда отличалась изящными манерами.

– Разумеется, – ответила она вежливо.

– Не одолжите четыреста фунтов на короткий срок?

Элис даже вздрогнула от неожиданности.

– Обратитесь в Лондон, – посоветовала она, помолчав. – Или в Антверпен. – Голландский город Антверпен считался финансовой столицей Европы. – Наш кузен живет в Антверпене. Правда, я не могу сказать, согласится ли он поделиться столь крупной суммой.

– Деньги нужны сегодня, – пояснил сэр Реджинальд.

Элис вопросительно приподняла бровь.

Ролло ощутил укол стыда. Было поистине унижительно просить кредит у семейства, которое совсем недавно они столь высокомерно отвергли.

Но Реджинальд несколько не смутился.

– Элис, вы единственный торговец в Кингсбридже, кто наверняка располагает нужной суммой.

– Могу я узнать, для чего вам эти деньги? – спросила женщина.

– Выпал случай купить богатый груз.

Реджинальд не стал вдаваться в подробности, как заметил Ролло, чтобы Элис не вздумалось перехватить покупку.

– Судно придет в гавань Кума через две недели, – добавил старший Фицджеральд.

Тут в беседу встрял Нед Уиллард. Уж ему-то, с горечью подумал Ролло, наверняка по нраву наблюдать, как Фицджеральды лебезят перед Уиллардами и попрошайничают у них. Однако Нед не стал тешить самолюбие.

– Почему же владелец продает груз сейчас? – деловито уточнил он. – Ему всего-то надо подождать две недели, перевезти груз на сушу, и он получит полную цену.

Реджинальда, похоже, уязвило, что его расспрашивает сущий молокосос, однако мэр сдержал недовольство и ответил:

– Продавцу срочно требуются наличные для нового вложения.

– Я не могу позволить себе потери такой суммы, – сказала Элис. – Думаю, вы понимаете.

– Нет никакого риска, – возразил Реджинальд. – Вы вернете свое чуть больше чем через две недели.

Глупо, отец, мысленно укорил Ролло. Риск есть всегда.

Сэр Реджинальд понизил голос:

– Мы же соседи, Элис. Мы помогаем друг другу. Я всегда ускоряю прохождение ваших грузов в Куме, разве вы забыли? А вы помогаете мне. Так заведено в Кингсбридже.

Элис потрясли эти слова, и мгновение спустя Ролло сообразил почему. Вроде бы невинная отцовская фраза о соседской помощи таила в себе угрозу. Подразумевалось, что, если Элис не пожелает сотрудничать, сэр Реджинальд может начать строить ей козни в гавани.

Довольно долго все молчали, пока Элис размышляла. Ролло вполне мог догадаться, о чем она думает. Ей совсем не хотелось расставаться с деньгами, но она не могла допустить, чтобы столь влиятельный человек, каким был сэр Реджинальд, сделался ее врагом.

– Мне нужен заклад, – сказала она наконец.

Сердце Ролло упало. Человек, у которого ничего нет, не способен дать обеспечение. По сути, слова Элис – просто-напросто вежливый отказ.

– Ставлю свою должность в гавани, – тут же откликнулся сэр Реджинальд.

Элис покачала головой.

– Вы не можете распоряжаться ею без королевского соизволения. А времени, чтобы его получить, у вас нет.

Ролло понимал, что женщина права. Более того, Реджинальд тем самым выдал свое отчаянное положение.

– Тогда как насчет аббатства? – не отступался мэр.

Элис снова покачала головой.

– Мне ни к чему ваш недостроенный дом.

– А южная часть? Галереи, dormitorio, монастырь?

Ролло не сомневался, что Элис опять откажется. Здания бывшего аббатства простояли покинутыми более двадцати лет, отремонтировать их было бесполезно.

К его удивлению, Элис выказала интерес.

– Возможно, – сказала она.

Ролло не выдержал.

– Отец, ты же помнишь, епископ Джулиус хочет, чтобы капитул выкупил аббатство обратно. Ты ведь уже почти согласился его продать!

Благочестивая королева Мария вознамерилась вернуть церкви все то, что отнял ее алчный отец, король Генрих. Правда, члены парламента не приняли закон о возврате церковного имущества – слишком многие из них обогатились на его присвоении, – поэтому церковь пыталась сама выкупить это имущество, причем задешево. Ролло считал, что все добрые католики просто обязаны ей в том содействовать.

– Все верно, – ответил сэр Реджинальд. – Но я не собираюсь терять свой заклад, так что все останутся при своих, и епископ получит то, что хочет.

– Хорошо, – коротко заметила Элис.

Снова возникла пауза. Элис явно чего-то ждала, но вот чего именно? В конце концов Реджинальд догадался.

– Я дам неплохой процент, – пообещал он.

– Процент был бы высоким, – предупредила Элис, – однако вам известно, что получать доход от ссуд – это ростовщичество, а оное – грех и преступление.

Она безусловно была права, но это выглядело уловкой. Законы против ростовщичества ежедневно обходились в каждом коммерческом городе Европы. За внешне законопослушным возражением Элис всего-навсего таилось стремление соблюсти приличия.

– Что ж, я уверен, что мы найдем способ с этим справиться. – Тон Реджинальда был шутливым, как у человека, замыслившего невинную проказу.

– Что у вас на уме? – настороженно осведомилась Элис.

– Допустим, я передам вам аббатство во временное владение на срок кредита, а потом выкуплю обратно.

– Восемь фунтов в месяц – и я согласна.

Нед как будто встревожился. По всей видимости, ему хотелось, чтобы мать отказалась от этой сделки. И Ролло понимал почему: Элис собиралась рискнуть четырьмя сотнями фунтов ради дохода в жалкие восемь фунтов.

Реджинальд притворился взбешенным.

– Да это же двадцать четыре процента в год, даже больше!

– Вам решать.

Ролло приободрился. Почему Элис спорит за проценты? Потому, что уже согласилась ссудить деньги! Юный Нед, похоже, совсем расстроился; должно быть, он тоже сообразил, к чему идет дело, но его, в отличие от Фицджеральдов, это не радовало.

Реджинальд думал довольно долго, но наконец сказал:

– Ладно, быть по сему.

Он протянул ладонь, и они с Элис обменялись рукопожатием.

Ролло не мог не восхититься деловой сметкой своего отца. Человек, не имевший фактически ни гроша за душой, добыл четыреста фунтов за пять минут. Вот истинное мужество, истинная отвага! Груз «Святой Маргариты» поможет восстановить семейные финансы. Хвала небесам за внезапную потребность Филберта Кобли в наличных.

– Бумаги занесу днем, – сказала Элис Уиллард и отвернулась.

В тот же самый миг к мужу подошла леди Джейн.

– Пора домой, – поведала она. – Обед скоро будет готов.

Ролло огляделся, высматривая сестру.

Марджери нигде не было видно.

2

Едва Фицджеральды отделились настолько, что уже не могли их услышать, Нед спросил у матери:

– Зачем ты согласилась одолжить столько денег сэру Реджинальду?

– Потому что иначе он принялся бы строить нам пакости.

– Но он может разориться! И тогда мы потеряем все!

– Нет, у нас будет аббатство.

– Ну да, скопище полуразрушенных домишек!

– Здания мне не нужны.

– Но тогда... – Нед нахмурился.

– Думай, – велела мать.

Если здания – помеха, чего же хочет Элис?

– Земля? – спросил Нед.

– Думай, я сказала.

– Аббатство находится в центре города...

– Вот именно. Это лучшее место в Кингсбридже, оно стоит куда больше четырех сотен фунтов, особенно для того, кто знает, что с ним делать.

– Понятно, – протянул Нед. – И что же ты собираешься делать? Строить дом, как Реджинальд?

Элис сморщила нос в гримасе.

– К чему мне дворец? Я построю крытый рынок, который станет работать каждый день всю неделю подряд, невзирая на погоду. Стану продавать места торговцам – пекарям, сыроvarам, перчаточникам, сапожникам. Рядом с собором такой рынок будет приносить деньги добрую тысячу лет.

Ну и ну, подумалось Неду, экое предвидение. Вот почему его матушка славилась своей торговой хваткой. Ему такое и в голову не приходило.

Но все равно он продолжал беспокоиться, потому что не доверял Фицджеральдам.

Тут ему в голову пришла другая мысль.

– Это что, запасной план на случай, если мы потеряем все в Кале?

Элис прилагала немалые усилия к тому, чтобы разузнать о происходящем в Кале, но с тех пор, как французы захватили город, новости оттуда перестали поступать. Возможно, французы попросту забрали всю английскую собственность, в том числе забитый товарами склад Уиллардов; возможно, дядюшка Дик со своим семейством уже плывет в Кингсбридж, лишившись всего. Впрочем, Кале процветал исключительно благодаря тому, что англичане вели там торговлю, и вполне может статься, что французский король догадался: разумнее и доходнее позволить чужестранцам торговать и дальше.

К несчастью, отсутствие новостей было дурным признаком. Раз никто из англичан пока не вернулся из Кале и не привез никаких вестей, хотя с падения города прошел уже месяц, можно было предположить, что уцелели немногие.

– Крытый рынок оправдает себя при любых обстоятельствах, – сказала Элис. – Но ты прав. Думаю, нам понадобится новое дело, если новости из Кале окажутся столь печальными, как все опасаются.

Нед кивнул. Он знал за матерью привычку глядеть далеко вперед.

– Быть может, ничего не получится, конечно, – продолжала Элис. – Реджинальд не стал бы унижаться и просить у меня денег, не маячь перед ним по-настоящему выгодная сделка.

Между тем Нед задумался о другом. Переговоры с Реджинальдом на короткий срок отвлекли его от мыслей о единственном члене семейства Фицджеральдов, который действительно интересовал юношу.

Он огляделся по сторонам, всмотрелся в лица прихожан, но Марджери нигде не увидел. Девушка ушла – но Нед твердо знал, куда она направилась. Он двинулся вдоль прохода, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег.

Погруженный в размышления, он все же восхитился, как всегда, красотой сводов собора, этой каменной музыкой: нижние арки, словно басовые ноты, повторялись в устойчивой мелодии, а те, что поменьше, на галерее и над хорами, мнились высокими нотами в том же напеве.

Выйдя наружу, Нед плотнее запахнул плащ и повернул на север, будто бы в направлении кладбища. Снег повалил гуще, белая шапка почти скрыла величественную усыпальницу приора Филиппа. Та была столь велика, что Нед с Марджери частенько укрывались у дальней стены и обжимались, не опасаясь быть замеченными. По преданию, приор Филипп снисходительно взирал с небес на тех, кто предавался плотским наслаждениям, и потому Неду казалось, что душу давно усопшего монаха не потревожат двое молодых людей, целующихся над его могилой.

Однако Марджери придумала местечко для встреч получше – и поделилась с Недом своим открытием, когда им удалось переброситься словечком во время службы. Следуя ее указаниям, Нед обошел вокруг недостроенный новый дом Фицджеральдов. Потом остановился, убедился, что за ним никто не следит, и юркнул в дырку в заборе.

В новом доме сэра Реджинальда имелись полы, стены, лестницы и крыша, но не было ни дверей, ни окон. Нед вошел в дом и взбежал по парадной лестнице итальянского мрамора на площадку, где его поджидала Марджери. Девушка куталась в большую красную накидку, ее лицо выражало нетерпение. Нед обнял ее, и они прильнули друг и другу и принялись целоваться. Он закрыл глаза, вдохнул запах Марджери, этот теплый и невыразимо приятный запах от кожи на ее шейке.

Когда они разомкнули объятия, переводя дыхание, Нед сказал:

– Знаешь, я волнуюсь. Моя матушка только что одолжила твоему отцу четыреста фунтов.

Марджери пожала плечами.

– Они постоянно так делают.

– Ссуды оборачиваются ссорами. Нам с тобою это может выйти боком.

– И так уже все плохо. Поцелуй меня снова, Нед.

Ему доводилось целоваться раньше, но ни одна девчонка не вела себя вот так.

Марджери единственная не жеманничала и прямо говорила, чего она хочет. Конечно, от женщин ждут, что они будут повиноваться мужчинам, особенно в телесных отношениях, но Марджери о том как будто не подозревала.

– Мне нравится, как ты целуешься, – проговорил Нед чуть погодя. – Кто тебя научил?

– Никто меня не учил! Ты за кого меня принимаешь? И потом, разве существует всего один способ? Ты что, подсчеты ведешь?

– Ты права, каждая девушка хороша по-своему. Рут Кобли нравится, чтобы ей жали грудь как можно сильнее, чуть ли не до синяков. А Сьюзан Уайт...

– Перестань! Я не хочу слышать о других твоих девушках.

– Да я просто дразнюсь. Никто из них с тобою не сравнится. Вот почему я полюбил тебя.

– Я тоже тебя люблю.

Они снова стали целоваться. Нед распахнул свой плащ, расстегнул пуговицы на накидке Марджери, чтобы теснее прижиматься. О холоде было забыто.

И тут раздался знакомый голос:

– Немедленно прекратите!

Это был Ролло.

Нед вскинулся, ощущая за собой вину, но быстро совладал с испугом: никто не запретит ему целовать девушку, которую он любит! Он выпустил Марджери из объятий и повернулся к ее брату, намеренно медленно.

– Иди приказывай другим, Ролло. – Нед несколько не боялся. – Мы больше не в школе.

Ролло словно не услышал; кипя праведным гневом, он обрушился на Марджери:

– Ты! Идем со мною домой, прямо сейчас!

Марджери долго прожила бок о бок со своим задиристым братом, а потому давно научилась ему сопротивляться.

– Ступай первым, – сказала она, и голос ее дрожал разве что самую малость. – Я приду следом.

– Я сказал – прямо сейчас! – рявкнул Ролло, чье лицо налилось кровью, и схватил Марджери за руку.

– Убери руки, Ролло! – крикнул Нед. – Еще не хватало волочить ее силком!

– А ты заткни пасть! Это моя сестра, я знаю, что делаю!

Марджери попыталась высвободиться, но Ролло не отпустил, лишь надавил сильнее прежнего.

– Мне больно!

– Я тебя предупредил, Ролло, – сказал Нед. Ему не нравилось насилие, но он не собирался потакать грубиянам.

Ролло потянул Марджери за собой.

Нед дернул Ролло за плащ, оторвал юношу от Марджери и как следует пихнул. Тот отлетел на дальний край площадки.

В этот миг Нед увидел Барта Ширинга, поднимавшегося по мраморной лестнице.

Ролло восстановил равновесие, подступил к Неду и помахал у того перед носом пальцем:

– Теперь моя очередь!

И ударил.

Он метил в пах, но Нед успел сделать шаг вперед и принять удар бедром. Было больно, но, охваченный яростью, он едва заметил эту боль. Юноша замахнулся, врезал Ролло кулаком по лицу, другим кулаком в грудь – раз, другой, третий, пятый... Ролло попятился, попытался защититься. Он был выше, руки у него были длиннее, зато Нед разозлился куда сильнее.

Юноша услышал крик Марджери:

– Стойте! Ну стойте же!

Нед погнал было Ролло через площадку, но тут вдруг его схватили сзади. Ну конечно, Барт! Руки Неда оказались прижатыми к бокам, будто их привязали веревкой; Барт был намного больше и сильнее Неда с Ролло. Юноша отчаянно задержался, но высвободиться не смог, как ни старался, а затем внезапно сообразил, что его сейчас избьют до полусмерти.

Барт держал Неда, а Ролло принялся его вразумлять. Нед пробовал уворачиваться, но Барт не ослаблял хватки, а Ролло бил по лицу, по животу и в пах, снова и снова, снова и снова. Барт громко хохотал. Марджери визжала и пыталась остановить своего брата, но не могла с ним справиться – верзила Ролло был для нее слишком велик.

Вскоре Барт утомился этим развлечением и перестал смеяться. Он оттолкнул Неда, и юноша повалился на пол. Он хотел было встать, но понял, что не может этого сделать. Один глаз целиком заплыл, но вторым он увидел, как Ролло и Барт подхватили Марджери под руки и ведут девушку вниз по лестнице.

Нед закашлялся, выплюнул кровь. Вместе с кровью вылетел зуб. Юноша какое-то время разглядывал этот зуб на полу своим зрячим глазом. Потом его стошнило.

Болело везде. Он снова попытался встать, но ноги не слушались. Тогда он улегся спиной на холодный мрамор и стал ждать, когда боль немного утихнет.

– Черт, – пробормотал он. – Черт! Черт!

3

– Где ты была? – накинулась леди Джейн на Марджери, едва Ролло привел сестру домой.

– Ролло избивал Неда, а Барт его держал! – крикнула в ответ Марджери. – Ты хуже зверя, подлец!

– Успокойся, – велела мать.

– Да ты погляди на Ролло, как он на свои кулаки пялится! Гордишься собой, что ли?!

– Горжусь, – подтвердил Ролло. – Я сделал то, что давно надо было сделать.

– Знал ведь, что одному тебе с Недом не справиться. – Девушка ткнула пальцем в Барта, который вошел в дом следом за Ролло. – И позвал его!

– Это не важно, – бросила леди Джейн. – Тут кое-кто хочет видеть тебя.

– А я никого видеть не хочу! – отрезала Марджери. У нее было одно желание – запереться в собственной комнате.

– Не спорь, девочка, – холодно осадил мать. – Идем со мной.

Решимость и гнев как-то мгновенно остыли. У Марджери на глазах избили юношу, которого она любила, и это была ее вина, его избили из-за ее любви. Она ощущала себя совершенно беспомощной, неспособной принимать правильные решения, а потому просто пожала плечами и последовала за матерью.

Леди Джейн направилась в свой «зауток», из которого правила домом и повелевала слугами и домочадцами. Обстановка была скромной – жесткие стулья, письменный стол и prie-dieu. На столе выстроились в ряд фигурки святых, вырезанные из слоновой кости.

На одном из стульев восседал епископ Кингсбриджа, худой и старый. Джулиусу было, должно быть, не меньше шестидесяти пяти, однако он сохранил резкость и приткость движений, свойственную молодым. Из-за отсутствия волос на голове его лицо всегда казалось Марджери похожим на череп. Бледно-голубые глаза глядели зорко и настороженно.

Марджери испугалась. Что могло понадобиться епископу от нее?

– Епископ хочет кое-что тебе сказать, – пояснила леди Джейн.

– Присядь, Марджери, – попросил Джулиус.

Девушка послушно села.

– Я знаю тебя с самого рождения, – начал епископ. – Тебя растили в христианской вере, доброй католичкой. Твои родители могут тобою гордиться.

Марджери молчала. Слезы застилали глаза. Она словно наяву видела, как Ролло колошат Неда, как заливается кровью любимое лицо...

– Ты молишься, ходишь к мессе, исповедуешься раз в год, как положено. Господь тебе благоволит.

Наверное. Все остальное в жизни шло наперекосяк – братец плевался от ненависти, родители оказались злыми и жестокими, ее ожидало замужество за типом хуже подзаборного пса, – зато перед Богом она всяко была чиста. Это утешало – хоть немного, но утешало.

– И все же, – продолжал епископ – ты словно вдруг позабыла те добродетели, в коих тебя наставляли.

Марджери сосредоточилась.

– Ничего подобного, – возмутилась она.

– Будешь говорить, когда епископ спросит, а не когда вздумается, – оборвала мать. – Поняла, непокорное дитя?

Джулиус примирительно улыбнулся.

– Ничего страшного, леди Джейн. Я понимаю, что Марджери расстроена.

Девушка недоуменно смотрела на епископа. Он – земное воплощение Христа¹⁹, достойный пастырь и защитник христианской веры. В чем он ее обвиняет?

– Похоже, ты запомнила четвертую заповедь, – объяснил Джулиус.

Марджери неожиданно для самой себя устыдилась. Она догадалась, о чем речь.

Девушка потупилась.

– Какова четвертая заповедь, Марджери?

– Почитай отца твоего и мать твою²⁰, – пробормотала она.

– Громче, пожалуйста, и почетче.

Марджери вскинула голову, но не смогла заставить себя встретиться взглядом с епископом.

– Почитай отца твоего и мать твою.

Джулиус кивнул.

– А ты недавно ослушалась своих родителей, не так ли?

¹⁹ Как папа римский – наместник Бога на земле, так и епископ – наместник папы и, через последнего, символическое воплощение Христа.

²⁰ В православной, протестантской и иудейской традициях эта заповедь считается пятой, но в католическом каноне она признается четвертой.

Марджери покорно промолчала.

– Разве ты не нарушила тем самым свой долг пред Господом?

– Простите, – прошептала она, чувствуя, что вот-вот расплачется.

– Раскаяться мало, Марджери. Нужно доказать раскаяние делом.

– Что я должна сделать?

– Перестань грешить. Тебе надлежит повиноваться.

Она наконец-то отважилась посмотреть епископу в глаза.

– Повиноваться?

– Этого хочет Господь.

– Правда?

– Конечно, правда.

Джулиус был епископом. Кому, как не ему, ведать, чего хочет Всевышний? Раз он говорит, что правда, значит, так и есть. Марджери снова уставилась в пол.

– Прошу тебя, поговори со своим отцом, – сказал епископ.

– Зачем?

– Ты должна с ним поговорить. Не сомневаюсь, ты знаешь, что тебе нужно ему сказать.

Я прав?

Слова не шли с языка, и Марджери лишь молча кивнула.

Епископ махнул рукой, подавая знак леди Джейн, и та подошла к двери и выглянула наружу. В коридоре ожидал сэр Реджинальд, который немедля вошел внутрь.

Отец поглядел на Марджери и коротко спросил:

– Ну что?

– Прости меня, отец, – прошептала девушка.

– Я рад, что ты нашла силы признать ошибку.

Наступила тишина. Все чего-то ждали.

Марджери поняла, что должна это сказать.

– Я выйду замуж за Барта Ширинга.

– Молодец, – одобрил сэр Реджинальд.

Марджери привстала.

– Могу я идти?

– Тебе следует поблагодарить епископа, – напомнила леди Джейн. – Ты сошла со стези, ведущей к Господу, а он направил тебя на верный путь.

Марджери повернулась к Джулиусу.

– Благодарю вас, святой отец.

– Хорошо, вот теперь можешь уйти, – сказала мать.

Марджери поспешила удалиться.

4

Утром в понедельник Нед выглянул в окно и увидел Марджери. Сердце сразу забилося чаще.

Он стоял у окна в общей комнате, и Мадди, пестрая домашняя кошка, терлась головой о его лодыжку. Когда она была котенком, Нед звал ее Чуней, но теперь Мадди постарела, сделалась этакой чванливой дамой, которая по-своему, весьма сдержанно, выражала радость от его возвращения домой.

Юноша смотрел, как Марджери пересекает площадь, направляясь в грамматическую школу. Три дня в неделю по утрам она занималась с младшими ребятами, учила их счету и буквам и повествовала о чудесах, совершенных Иисусом, готова к обучению в настоящей

школе. Весь январь она была свободна от этих обязанностей, но теперь, похоже, возвращалась к ним. Сестру сопровождал Ролло, сурово зыркая по сторонам.

Нед ожидал чего-то подобного.

Ему уже случалось заводить шашни. При этом он ни разу не впадал в грех прелюбодеяния, хотя и бывал близок к тому, раз или два; Сьюзан Уайт и Рут Кобли ему в самом деле нравились, каждая по-своему. Впрочем, стоило ему влюбиться в Марджери, как он сразу понял, что теперь все будет иначе. Завлечь Марджери к могиле приора Филиппа, целовать ее, обнимать и ласкать – этого было мало. Ему хотелось не просто провести с нею время, поразвлечься и позабавиться; нет, хотелось быть с нею как можно дольше, говорить о пьесах и картинах, пересказывать местные сплетни и обсуждать политику Англии – или просто лежать вдвоем на траве на берегу реки в солнечный день.

Юноша подавил желание выскочить из дома и броситься к Марджери прямо на рыночной площади. Он поговорит с нею, когда закончатся занятия в школе.

Утро он провел в амбаре, делая записи в учетной книге. Старший брат Неда, Барни, ненавидел такую работу – Барни сызмальства мучился с грамотой и читать научился только в двенадцать лет, – а вот Неду нравилось копаться в счетах и выписках, подсчитывать количество олова, свинца и железной руды, отмечать плаванья в Севилью, Кале и Антверпен, сравнивать цены и записывать прибыль. Сидя за письменным столом, с гусиным пером в руке, перед чернильницей и толстой книгой на столешнице, он словно окидывал взором бескрайние просторы торговых связей.

Увы, по всем подсчетам выходило, что дела идут неважно. Большая часть имущества, принадлежавшего Уиллардам, находилась в Кале и была, скорее всего, присвоена французским королем. Да, на складе в Кингсбридже оставались ценные запасы, но продать их было сложно, пока не восстановится торговля через пролив, прерванная войной. Пришлось уволить нескольких работников, потому что нечем было их занять. Мать поручила Неду проверить, каковы остатки, и выяснить, возможно ли избавиться от них за сумму, которой хватит на покрытие растущих долгов.

Работу постоянно прерывали вопросами – мол, откуда у него синяк под глазом? Нед отвечал чистую правду, которую не стал скрывать и от матери: Барт и Ролло поколотили его за то, что он посмел целоваться с Марджери. Никого это не удивляло, ведь молодые люди частенько выясняли отношения на кулаках, в особенности по конец каждой недели, и по понедельникам очень многие щеголяли свежепоставленными синяками.

Бабушка обозвала Ролло «треклятым шалопутом».

– В малолетстве он был отпетым сорванцом, а вырос и вовсе громилой. Ты бы его поостерегся, – посоветовала она.

Элис же посочувствовала утрате зуба.

Ближе к полудню Нед вышел из амбара и двинулся вдоль по слякоти главной городской улицы. Вместо того чтобы идти домой, он направился ко входу грамматической школы. Колокол на соборе отбил полдень, как раз когда он подходил к дверям. Теперь он ощущал себя так, будто повзрослел на пару десятков лет по сравнению с тем юнцом, что окончил школу три года назад. Заботы, мнившиеся тогда столь важными – занятия, состязания, зависть, – ныне казались удивительно мелкими.

Через площадь к школе подошел Ролло, явившийся, судя по всему, за Марджери. Завидев Неда, он поежился и даже как будто слегка испугался.

– Держись подальше от моей сестры! – процедил Ролло, наконец совладав с собою.

Нед не собирался отступать.

– Так заставь меня, ты, олух бестолковый.

– Хочешь синяк под вторым глазом?

– А ты попробуй поставь сначала.

Ролло пошел на попятную.

– Я не буду драться на людях.

– Еще бы! – Нед презрительно фыркнул. – Ведь твоего здоровенного дружка Барта тут нет, никто тебе не поможет.

Из дверей показалась Марджери.

– Ролло! – воскликнула девушка. – Ради всего святого, ты опять затеваешь драку?

Нед молча смотрел на нее, не находя слов. Маленькая, но до чего же красивая! Подбородок вскинут, зеленые глаза мечут молнии, а голос такой повелительный...

– Тебе запрещено говорить с Уиллардом – заявил Ролло. – Идем со мной, сейчас же.

– А я буду говорить, – возразила она.

– Я тебе запрещаю, поняла?

– Даже не думай хватать меня, Ролло, – предупредила она, словно прочитав мысли брата. – Веди себя разумно. Вон, встань-ка у епископского дворца. Оттуда ты сможешь нас видеть, но ничего не услышишь.

– Тебе нечего ему сказать!

– Не глупи. Я должна ему рассказать, что было вчера. Ты ведь не станешь мне мешать, правда?

– Рассказать? И все? – недоверчиво уточнил Ролло.

– Клянусь. Нед должен знать.

– Не позволяй ему прикасаться к тебе.

– Ступай, подожди меня у дворца.

Ролло нехотя отошел на два десятка шагов, остановился и принялся испепелять Неда и Марджери взглядом.

– Что случилось вчера, после драки? – спросил Нед.

– Я кое-что поняла, – ответила девушка. На ее глаза навернулись слезы.

У Неда неприятно засосало под ложечкой.

– И что же?

– Мой долг состоит в том, чтобы слушаться родителей.

Она все-таки заплакала. Нед полез в карман, достал льняной платок, сшитый матерью, с каймой и узором из желудей. Он ласково промокнул этим платком щеки Марджери, вытер следы слез, а она вдруг выхватила платок у него из рук и принялась тереть глаза.

– Больше ничего объяснять не надо, верно?

– Почему ты так решила? – Нед призадумался. Он знал, что Марджери, несмотря на мнимое легкомыслие и широко известное своеволие, в сердце глубоко благочестива. – Разве не грешно возлегать с мужчиной, которого ты ненавидишь?

– Церковь такому не учит.

– Жаль. По мне, ей следовало бы об этом вспомнить.

– Вы, протестанты, все норовите исказить слово Божье.

– Я не протестант. Так все дело в этом?

– Нет!

– Что стряслось, Марджери? Что они тебе наговорили? Тебе угрожали?

– Нет, мне напомнили о моем долге.

– Кто напомнил? – требовательно спросил Нед, чувствуя, что от него пытаются что-то скрыть. – Кто, скажи?

Марджери помешкала, явно не желая признаваться, потом передернула плечами, как бы давая понять, что это на самом деле не имеет значения.

– Епископ Джулиус.

Нед разъярился:

– Да он же прихвостень твоего отца! Его только пальчиком поманили, он и прибежал!

- Он – наместник Христов.
- Христос не указывал, кому на ком жениться.
- Но Иисус требует от меня послушания.
- При чем тут Иисус и Божий промысел? Твои родители прикрываются верой, чтобы заставить тебя поступить, как нужно им.
- Не обижай меня такими упреками.
- Значит, ты выйдешь за Барта Ширинга, потому что так сказал епископ?
- Потому что этого хочет Господь! Мне пора. Нед, нам с тобою впредь лучше встречаться и разговаривать как можно реже.
- Почему? Мы живем в одном городе, ходим в один храм. Почему бы нам не поговорить?
- Потому что у меня сердце разрывается! – выкрикнула Марджери и побежала к брату.

Глава 4

1

Барни Уиллард шагал по запруженной севильской набережной, высматривая, не пришли ли с ранним приливом по реке Гвадалквивир какие-нито английские корабли. Ему отчаянно требовалось узнать, жив ли дядюшка Дик и все ли семейное имущество утрачено.

Вдоль реки задувал студеный ветер, однако небо было ясным и голубым до синевы, а утреннее солнышко согревало загорелое лицо Барни. После пребывания в Испании, подумалось ему, он никогда больше не привыкнет снова к промозглой сырости и низким облакам, характерным для английской погоды.

Севилью выстроили в излучине реки, по обоим берегам. С внутренней стороны излучины начинался широкий берег грязного песка, тянувшийся вверх до более твердого склона, на котором теснились вместе тысячи домов, дворцов и церквей этого города, самого большого в Испании.

У воды толпились люди, лошади и волы, грузы спускали с палуб, извлекали из трюмов или наоборот – грузили на суда, а продавцы и покупатели перекрикивались и вели торги во всю мощь своих луженых глоток. Барни присматривался к пришвартованным кораблям, ловя чутким ухом протяжные гласные и мягкие согласные английской речи.

Почему-то при виде судов его душа начинала петь. На пути сюда, во время плавания, он был счастливейшим человеком на свете. Плевать на полугнилую еду, питьевую воду омерзительного вкуса, на вонючие трюмы и на внушающие ужас штормы, – он любил море. Ощущение полета над волнами, когда ветер наполняет паруса и гонит корабль вперед, ничуть не уступало остротой наслаждения пребыванию с женщиной. Почти не уступало.

Суда у набережной стояли, прижавшись друг к другу, едва ли не плотнее, чем городские дома. Все они были повернуты носами к городу и кормой к реке. Барни доводилось бывать в гавани Кума, и пять-десять кораблей на якоре там наблюдали разве что в лучшие дни, а вот в Севилье регулярно швартовались до пятидесяти судов в день.

У Барни имелась весомая причина выйти к реке в эту рань. Он проживал в доме Карлоса Круса, своего троюродного брата и мастера по металлу. Севилья производила и поставляла оружие для бесчисленных войн испанского короля Фелипе Второго, и потому металла вечно не хватало. Карлос скупал все, что доставляли суда матери Барни: свинец с холмов Мендип шел на снаряды, олово из корнуолльских копей – на корабельные рундуки для пищи и на посуду, а важнее всего была железная руда. Конечно, руду и металл доставляли в Севилью и другие торговцы, с юга Англии и с севера Испании, и Карлос закупался у всех.

Барни остановился понаблюдать, как аккуратно ставят к причалу только что прибывшее судно. Очертания выглядели знакомыми, и его сердце забилося быстрее в радостной надежде. Судно имело около ста футов в длину и около двадцати в поперечнике, узкие линии потешили бы душу любого морехода, обожавшего резвость и прыть. Барни прикинул, что судно должно брать до сотни тонн. Три мачты, пять квадратных парусов, косой треугольный парус на средней мачте для управления; это и вправду должен быть резвый корабль.

Возможно, это «Ястреб», принадлежащий Филберту Кобли из Кингсбриджа. Услышав, как матросы перекликаются по-английски, Барни уверился в своем предположении. Потом мужчина лет сорока, с лысой, бронзовой от загара головой и русой бородкой, спустился с борта в хлюпавшую под ногами воду на отмели, и Барни узнал Джонатана Гринленда, часто ходившего первым помощником со шкипом Бэконом.

Он подождал, пока Джонатан обвяжет канат вокруг кола, вбитого глубоко в отмель. Дома люди вроде Джонатана не упускали случая пропустить стаканчик-другой в доме Уиллардов напротив кингсбриджского собора, ибо все знали, сколь охоча Элис Уиллард до новостей откуда угодно. В детстве Барни частенько слушал байки Джонатана, который рассказывал об Африке, России и Новом Свете, дивных местах, где всегда светит солнце или где никогда не тает снег, и в этих байках сведения о ценах и особенностях местной политики причудливо смешивались с историями об изменах и пиратах, о восстаниях и абордажах.

Любимой у Барни была история о том, как Джонатан стал моряком. В возрасте пятнадцати лет Гринленд одним субботним вечером упился вусмерть в таверне «Веселый матрос» в гавани Кума, а проснулся утром в двух милях от берега, на борту судна, идущего в Лиссабон. Чтобы вернуться в Англию, ему понадобилось четыре года, а когда он все-таки вернулся, то привез столько денег, что хватило построить дом. Обычно Джонатан излагал эту историю как предостережение молодым, однако юный Барни воспринимал все случившееся как восхитительное приключение и мечтал о том, чтобы и с ним произошло нечто подобное. И поныне, пусть ему стукнуло двадцать, он не переставал грезить морем.

Когда «Ястреб» благополучно встал на отведенное ему место, Барни окликнул Гринленда, и двое мужчин обменялись рукопожатием.

– Ба, да у тебя серьга в ухе! – ухмыльнулся Джонатан. – Местные нравы сказываются? Осваиваешься помаленьку?

– Не совсем местные, – объяснил Барни. – Так у турок принято. Считаю, это моя прихоть.

Серьгу он носил потому, что она позволяла воображать себя мореплавателем, да и девушки хорошо клевали на такую наживку.

Джонатан пожал плечами.

– Мне в Севилье бывать еще не приходилось. На что она похожа?

– Мне нравится! Вино крепкое, девушки красивые, – ответил Барни. – А что с моей семьей? И какие новости из Кале?

– Шкип Бэкон привез тебе письмо от матери. А в остальном рассказывать пока нечего. Мы сами ничего толком не знаем.

Барни приуныл.

– Если бы с англичанами в Кале обошлись достойно, если бы им позволили жить и торговать дальше, они бы уже разослали весточки. Чем дольше ждем, тем понятнее становятся, что они либо в тюрьме, либо погибли.

– Много кто так говорит. – Тут Джонатана окликнули с палубы «Ястреба». – Ладно, мне пора делом заняться.

– Ты привез руду для Карлоса?

Джонатан покачал головой.

– Весь груз – сплошная шерсть. – Его снова позвали, с явным нетерпением. – Все, я пошел. Письмо занесу позднее.

– Приходи на обед. Мы живем по соседству, видишь, вон там, где дым? Место зовется Эль Ареналь, Песчаная Яма, там отливают пушки для короля. Спросишь Карлоса Круса.

Джонатан полез по канату на борт, а Барни двинулся дальше.

Его ничуть не удивило отсутствие новостей из Кале – этого следовало ожидать; но все же на душе сделалось тоскливо. Мать потратила лучшие годы своей жизни, спасая и развивая семейное дело, и Барни не мог не злиться на тех, кто украл богатство его семьи, и не мог не оплакивать утрату.

Прогулка вдоль реки оказалась бесплодной, он так и не нашел железной руды, которую можно было бы купить. У моста Триана он повернул обратно и переместился с набережной на узкие и кривые улочки города, куда уже высыпал местный люд, готовясь заняться повседневными хлопотами. Севилья была куда богаче Кингсбриджа, однако здешние обитатели

выглядели весьма скромно. Испания являлась богатейшей страной мира – и одновременно самой консервативной страной на свете; здесь действовали строгие законы, запрещающие одеваться вычурно. Богатые и знатные ходили в черном, а бедные одевались в поношенное бурое. Забавно, подумалось вдруг Барни, насколько убежденные католики схожи с убежденными протестантами.

Сейчас было самое безопасное время для прогулки по городу: воры и карманники по утрам предпочитали спать, за работу они принимались днем и по вечерам, когда люди от выпитого вина лишались бдительности.

Барни замедлил шаг, приближаясь к дому семейства Руис. Это внушительное кирпичное здание свежей постройки имело четыре больших окна на втором, главном этаже. Позже, когда солнце станет припекать, эти окна прикроют решетчатыми ставнями и толстяк сеньор Педро Руис устроится, изнемогая от жары, подле одного из них, точно лягушка в тростнике, и станет наблюдать за прохожими на улице. В этот ранний час сеньор Руис наверняка спит, ставни подняты, а окна распахнуты, и холодный утренний воздух проникает внутрь.

Задрав голову, Барни углядел ту, кого и рассчитывал увидеть – Херониму, семнадцатилетнюю дочку сеньора Руиса. Юноша пошел еще медленнее, любуясь девушкой, ее светлой кожей, густой волной иссиня-черных волос, искристыми и манящими карими глазами под черными как смоль бровями. Херонима улыбнулась ему и скромно помахала рукой.

Хорошо воспитанным девушкам не полагалось выглядывать в окна, тем более махать проходящим мимо парням, так что Херониму ждут неприятности, если кто-либо из родичей ее заметит. Однако она вполне осознанно выходила к окну каждое утро, и Барни прекрасно понимал, что только так она может с ним кокетничать. Ее постоянство немало его радовало.

Миновав дом Руисов, он остановился, ухмыльнулся – и пошел обратно, спиной вперед. Споткнулся, чуть не упал, состроил обиженную гримасу. Херонима захихикала, прикрывая ладошкой свои алые губы.

Барни отнюдь не собирался жениться на Херониме. В двадцать лет он не ощущал себя созревшим для брака, да и не испытывал уверенности в том, что эта девушка – именно та, единственная. Но ему отчаянно хотелось свести с нею близкое знакомство, ласкать украдкой, когда никто не видит, и срывать поцелуи с ее губ. Увы, в Испании за девицами следили куда строже, чем дома, в Англии, и, посылая красотке воздушный поцелуй, Барни не знал, суждено ли ему когда-нибудь поцеловать Херониму по-настоящему.

Девушка повернула голову, будто кто-то в доме окликнул ее по имени, и мгновение спустя исчезла. Барни с неохотой пошел прочь.

Дом Карлоса находился неподалеку, и мысли Барни перепрыгнули с любви на завтрак с прытью, которая заставила слегка устыдиться его самого.

В стене имелаась широкая арка, ведущая во двор, где находилась мастерская. Повсюду громоздились кучи железной руды, угля и известняка, разделенные грубо сколоченными деревянными перегородками. В углу дремал привязанный вол, а посреди двора высилась печь.

Африканский раб Карлоса, Эбрима Дабо, разводил пламя для первой утренней плавки, его черный лоб блестел от пота. Барни доводилось встречать африканцев в Англии, особенно в портовых городах вроде Кума, но те были свободными людьми, и английские законы не предусматривали неоправданного рабства. В Испании дело обстояло иначе, в Севилье обитали тысячи рабов, и Барни подсчитал на досуге, что их раз в десять больше, чем коренного населения. Среди рабов были арабы, выходцы из Северной Африки, немногочисленные американские индейцы и те, кого, подобно Эбриме, вывезли из Западной Африки. У Барни был врожденный дар к языкам, а потому он сумел выучить несколько фраз на языке мандинка. Так, он слышал и запомнил, как Эбрима приветствует других: «Ай би ньядди?», это означало «Как поживаете?».

Карлос Крус стоял спиной к арке, изучая недавно сложенную из кирпичей печь. Он слышал о других печах, в которых воздух подавался снизу, а железная руда и известняк засыпа-

лись сверху. Никто из них троих – ни мастер, ни раб, ни Барни – не видел ничего подобного своими глазами, однако они решили попробовать построить что-нибудь этакое, в свободное от работы время.

Барни заговорил с Карлосом по-испански:

– Сегодня на реке не нашлось и крупницы руды.

Карлос, все мысли которого явно были о новой печи, поскреб густую черную бороду.

– Нужно понять, как заставить вола раздувать мехи.

Барни нахмурился.

– Не то чтобы я разбирался, но, по-моему, от любого животного будет толк, если у тебя достаточно колес.

Эбрима услышал их разговор.

– Двое мехов, – сказал он. – Одни дуют внутрь, другие наружу.

– Хорошая мысль, – согласился Карлос.

Место для готовки тоже было во дворе, чуть ближе к дому, чем печь, и бабка Карлоса возилась там с котелком.

– Мойте руки, мужчины! – позвала она. – Все готово.

Барни, внучатый племянник, называл эту старушку тетушкой Бетси, хотя вся Севилья знала ее как Элису. Она была милой и добродушной, но красавицей ее не назвал бы никто. На лице сразу бросался в глаза громадный нос крючком. Широким плечам соответствовали крупные ладони и большие ступни. Тетушки исполнилось шестьдесят пять, но и в этом почтенном возрасте она сохранила живость и свойственную более молодым округлость фигуры. Барни припомнилось, как говаривала другая его бабушка, в Кингсбридже: «В молодости моя сестрица Бетси была сущей занозой, вот почему ее отправили в Испанию».

Сейчас было почти невозможно вообразить, чтобы тетушка Бетси творила что-нибудь этакое. Она вела себя весьма осмотрительно и мудро. Так, она предостерегла Барни насчет того, что Херонима Руис тщательно блюдет свои интересы и наверняка выйдет замуж за того, кто окажется намного богаче англичанина.

Бетси воспитывала Карлоса с тех пор, как умерла родами его мать. Отец же Карлоса умер совсем недавно, за несколько дней до приезда Барни. В итоге дом как бы поделили надвое: мужчины обитали с одной стороны арки, а Бетси, владелица дома, занимала другую половину.

Стол накрыли тоже во дворе. Тут было принято есть на открытом воздухе, если только не становилось вдруг слишком уж холодно. Мужчины принялись поглощать яйца с луком и пшеничный хлеб, запивая еду слабым местным вином. Они были сильными мужчинами, занимались тяжелым трудом и потому ели обильно.

Эбрима завтракал вместе со всеми. В богатых семействах рабов обычно к хозяйскому столу не допускали, однако Карлос был мастеровым, зарабатывал на жизнь собственными руками, а Эбрима трудился с ним бок о бок. Впрочем, раб держался скромно, как и подобало, и никто не подумал бы, что он ровня остальным.

Барни продолжал восхищаться технической сметкой Эбримы и его предложением насчет мехов.

– Ты столько знаешь о литье, – сказал он, обращаясь к рабу. – Тебя научил отец Карлоса?

– Нет, мой отец был мастером по железу.

– Ого! – Карлос изумился. – Мне и в голову не приходило, что африканцы плавят железо.

– А как, по-твоему, мы делаем мечи для войн?

– Ну да... И как же ты стал рабом?

– Мы воевали с соседями. Меня взяли в плен. Там, откуда я родом, пленников обыкновенно обращают в рабство. Рабы трудятся на полях победителей. Но мой хозяин умер, а его вдова продала меня работоторговцу-арабу... Потом было много всего, но в конце концов я осел в Севилье.

Раньше Барни не расспрашивал Эбриму о его прошлом, и теперь ему стало любопытно. Скучает ли Эбрима по дому или африканцу нравится в Севилье? На вид Эбриме лет сорок; в каком же возрасте он стал рабом? Тоскует ли он по своей семье? Но Эбрима опередил юношу:

– Могу я вас кое о чем спросить, мистер Уиллард?

– Конечно.

– В Англии есть рабы?

– Ну, не совсем...

– Что вы хотите сказать? – уточнил Эбрима, помолчав.

Барни поразмыслил, прежде чем ответить.

– В Кингсбридже, городе, где я родился, живет португальский ювелир по имени Родриго. Он покупает дорогие ткани, кружева и шелк, потом расшивает их жемчугом и делает головные уборы, платки, вуали и прочую дребедень. Женщины без ума от его поделок. Жены богачей съезжаются к нему со всего запада Англии и скупают все подряд.

– У него есть рабы?

– Когда он приехал в Кингсбридж пять лет назад, при нем был конюх из Марокко по имени Ахмед, отлично ладивший с животными. Вести об этом быстро разошлись, и горожане стали платить Ахмеду, чтобы тот поухаживал за их лошадьми. Вскоре Родриго обо всем узнал и потребовал с конюха деньги, но Ахмед не пожелал подчиниться. Тогда Родриго обратился к суду четвертной сессии²¹, заявил, что эти деньги его, поскольку Ахмед – его раб. Но судья Тил-бери решил так: «Ахмед не нарушал английских законов». Родриго проиграл, Ахмед сохранил деньги. Теперь у него собственный дом, и он процветает, леча лошадей.

– Значит, англичане держат рабов, но если раб уходит, хозяин не может его вернуть?

– Именно так.

Барни заметил, что его история взволновала Эбриму. Быть может, африканцу возмечталось уехать в Англию и обрести свободу?

Тут разговор прервался. Карлос и Эбрима оба внезапно подобрались и упились на арку в стене.

Барни повернулся в ту же сторону и увидел троих мужчин, вошедших во двор. Первым шагнул широкоплечий уса́тый коротышка в богатом наряде, а по обоим бокам, отставая на шаг-другой, его сопровождали мужчины повыше, судя по неприметной одежде, слуги – пожалуй, телохранители. Барни никогда раньше не встречал никого из этой троицы, но сразу опознал в них угрозу.

Карлос заговорил намеренно ровным тоном:

– Доброе утро, Санчо Санчес.

– Карлос, друг мой! – откликнулся Санчес.

Барни подумал, что ни за какие коврижки не счел бы их друзьями.

Тетушка Бетси встала из-за стола.

– Прошу вас, сеньор Санчес, присаживайтесь. – Слова были радушными, но тон заставлял насторожиться. – Позвольте чем-нибудь вас угостить.

– Спасибо, сеньора Крус, не стоит, – ответил Санчес. – Вот от вина не откажусь.

Он уселся на место тетушки Бетси.

Двое других мужчин остались стоять.

Санчес завел беседу о ценах на руду и олово, и Барни сообразил, что это, должно быть, тоже мастер по металлу. Далее обсудили войну с Францией и охватившую город хворь, то ли падучую, то ли лихорадку, которая не щадила ни бедных, ни богатых. Карлос отвечал односложно, о еде никто и не вспоминал.

²¹ Ежеквартальный выездной суд по уголовным и гражданским вопросам; также мировые судьи на заседаниях исполняли административные обязанности в конкретных населенных пунктах и на конкретных территориях.

Наконец Санчес перешел к делу.

– Ты хорошо справляешься, Карлос, – сказал он покровительственно. – Когда умер твой отец, упокой, господи, его душу, я уж было подумал, что одному тебе никак не совладать с мастерской. В двадцать один-то год, проучившись подмастерьем, ты обязан был, конечно, попытаться, но я думал, что ты не сдюжишь. А ты всех удивил.

– Спасибо на добром слове, – ответил Карлос, дожидаясь продолжения.

– Год назад я предлагал выкупить твою мастерскую за сотню эскудо.

Карлос выпрямил спину, расправил плечи и выставил вперед подбородок.

Санчес примирительно вскинул руку.

– Согласен, цена малая, но именно столько она стоила, как мне казалось, после смерти твоего отца.

– Это предложение было оскорбительным, – холодно произнес Карлос.

Двое телохранителей пошевелились. Обычно разговоры об оскорблениях заканчивались насилием.

Санчес, впрочем, держался по-прежнему самоуверенно – то ли притворялся, то ли впрямь был таким толстокожим, Барни никак не мог разобраться. Он не стал извиняться за былую обиду, наоборот, заговорил таким тоном, будто это Карлос когда-то его уязвил.

– Я понимаю твои чувства, поверь. Но у меня двое сыновей, и я хочу пристроить каждого из них к собственному делу. Сейчас я готов заплатить тебе тысячу эскудо. – Словно прикинув, что Карлос не силен в счете, он добавил: – Это в десять раз больше старой цены.

– Все равно слишком мало, – ответил Карлос.

Барни решил вмешаться и спросил Санчеса:

– Почему вы не постройте мастерскую для своего второго сына?

Санчес одарил юношу надменным взглядом, будто только теперь заметил постороннего. Должно быть, он полагал, что Барни станет молчать, пока к нему не обратятся.

На вопрос ответил Карлос:

– У нас в Испании всем в ремеслах заправляют корпорации. Они как английские гильдии, разве что сильнее привержены старине. Корпорация ограничивает число печей в городе.

– Правила требуют высокого качества, – прибавил Санчес, – а мошенников изгоняют из дела.

– А еще следят, чтобы дешевое сырье не обрушило цены, верно? – проявил осведомленность Барни.

Карлос кивнул.

– Санчес входит в городской совет мастеров по металлу, Барни.

Гость утратил всякий интерес к юноше-англичанину.

– Карлос, мой друг и сосед, ответь, пожалуйста, на простой вопрос. За какую цену ты уступишь мне свою мастерскую?

Карлос покачал головой.

– Она не продается.

Санчес с видимым усилием подавил вспышку гнева и заставил себя улыбнуться.

– Могу предложить полторы тысячи.

– Я не продам ее и за пятнадцать тысяч.

Барни заметил, что тетушка Бетси тревожится все сильнее. Она, очевидно, боялась Санчеса и опасалась, что Карлос своим упрямством изрядно того разозлит.

Карлос тоже углядел беспокойство тетушки и продолжил чуть дружелюбнее:

– Но благодарю вас за ваше щедрое предложение, сосед Санчо.

Прозвучало любезно, но совершенно неискренне.

Санчес отбросил притворство.

– Ты пожалеешь, Карлос!

Крус счел, что и ему нет смысла притворяться дальше.

– Что вы такое говорите, сосед Санчо? Неужто вы мне угрожаете?

Санчес словно не услышал вопроса.

– Если твои дела пойдут плохо, ты еще пожалеешь, что не взял мои деньги!

– Как-нибудь обойдусь. Простите, но у меня много работы. Королевский оружейник ждет железо.

Разъяренный столь откровенным указанием на дверь, Санчес поднялся.

Тетушка Бетси проговорила:

– Надеюсь, вам понравилось вино? Это наше лучшее.

Санчес не потрудился ответить на досужую болтовню какой-то там старухи. Вместо того он бросил Карлосу:

– Мы еще потолкуем!

Барни заметил, что Карлос сдержал рвавшийся с языка язвительный ответ и ограничился молчаливым кивком.

Уже собравшись уходить, Санчес углядел новую печь.

– Что это? – делано изумился он. – Никак вторая печь?

– Мою старую пора менять, – сказал Карлос, вставая. – Спасибо, что зашли, Санчо.

Но Санчес не пошевелился.

– Мне твоя старая печь кажется вполне рабочей.

– Когда новая будет готова, старую тут же разберут. Я знаю правила не хуже вашего.

Прощайте.

– Странная она какая-то, – пробормотал Санчес, разглядывая печь.

Карлос перестал прятать раздражение.

– Я внес кое-какие улучшения в привычное устройство. Это не запрещено.

– Не горячись, сынок, мне просто любопытно.

– А я просто говорю – прощайте.

Санчеса несколько не задела откровенная грубость Карлоса. Он изучал новую печь не меньше минуты. Потом молча повернулся и ушел.

Двое телохранителей последовали за ним. Никто из них за все это время не издал ни звука.

Когда Санчес отошел настолько, что уже не мог услышать, тетушка Бетси сказала:

– С таким дурным человеком не стоит затевать вражду.

– Знаю, – ответил Карлос со вздохом.

2

Той ночью Эбрима возлег с бабкой Карлоса.

На мужской половине дома Карлос и Барни спали наверху, а Эбрима обычно ночевал на циновке на полу нижнего этажа. Но той ночью африканец пролежал, должно быть, с полчаса, дожидаясь, пока все заснут и в доме установится тишина; затем поднялся и осторожно пробрался на женскую половину. Скользнул в постель к Элисе, и они предались любви.

Да, Элиса была старой и уродливой белокожей женщиной, но в темноте ее уродство не бросалось в глаза, а ее тело было теплым и податливым. Эта старуха всегда была добра к Эбриме. Он несколько ее не любил, ничего подобного, однако ничуть не скупился, одаривая женщину тем, что ей требовалось.

Потом, когда Элиса задремала, Эбрима лежал без сна и вспоминал, как все случилось в первый раз.

Его привезли в Севилью на корабле работоторговцев и продали отцу Карлоса десять лет назад. Он тосковал по дому и семье, был одинок и близок к отчаянию. Как-то в воскресенье,

когда все домочадцы отправились в церковь, бабка Карлоса – Барни звал ее тетушкой Бетси, а Эбрима величал Элисой – наткнулась на него, плачущего в укромном уголке. К изумлению раба, она осушила его слезы поцелуями и прижала его голову к своей мягкой груди; истосковавшийся по простому человеческому участию, он тогда жадно накинута на нее.

Эбрима понимал, что Элиса его использует, что она в любое мгновение может разорвать эти отношения, – понимал, но сам отказаться не мог. Ведь она была единственным человеческим существом, раскрывавшим ему объятия. Она дарила ему утешение все десять лет пребывания на чужбине.

Когда Элиса захрапела, он поспешил вернуться на привычную циновку.

Каждую ночь, прежде чем заснуть, Эбрима грезил о воле. Воображал, как возвращается в собственный дом, к женщине, которая была его женой, а вокруг прыгают их дети. В своих видениях он обладал кошельком с деньгами, честно заработанными деньгами, и носил одежды, которые сам выбирал и за которые сам платил, а не хозяйские обноски. Из дома он уходил, когда вздумается, и приходил обратно, когда заблагорассудится, и никто, никто не порол его за опоздание. Всякий раз он засыпал с надеждой увидеть сон об этих чудесных временах, и порою надежда сбывалась.

Он проспал несколько часов и пробудился с восходом солнца. Наступило воскресенье. Позднее он пойдет в церковь вместе с Карлосом, а вечером завалится в таверну, которой владел африканский раб-вольноотпущенник, и станет играть на те небольшие деньги, какие сумел скопить. Но теперь нужно кое-что сделать. Эбрима оделся и вышел из дома.

Он миновал северные городские ворота и двинулся вверх по течению реки. Солнце начало припекать. Около часа спустя он достиг уединенного места, где уже бывал раньше; тут по обеим берегам к реке подступали деревья. Эбрима остановился, огляделся и принялся совершать обряд поклонения воде.

Здесь его ни разу не замечали, но если бы кто и увидел, то не заподозрил бы ничего дурного: со стороны выглядело так, будто он моется.

Эбрима не верил в распятого бога. Он притворялся, что верит, поскольку так было гораздо проще, и его, конечно, окрестили, когда привезли в Испанию, но на самом деле его вера была иной. Белые не догадывались, что духи везде и повсюду, что они во всем – в чайках, в западном ветре, в апельсиновых деревьях. Наиболее могущественным же среди духов был речной бог; Эбрима знал это наверняка, потому что вырос в селении, стоявшем на берегу реки. Разумеется, в Севилье река была другой, от потока, на котором он вырос, его отделяло неведомо сколько миль, однако и здешними водами повелевал тот же могучий дух.

Едва он вступил в реку, бормоча священные слова, на душу снизошло спокойствие, и он позволил воспоминаниям подняться на поверхность из глубин сознания. Он вспомнил своего отца, сильного мужчину с черными шрамами от ожогов на смуглой коже, оставленных каплями раскаленного металла; вспомнил мать, с обнаженной грудью половшую сорняки на грядках; вспомнил сестру, державшую на руках малыша, племянника Эбримы, которого ему не суждено увидеть взрослым... Никто из них никогда не слыхивал даже названия того города, где Эбрима ныне коротал свои дни, но все они чтили одних и тех же духов.

Речной бог утешил печали раба. А под конец обряда он наделил Эбриму прощальным даром – силой. Эбрима вышел из реки, позволяя коже обсохнуть, и увидел, что солнце уже поднялось высоко; теперь он знал, что сможет терпеть и далее, хотя бы недолго.

3

В воскресенье Барни отправился в церковь вместе с Карлосом, тетушкой Бетси и Эбриймой. Со стороны, подумалось ему, их компания, верно, смотрелась странновато. Карлос казался слишком молодым, чтобы быть главой семьи, несмотря на широкие плечи и густую

бороду. Тетушка словно замерла между юностью и старостью: седые волосы никак не сочетались с приятными глазу округлостями фигуры. Эбрима нарядился в поношенные одежды Карлоса, но шагал, выпятив подбородок, и выглядел одетым подобающе для посещения храма. Сам Барни мог похвалиться рыжей бородкой и золотисто-кариими глазами, отличительной чертой Уиллардов, а серьга в его ухе притягивала недоуменные взоры, в особенности взоры молодых женщин, – почему он эту серьгу и носил.

Севильский собор намного превосходил размерами собор в Кингсбридже, и это говорило о сказочных богатствах испанского духовенства. Вдоль главного нефа, невообразимо высокие своды которого терялись в полумраке над головой, тянулись боковые проходы, по два с каждой стороны, а от них отходили приделы, отчего возникало ощущение, что храм простирается в ширину на столько же, на сколько тянется ввысь. Пожалуй, внутри собора легко поместилась бы любая другая церковь города. Хорошая тысяча прихожан, столпившаяся у алтаря, выглядела немногочисленной горсткой; их голоса, присоединявшиеся к молитвам священников, таяли в обширном пустом пространстве под сводами. Сам алтарь поражал обилием золотой резьбы, которую еще не довели до конца, после семидесяти пяти лет работы.

Церковная служба позволяла очиститься от грехов – и предоставляла возможность провести время с пользой. Эти службы посещали все горожане без исключения, а прежде всего те, кого считали отцами города. В храме они могли без помех и затруднений переговорить с теми, с кем в иных обстоятельствах предпочли бы не встречаться. А девушка из почтенной семьи могла поболтать с холостым мужчиной, не запятнав свою честь недостойным поведением, – хотя, безусловно, родители таких девушек все равно пристально за ними следили.

Карлос облачился в новый камзол с меховым воротником. Он признался Барни, что намеревается сегодня потолковать с отцом Валентины Вильяверде, девушки, на которой хотел жениться. Он откладывал этот разговор целый год, понимая, что деловое сообщество Севильи наблюдает, справится ли он с управлением отцовской мастерской, но теперь решил, что прождал достаточно. Появление Санчо Санчеса означало, что люди оценили его усердие – и нашелся тот, кто готов отобрать у него мастерскую; возможно, не одного Санчеса снедает такое желание. В общем, сейчас подходящее время, чтобы сделать предложение Валентине. Если та согласится, он, Карлос, не просто получит девушку, которую любит всем сердцем, но и войдет, благодаря женитьбе, в число уважаемых горожан, что защитит его самого и мастерскую от хищников вроде Санчеса.

Семейство Вильяверде они встретили, едва миновав огромные западные ворота собора. Карлос низко поклонился, приветствуя Франсиско Вильяверде, затем с широкой улыбкой повернулся к Валентине. Барни отметил про себя, что у девушки бледная кожа и золотистые волосы; она смахивала скорее на англичанку, чем на испанку. Карлос, изливая Барни душу, поделился мечтой – построить после свадьбы для Валентины высокий дом, где будет прохладно в самую нестерпимую жару, с фонтанами и садом со множеством раскидистых деревьев; тогда, прибавил он, никакое солнце не опалит румянца на ее щеках.

Валентина лучезарно улыбнулась в ответ. Отец и старший брат, не говоря уже о матери, свирепо охраняли девушку, однако это нисколько не мешало ей высказывать удовольствие от встречи с Карлосом.

Барни решил, что пора позаботиться о себе. Он оглядел толпу, высматривая Педро Руиса и его дочь, Херониму; Руисы ходили в церковь вдвоем, ибо мать Херонимы скончалась. Юноша заметил отца с дочерью, протолкался к ним сквозь толпу прихожан и поклонился Педро, который никак не мог отдышаться после короткой прогулки от своего дома до собора. Педро слыл умным человеком и нередко заводил с Барни ученые беседы, например, расспрашивал, может ли такое быть, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот.

Барни, впрочем, интересовался не столько взглядами сеньора Руиса, сколько его дочерью.

Он улыбнулся Херониме во все тридцать два зуба. Лицо девушки будто озарила ответная улыбка.

– Вижу, мессу служит друг вашего отца, архидьякон Ромеро, – сказал Барни. Поговаривали, что этот церковник – особа, приближенная к королю Фелипе, и Барни знал, что он частенько посещает дом Руисов.

– Отец обожает спорить с ним о богословии, – проговорила Херонима, состроила гримаску и понизила голос: – Он преследует меня.

– Ромеро? – Барни настороженно покосился на Педро, но тот раскланивался с соседом и потому на мгновение оставил дочь без бдительной опеки. – Что-то я не пойму. Как именно он вас преследует?

– Говорит, что надеется на мою дружбу после того, как я выйду замуж. И касается моей шеи. У меня от него мурашки по коже.

Должно быть, архидьякон воспылал греховной страстью к Херониме, подумалось Барни. Что ж, его можно понять; разве сам Барни не испытывал схожие чувства? Разумеется, вслух ничего подобного юноша говорить не стал.

– Отвратительно! – воскликнул он. – Похотливый священник – это мерзко!

Тут его внимание привлекла фигура, поднимающаяся по ступеням пресвитерия, – в белом одеянии и черной накидке монаха-доминиканца. Значит, будет проповедь. Барни приоткрыл глаза. Монах, высокий и худой, с бледным лицом и густой копной волос, был ему незнаком. На вид монаху было около тридцати, обычно в таком возрасте проповедовать в соборах еще не разрешали. Юноша припомнил, что видел этого монаха и раньше, на службе, и подивился мимоходом, сколь истово тот возносит молитвы, будто обуянный религиозным экстазом, повторяя вслух латинские слова и обратив лицо к небесам. Он сильно отличался от большинства других священников, которые выглядели так, словно волочили тяжкое бремя.

– Кто это? – спросил Барни.

Ему ответил сеньор Педро, снова удостоивший благосклонности ухажера дочери.

– Это отец Алонсо, наш новый инквизитор.

К Барни подошли Карлос, Бетси и Эбрима, которым, похоже, тоже стало любопытно посмотреть на проповедника поближе.

Алонсо заговорил о лихорадке, сгубившей по зиме сотни горожан. Он уверял, что это кара Господня. Мол, жителям Севильи надлежит усвоить преподанный урок и очистить свою совесть. Пусть задумаются, какие ужасные грехи они совершили, раз Бог настолько разгневался и наслал на них такое наказание.

Ответ прост, продолжал инквизитор. Они приютили среди себя нечестивых язычников. Перечисляя кощунства и прегрешения еретиков, молодой проповедник распалялся на глазах. Слова «иудей», «мусульманин», «протестант» он произносил, будто выплевывая, как если бы сами эти слова были ядовитыми.

Но о ком он говорит? Барни немного знал историю Испании. В 1492 году Фердинанд и Изабелла – los reyes católicos, католические короли – потребовали от проживавших в стране иудеев либо безоговорочно обратиться в христианство, либо покинуть Испанию. Позднее перед столь же однозначным выбором поставили мусульман-мавров. Синагоги и мечети перестроили в христианские церкви. А что касается протестантов, лично Барни в Испании таких не встречал.

Словом, юноша счел было эту проповедь пустым сотрясением воздуха, однако тетюшка Бетси встревожилась.

– Это плохо, – сказала она негромко.

– Почему? – не понял Карлос. – В Севилье ведь нет еретиков.

– Если начинаешь охоту на ведьм, у тебя должны быть ведьмы на примете.

– Где он отыщет еретиков, если их попросту нет?

– Оглядишься. С него станется назвать мусульманином Эбриму.

– Но Эбрима же христианин! – возмутился Карлос.

– Скажут, что он тайком исповедует прежнюю веру. Это грех отступничества, куда более страшный, чем язычество.

Барни подумалось, что тетушка может быть права: черная кожа Эбримы наверняка заставляет монахов подозревать раба в чем угодно.

А Бетси продолжала:

– Педро Руис, – она кивнула в сторону сеньора Руиса и его дочери, – читает сочинения Эразма и спорит с архидьяконом Ромеро о богословских вопросах.

– Но ведь Педро и Эбрима ходят к мессе! – упорствовал Карлос.

– Алонсо скажет, что они предаются языческому разврату у себя дома, за плотно закрытыми ставнями и крепко запертыми дверями.

– Ему понадобятся свидетели.

– Зачем? Еретики сами сознаются.

Карлос озадаченно покачал головой.

– С какой стати?

– Ты признаешься в чем угодно, если тебя раздеть догола и связать так туго, что веревки начнут рвать кожу и отделять плоть от костей...

– Перестань! – Карлос вздрогнул. – Я понял, понял!

Интересно, спросил себя Барни, откуда Бетси известно о пытках, применяемых инквизицией?

Алонсо между тем призывал горожан, всех и каждого, присоединиться к новому крестовому походу против неверных, кои скрываются прямо среди них. Когда он завершил свою проповедь, началось причастие. Вглядываясь в лица прихожан, Барни думал, что эта проповедь многих заставила обеспокоиться. Все они были добрыми католиками, но желали спокойной жизни, а вовсе не крестового похода. Подобно тетушке Бетси, они чуяли неприятности впереди.

Когда служба закончилась и священники торжественно прошли по нефу, Карлос сказал Барни:

– Идем, потолкуем с Вильяверде. Мне не мешает дружеское плечо.

Барни не стал возражать. Карлос приблизился к Франсиско Вильяверде и поклонился.

– Уделите мне толику вашего времени, сеньор, дабы мы могли обсудить дело немалой важности.

По возрасту Франсиско Вильяверде приходился ровесником тетушке Бетси. Валентина была его дочерью от второй жены. Лощеный и самодовольный, он держался, в общем-то, достаточно дружелюбно.

– Конечно, – ответил Франсиско с вежливой улыбкой.

Барни заметил, как Валентина потупилась. Она явно догадывалась, о чем пойдет речь, а вот отец девушки, по-видимому, пребывал в неведении.

– Минул год, как умер мой отец, – произнес Карлос.

Барни ожидал услышать в ответ пожелание, чтобы душа усопшего упокоилась в мире, – таково было общепринятое правило поведения, когда в разговоре упоминали умерших родителей. К его изумлению, Франсиско промолчал.

– Теперь всякий видит, что моя мастерская разумно управляется и процветает, – продолжал Карлос.

– Вас можно поздравить, – признал Франсиско.

– Благодарю.

– К чему вы клоните, молодой Карлос?

– Мне двадцать два года, я здоров и обеспечен. Я готов жениться. Я буду любить свою жену и заботиться о ней.

– Не сомневаюсь. И?..

– Смиренно прошу принять меня в вашем доме, сеньор, и лыщу себя надеждой, что ваша прелестная дочь Валентина окажет мне честь стать моею избранницей.

Валентина зарделась. Ее брат, стоявший рядом, издал звук, который можно было принять за возмущенное фырканье.

Дружелюбие Франсиско Вильяверде мгновенно исчезло.

– Что за чушь? Даже не мечтайте!

Карлос опешил настолько, что на некоторое время утратил дар речи.

– Да как вы посмели? – негодуяше процедил Франсиско. – Чтобы моя дочь?..

– Но... – выдавил Карлос. – Могу я спросить, почему?

Барни задавал себе тот же вопрос. У Франсиско не было ни малейших оснований мнить себя выше Крусов. Он был парфюмером; возможно, это занятие считалось чуть более утонченным, нежели ремесло мастера по металлу, но все равно он, подобно Карлосу, производил товары и торговал ими. К знати его семейство не принадлежало.

Франсиско помедлил и нехотя ответил:

– Ваша кровь нечиста.

– Из-за моей бабки-англичанки? – неверяще проговорил Карлос. – Это же глупость!

– Последите за языком! – оцетинился брат Валентины.

– Я не потерплю, чтобы меня именовали глупцом, – горделиво бросил Франсиско.

Валентина кусала губы. Должно быть, она, как и Карлос, не ожидала от отца столь решительного отказа.

– Погодите, прошу вас! – воскликнул Карлос.

Но Франсиско не прислушался к мольбе.

– Разговор окончен. – Он отвернулся, взял Валентину под руку и повел дочь к западным вратам собора. Жена и сын последовали за ним. Идти следом смысла не было, и Барни твердо решил остановить Карлоса, если тот вздумает выставить себя на посмешище.

Карлос был уязвлен и зол. Обвинение в нечистоте крови выглядело смехотворно нелепым, но от того не переставало ранить. Под нечистой кровью в этой стране обычно подразумевали кровь иудейскую или мусульманскую, и Барни прежде не доводилось слышать, чтобы такое обвинение бросали в лицо тому, у кого в роду имелись предки-англичане. Впрочем, чваниться можно по любому поводу...

К мужчинам подошли Эбрима и Бетси. Тетушка сразу заметила настроение Карлоса и вопросительно поглядела на Барни.

– Ему отказали, – вполголоса пояснил юноша.

– Вот дьявол! – пробормотала Бетси.

Она сочувствовала Карлосу, но как будто несколько не удивилась; более того, Барни почудилось, что тетушка ожидала подобного исхода сватовства.

4

Эбрима сочувствовал Карлосу и хотел бы сделать что-нибудь, чтобы подбодрить своего хозяина. По возвращении домой он предложил опробовать новую печь. Мол, какая разница, когда начинать? Африканец полагал, что это занятие отвлечет Карлоса от размышлений о пережитом унижении. Да, христианам возбраняется трудиться по воскресеньям, но ведь это не работа, а так, пробная попытка.

Карлосу предложение понравилось. Он принялся растапливать печь, пока Эбрима запрягал вола в хитроумные постромки, а Барни смешивал железную руду с известняком.

С мехами пришлось повозиться, понадобилось слегка изменить конструкцию, которую приводил в движение вол. Тетушка Бетси, наблюдая за происходящим, сообразила, что ее надежды на чинный воскресный обед пошли прахом, и принесла мужчинам хлеб и подсоленную свинину. Солнце уже стало клониться к закату, когда все наконец удалось пересобирать заново. Когда пламя, раздуваемое двойными мехами, жарко запылало, Эбрима стал кидать в печь руду, смешанную с известняком.

Некоторое время словно ничего не происходило. Вол неумоимо бродил по кругу, мехи с тяжкими вздохами раздувались и опадали, от трубы исходило тепло, а мужчины терпеливо ждали.

Карлос слышал о таком способе получения железа от двоих чужаков – от француза из Нормандии и от валлона из Голландии; а Барни как-то услышал о подобном от англичанина из Сассекса. Все трое уверяли, что производство железа ускорится чуть ли не вдвое. Наверняка это было преувеличение, но все равно – ускорить работу выглядело куда как заманчиво. Чужаки рассказывали, что расплавленное железо должно вытекать из нижней части печи, и потому Карлос соорудил каменный желоб, по которому поток вливался бы в намеренно выкопанные в земле формовочные ямки. Но вот очертаниями печи никто из чужаков не поделился, так что все пришлось прикидывать самостоятельно.

Время шло, а железо все не вытекало. Эбрима начал беспокоиться и гадать, в чем же они ошиблись. Быть может, следовало сделать трубу повыше. Жар – самое главное. Быть может, следовало топить древесным углем, который горит жарче, нежели обычный. С другой стороны, такой уголь невероятно дорог в этих краях, где вся древесина идет на постройку королевского флота.

Наконец-то! Полумесяц жидкого железа вытек из отверстия внизу печи и побежал тонкой струйкой по каменному желобу. Струйка утолщалась на глазах, превращаясь в устойчивый поток. Мужчины развеселились, зашумели. Тетушка Бетси присоединилась к ним, чтобы посмотреть.

Жидкий металл, поначалу алый, быстро остывал и становился серым. Приглядываясь к нему, Эбрима подумал, что железо больше похоже на передельный чугун и потребуетсся снова его плавить, чтобы оно на что-то сгодилось. Ну да ладно, это не беда. Зато сверху виднелась тонкая пелена, напоминавшая расплавленное стекло; похоже, шлак, и нужно придумать, как от него избавиться.

Плавка и вправду оказалась быстрой. Походило на то, будто кто-то отвернул внутри печи незримый кран, – железо текло и текло. Знай себе подбрасывай в печь уголь, руду и известняк, а жидкое богатство словно само собой выливалось из отверстия внизу.

Мужчины принялись поздравлять друг друга. Бетси принесла вино. С полными кружками в руках они стояли и с восхищением смотрели, как железо затвердевает в земле. Карлос явно воодушевился и стал забывать о том, как с ним обошлись в соборе. Возможно, он обрадуется настолько, что даст Эбриме свободу...

Немного погодя Карлос произнес:

– Туши печь, Эбрима.

Африканец отставил кружку с вином.

– Сейчас, – коротко ответил он.

5

Новая печь Карлоса успешно выдержала испытание, но далеко не все были этому рады.

Печь трудилась от восхода до заката шесть дней в неделю, и Карлос продавал свой чугун в другую мастерскую, чтобы самому не заниматься переплавкой и очисткой, а Барни добывал по всему городу железную руду, которой теперь требовалось все больше и больше.

Королевский оружейник не скрывал удовлетворения. Он пребывал в постоянных поисках оружия для войн во Франции и Италии, для морских сражений с кораблями султана и для защиты от пиратов, нападавших на галеоны с американским золотом и серебром. Плавильни и мастерские Севильи не производили оружия в достаточном количестве, а корпорации возражали против всякого увеличения объемов производства, и потому оружейнику приходилось закупаться за рубежом, и американское серебро, исправно поступавшее в Испанию, быстро иссякало. Ускорение производства железа несказанно обрадовало вельможу.

Зато прочие севильские мастера недовольно ворчали. Они-то видели, что Карлос теперь зарабатывает вдвое больше их самих. Поэтому они искали возможность ему помешать. Санчо Санчес подал в корпорацию жалобу, которую должным порядком зарегистрировали. Было объявлено, что для рассмотрения этой жалобы соберется совет.

Барни тревожился, однако Карлос утверждал, что корпорация не посмеет пойти против королевского оружейника.

А потом их навестил отец Алонсо.

Они возились у печи, когда инквизитор вошел во двор, сопровождаемый свитой из молодых священников. Карлос, заметив гостей, оперся на лопату и воззрился на инквизитора. Он пытался притвориться спокойным, но Барни счел эту попытку неудачной. Тетушка Бетси вышла из дома и подбоченилась, словно готовясь затеять шумный спор.

Барни не мог себе вообразить причин, по каким Карлоса можно было бы объявить еретиком. С другой стороны, зачем еще пожаловал Алонсо?

Прежде чем заговорить, Алонсо оглядел двор, медленно поворачивая голову и поводя крючковатым носом, что смахивал на клюв хищной птицы. Ненадолго его взгляд задержался на Эбриме, а затем инквизитор спросил:

– Ваш чернокожий – мусульманин?

Эбрима не стал дожидаться, пока за него заступится хозяин.

– В деревне, где я родился, святой отец, никогда не слышали о Писании Христовом, да и имя мусульманского пророка ни разу не звучало. Меня растили в языческом невежестве, в коем пребывали все мои предки. Но на долгом жизненном пути Божья длань направляла меня, а здесь, в Севилье, мне поведали Господне откровение, и я стал христианином. Крестился в соборе и с тех пор не устаю благодарить Отца небесного за свое спасение каждый день.

Прозвучало убедительно, и Барни предположил, что Эбрима говорит это не в первый раз.

Алонсо, впрочем, не собирался так просто сдаваться.

– Тогда почему ты трудишься в воскресенье? Не потому ли, что у вас, мусульман, священный день – пятница?

– Никто из нас не трудится по воскресеньям, – возразил Карлос, – зато все работают с утра до вечера по пятницам.

– Видели, как ты разжигал свою печь в то самое воскресенье, когда я произнес первую проповедь в соборе!

Барни выругался себе под нос. Значит, за ними следили и донесли. Он окинул взглядом соседние дома; на двор Карлоса выходило немало соседских окон. Должно быть, обвинение выдвинул кто-то из соседей – завистливый мастер, не исключено, что Санчес.

– Мы не работали, – упорствовал Карлос. – Мы проверяли.

Даже Барни усомнился бы в таком оправдании.

– Видите ли, святой отец, – продолжал объяснять Карлос, в голосе которого сквозило отчаяние, – в этой печи воздух поступает снизу трубы...

– Я знаю все о твоей печи! – перебил Алонсо.

Тетушка Бетси не выдержала и вмешалась в разговор:

– И откуда же, скажите на милость, такие познания у священника? Верно, вы беседовали с соперниками моего внука, святой отец, и они ославили его перед вами.

Выражение лица Алонсо подсказало Барни, что тетушка права. Инквизитор предпочел не отвечать на вопрос, вместо того бросил новое обвинение:

– Старуха, ты родилась в Англии, среди протестантов!

– Вовсе нет! – твердо возразила Бетси. – Я родилась, когда на английском троне восседал добрый католик Генрих Седьмой. Его сын-протестант, Генрих Восьмой, еще мочил пеленки, когда моя семья покинула Англию и переехала сюда, в Севилью. Больше я своей родины не видала.

Алонсо повернулся к Барни, и юноша вдруг ощутил, что кровь стынет в жилах. Этот монах обладал властью мучить, пытать и убивать.

– Про тебя этого не скажешь, так? Ты родился протестантом и рос протестантом!

Испанским Барни владел не слишком хорошо – во всяком случае, для богословских споров, поэтому он постарался ответить как можно проще:

– Англия перестала быть протестантской, и я тоже. Общайте дом, святой отец. Вы не найдете ни запрещенных книг, ни еретических текстов, ни мусульманских подстилок для молитвы. Над моей кроватью висит распятие, а на стене – образ святого Юбера Льежского, покровителя металлостроителей. Святой Юбер...

– Я знаю, кто такой святой Юбер и чем он славен! – По всей видимости, Алонсо оскорбилось, что кто-то осмеливается наставлять его в богословских вопросах. Однако, подумалось Барни, инквизитор, очевидно, утратил былой пыл. На все его обвинения отыскиались разумные ответы. Ему оставалось лишь доказывать, что Крусы трудились по воскресеньям, нарушая церковный запрет, но доказать это было непросто; к тому же Карлос далеко не единственный в Севилье позволял себе отступать от этого установления. – Надеюсь, для вашей же пользы, что вы не солгали мне ни единым словом. Иначе всех вас ожидает участь Педро Руиса!

Алонсо повернулся, чтобы уйти, но Барни его остановил.

– А что случилось с Педро Руисом, святой отец? – спросил юноша, сразу подумав о Херониме.

Инквизитор криво усмехнулся.

– Его арестовали. В его доме я нашел перевод Ветхого Завета на испанский, что против закона, и еретическое сочинение «Наставления в христианской вере» Жана Кальвина, гнусного протестанта и вожака богомерзкого города Женева. Как полагается, все имущество Педро Руиса будет передано инквизиции.

Карлос как будто ничуть не удивился услышанному; выходит, подобное здесь было в порядке вещей. Но Барни слова Алонсо потрясли до глубины души.

– Все имущество?! – повторил он. – А на что прикажете жить его дочери?

– Пусть уповает на Божью милость, как и все мы, – ответил инквизитор и удалился в сопровождении свиты.

Карлос облегченно вздохнул.

– Мне жаль отца Херонимы, – сказал он. – А вот нам, сдается мне, просто повезло.

– Не спеши, внук, – предостерегла тетушка Бетси.

– О чем ты, бабушка?

– Ты не помнишь своего деда, моего мужа...

– Он умер, когда я был совсем маленьким.

– Да, пусть земля ему будет пухом. Он был мусульманином.

Мужчины, все трое, изумленно уставились на Бетси. Затем Карлос выдавил:

– Твой муж был мусульманином?

– Сперва – да.

– Мой дед, Хосе Алано Крус?..

– На самом деле его звали Юссеф аль-Халиль.

– Как ты могла выйти замуж за неверного?

– Когда мавров изгоняли из Испании, он решил не уезжать и принять христианство. Обратился к священникам и крестился, уже взрослым, прямо как Эбрима. Взял имя Хосе. А чтобы доказать истинность обращения, женился на христианке, то есть на мне. Тогда мне было тринадцать.

– Многие мусульмане женились на христианках? – уточнил Барни.

– Нет, что ты. Они обычно женились на своих, даже после обращения. Мой Хосе поступил не так, как поступало большинство.

Карлоса явно интересовала личная, так сказать, сторона.

– Ты знала, что раньше он был мусульманином?

– Сначала он от меня скрывал. Он переселился сюда из Мадрида, никому ничего не рассказывал. Но люди из Мадрида приезжали постоянно, и в конце концов приехал кто-то, кто знал его мусульманином. После того он уже не сильно скрывался, хотя мы, конечно, не кричали на каждом углу...

Барни не сдержал любопытства:

– Тетушка, вам было всего тринадцать? Вы любили мужа?

– Я преклонялась перед ним. Сама я красавицей не была, а он был такой красивый, такой обходительный... А еще пылкий, добрый и заботливый. Я словно попала на небеса.

Тетушка откровенничала, как если бы эта тайна давно ее тяготила.

– А когда дед умер... – начал Карлос.

– Я никак не могла утешиться. Он был для меня всем. О другом муже и подумать было невозможно. – Бетси пожала плечами. – Но следовало позаботиться о детях, потому я оказалась слишком занята, чтобы умереть от горя. А потом появился ты, Карлос, лишившийся матери, когда тебе и дня от роду не исполнилось.

Барни не мог отделаться от ощущения, что Бетси, пускай она вроде бы говорила откровенно, что-то все-таки скрывает. Допустим, она даже не думала о повторном замужестве, но вся ли это история?

Карлос между тем додумался до очевидного.

– Вот почему Франсиско Вильяверде не отдает за меня свою дочь?

– Верно. Твоя английская бабка его нисколько не тревожит. А вот дед-мусульманин – совсем другое дело. Нечистая кровь.

– Черт побери!

– Подумай хорошенько, внук. Алонсо тоже наверняка известно про Юссефа аль-Халиля. Нынешняя встреча – только начало. Он обязательно вернется, уж поверь.

6

Барни отправился к дому семейства Руис, узнать, что случилось с Херонимой.

Дверь открыла молодая женщина, по виду африканка-рабыня. Барни подумалось, что ее можно было счесть привлекательной, когда бы не глаза, покрасневшие от слез, и не печаль на лице.

– Я должен повидать Херониму, – сказал юноша громко.

Рабыня приложила палец к губам, упрямивая говорить тише, а затем поманила за собой в глубину дома.

Барни ожидал увидеть повара и нескольких служанок, занятых приготовлением обеда, но на кухне было пусто. Огонь в очаге не горел. Юноше припомнились слова инквизитора – мол, у еретиков обычно забирают все имущество; подумать только, как быстро все произошло! Челядь Руисов, судя по всему, уже распустили. А рабыню, должно быть, продадут, оттого она и плакала.

– Меня зовут Фара, – сказала африканка.

- Зачем ты привела меня сюда? – недоуменно справился Барни. – Где Херонима?
- Говорите тише, – попросила рабыня. – Херонима наверху, с архидьяконом Ромеро.
- Плевать! Я хочу поговорить с нею! – воскликнул Барни, делая шаг к двери.
- Молю вас, не надо! Всем будет хуже, если Ромеро вас увидит.
- С какой стати? Что во мне такого?
- Я приведу Херониму сюда. Скажу, что зашла соседка и хочет с нею повидаться.

Барни поразмыслил, утвердительно кивнул, и Фара ушла.

Юноша огляделся. Ни тебе ножей, ни посуды, ни кувшинов с тарелками. Вынесли все подчистую. Неужто инквизиция не гнушается торговать посудой еретиков?

Несколько минут спустя появилась Херонима. Девушка выглядела внезапно повзрослевшей, намного старше своих семнадцати лет. На прекрасном лице застыло выражение безразличия, глаза были сухими, но смуглая кожа словно посерела, а стройное тело сотрясилось, будто от сдерживаемых рыданий. Барни сразу понял, каких усилий ей стоит сохранять напускное спокойствие и не выдавать свое горе.

Юноша сделал было движение навстречу, желая обнять Херониму, однако та попятилась и вскинула ладонь, как бы прося остановиться.

Он беспомощно развел руками и спросил:

- Что происходит?
- Я осталась одна. Мой отец в тюрьме, а других родственников у меня нет.
- Как он?

– Не могу сказать. Узникам инквизиции не позволяют общаться – ни с родными, ни с кем-либо еще. А у него слабое здоровье, сами слышали, как он пыхтит даже после короткой прогулки. Говорят, они... – Херонима замолчала, но быстро справилась с собой; потупилась, перевела дыхание и продолжила: – Говорят, его станут пытаться водой.

Барни доводилось слышать об этой пытке. Жертве зажимали ноздри, чтобы та не могла дышать носом, насильно раскрывали рот и вливали в горло воду, кувшин за кувшином. Вода заполняла брюхо, терзая внутренности, и попадала в носоглотку отчего человек начинал задыхаться.

- Он же погибнет! – ужаснулся Барни.
- Они забрали все деньги и вещи.
- Что вы намерены делать?
- Архидьякон Ромеро предложил переселиться к нему в дом.

Барни ощутил себя сбитым с толку. События развивались слишком быстро. Ему на ум пришло сразу несколько вопросов:

- И в каком качестве?
- Мы как раз обсуждали это, когда вы пришли. Он хочет, чтобы я заботилась о его гардеробе, чинила, подшивала, отдавала стирать... – Похоже, разговор о повседневных хлопотах и обязанностях позволял девушке отвлечься от мрачных мыслей.

– Не надо, – попросил Барни. – Лучше идемте со мной.

Предложение было безрассудным, и Херонима это понимала.

– Куда? Я не могу жить в доме с тремя мужчинами. Я же не ваша бабушка.

– У меня есть дом в Англии.

Она покачала головой.

– Я ничего не знаю о вашей семье. Да и о вас самом, если уж на то пошло. И по-английски не говорю. – На мгновение на ее лице проступила душевная боль. – Если бы ничего этого не случилось, вы могли бы ухаживать за мной, попросить у отца моей руки, а я могла бы со временем выйти за вас замуж и научиться английскому языку. Не стану скрывать, я думала об этом, правда. Но убегать с вами в чужую страну я не стану, простите.

Барни мысленно отругал себя – Херонима младше, но куда рассудительнее, чем он сам.

– Э... А если Ромеро хочет сделать вас своей тайной любовницей?

Херонима взглянула ему в глаза, и в ее взоре Барни увидел решимость, которой никогда прежде не замечал. Ему вдруг вспомнились слова тетушки Бетси: «Херонима Руис блюдет свои интересы». Интересно, что конкретно тетушка имела в виду.

– И что с того? – холодно спросила Херонима.

Барни опешил от такой откровенности.

– Да как вы можете так говорить?!

– Я думала об этом последние сорок восемь часов. Выбора мне не оставили. Вы же знаете, что бывает с бездомными женщинами.

– Они вынуждены торговать собою.

Херонима и глазом не моргнула.

– Значит, выбор у меня невелик – бежать с вами в неведомое, идти на улицу или занять сомнительное положение в богатом доме развратного священника.

– А вам не приходило в голову, – осторожно поинтересовался Барни, – что Ромеро мог оговорить вашего отца, чтобы заставить вас переселиться к себе?

– Я уверена, что он так и сделал.

Барни снова мысленно укорил себя – он недооценивал сообразительность этой девушки.

– Я давно знаю, что Ромеро спит и видит сделать меня своей любовницей. Еще вчера я не желала себе наихудшей участи. А сегодня это лучший выбор, на который я могу надеяться.

– После всех его козней?

– Увы.

– И вы что, примете это, ляжете в его постель и все простите?

– Прощу? – В ее карих глазах вдруг словно вспыхнуло пламя, и взор будто плеснул взбурлившей кислотой. – Нет, прощать я не стану. Буду притворяться, но не прощу. Однажды он окажется в моей власти. Когда этот день наступит, я отомщу.

7

К запуску новой печи Эбрима приложил не меньше усилий, чем все остальные, и он тешил себя надеждой, что Карлос вознаградит его за труды, даровав свободу. Однако печь работала, день за днем, неделю за неделей, Карлос молчал, а надежда Эбримы слабела, ибо ему стало понятно, что подобная мысль вовсе не приходила Карлосу в голову. Перекладывая металлические чушки на повозку и располагая их таким образом, чтобы они не свалились наземь при движении, Эбрима размышлял, что ему делать дальше.

Раз Карлос не сообразил, какой награды ожидает его раб, и наверняка уже не сообразит, нужно, наверное, спросить у него прямо. Эбрима не любил унижаться и просить, ведь сама просьба будет означать, что он себе не хозяин и зависит от милостей других, – а это не так, тут Эбрима нисколько не сомневался.

Можно, конечно, попытаться действовать через Элису. Ей он нравится, она желает ему добра... Но вот согласится ли она помочь ему освободиться? Ведь тогда может случиться так, что ей снова захочется мужской ласки, а его уже не будет рядом?

Лучше всего, пожалуй, поговорить с нею, заручиться ее одобрением, прежде чем идти к Карлосу. По крайней мере, он хоть будет знать, чего от нее ждать.

Что ей сказать? И когда? После следующей ночи вместе? Или разумнее завести разговор еще до постели, воспользоваться тем, что ее сердце изнемогает от желания? Да, правильно. Эбрима кивнул сам себе – и в этот миг началось нападение.

Во двор ворвались шестеро мужчин, вооруженных дубинками и молотками. Не издав ни единого звука, они накинулись на Карлоса с Эбримой и принялись наносить удары.

– Перестаньте! – кричал Эбрима. – Зачем вы это делаете?

Нападавшие не отвечали. Эбрима вскинул руку, защищая лицо, и получил удар, от которого все тело пронзила боль. После второго удара, по голове, он рухнул на землю.

Его обидчик развернулся к Карлосу, который покамест уворачивался, мечась по двору. Эбрима беспомощно наблюдал, ожидая, пока пройдет головокружение. Карлос схватил лопату, зачерпнул ею толику расплавленного железа, вытекавшего из печи, и обдал нападавших жгучими каплями. Двое истошно завопили.

На мгновение Эбриме почудилось, что Карлос сумеет отбиться, несмотря на численное превосходство противника, но тут на него набросились еще двое. Карлос не успел замахнуться, и они повалили мастера на землю.

Дальше чужаки устремились к печи и стали разбивать кирпичи своими молотками с железными наконечниками. Это зрелище заставило Эбриму собрать силы и кое-как подняться. Он ринулся на нападавших с криком: «Нет! Не смейте!» Отпихнул одного, и тот отлетел в сторону, а другого оттащил за плечо от бесценной печи. Африканец действовал только правой рукой, поскольку левая сосем не слушалась, но он был силен. А потом ему пришлось отпрыгивать назад, чтобы не угодить под смертоносный замах молотка.

Преисполненный желания во что бы то ни стало спасти печь, он взялся за деревянную лопату и вновь рванулся к чужакам. Двинул одного по голове, а затем сам получил удар сзади. Этот удар угодил по правому плечу, и Эбрима выронил лопату. Он повернулся, чтобы взглянуть врагу в лицо, и уклонился от повторного удара.

Пятясь и прыгая из стороны в сторону, чтобы не попасть под замах увесистой дубинки, он заметил краем глаза, что печь разрушена. Ее содержимое вывалилось наружу, тлеющие угли и раскаленная руда усеяли двор. Перепуганный вол громко и жалобно замычал.

Из дома выбежала Элиса, напустилась на чужаков.

– Хватит! Убирайтесь отсюда! – кричала она.

Чужаки расхохотались. Что им угрозы старухи? Один из тех, кого Эбрима сбил с ног, поднялся, схватил Элису со спины и оторвал ее от земли. Она задрыгалась, но все шестеро чужаков были верзилами, так что этот наглец легко удерживал Элису над землей.

Двое пришлых сидели на Карлосе, третий цепко держал Элису, четвертый продолжал наступать на Эбриму. А двое оставшихся вновь застучали молотками. Они разбили вдребезги всю конструкцию с постройками, над которой столько возились Эбрима, Карлос и Барни. На глаза Эбримы навернулись слезы.

Когда с печью и с конструкцией было покончено, один из чужаков извлек из-под одежды длинный кинжал и попытался перерезать горло волу. Ему пришлось нелегко: шея животного оказалась мускулистой, он был вынужден буквально пилить своим кинжалом, а вол тоже не стоял спокойно в ожидании смерти, все норовил взбрыкнуть и вырваться. В конце концов чужак преуспел. Мычание внезапно прекратилось. Из раны фонтаном забила кровь, и вол обессиленно улегся на землю.

А потом столь же быстро, как появились, эти шестеро исчезли.

8

Вот уж не ожидал, что Херонима окажется расчетливой стервой, думал ошеломленный Барни, покидая дом Руисов. Должно быть, она всегда была такой, хладнокровной и себе на уме, а он этого не замечал; или же люди и вправду, как говорят, способны измениться, когда им выпадают тяжкие испытания. Как ни крути, какая разница? Так рассуждать, случиться может вообще что угодно – например, река может выйти из берегов и затопить город.

Ноги сами несли Барни к дому Карлоса. Добравшись до места, юноша столкнулся с новым потрясением – выяснилось, что Карлоса и Эбрима жестоко избили.

Карлос сидел на табурете посреди двора, а тетушка Бетси промывала и перевязывала его раны. Один глаз у него заплыл, губы раздулись и были все в крови, а сидел он не прямо, но согнувшись, будто у него болел живот. Эбрима лежал на земле, сунув руку под мышку другой; вокруг головы обвивалась окровавленная повязка.

За ними громоздилась куча мусора, еще недавно бывшая новой печью. Ее развалили полностью, превратили в груды битого кирпича. Конструкция с постромками выглядела клубком ремней и веревок. Мертвый вол неподвижно распростерся в луже крови. Господи, сколько же крови в этом животном, мимолетно подумалось Барни.

Бетси промокала Карлосу лицо куском тряпки, смоченным в вине. Вот она выпрямилась, швырнула тряпку наземь; в этом движении сквозило отвращение.

– Слушайте меня, – сказала она, и Барни догадался, что тетушка дожидалась его возвращения, чтобы поговорить со всеми своими мужчинами разом.

Он отважился ее перебить:

– Что тут произошло?

– Не задавай глупых вопросов, – прикрикнула тетушка. – Разве сам не видишь?

– Я хотел спросить, кто это сделал?

– Мы никого из них раньше не встречали. Они точно не из Севильи, уж поверьте. А если спросите, кто их нанял, я отвечу так – Санчо Санчес. Ему больше всех досадил Карлос своей печью, и он хотел купить мастерскую. Это он, я уверена, сказал Алонсо, что Эбрима – мусульманин и трудится по воскресеньям.

– Что же нам делать?

На вопрос Барни ответил Карлос, вставший с табурета:

– Сдаться.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы можем сражаться с Санчесом и сопротивляться Алонсо, но не обоим сразу. – Карлос добрал до продолжавшего лежать Эбримы, взял того за правую руку – левая рука африканца, похоже, изрядно пострадала – и помог встать. – Я продам мастерскую.

– Этого может оказаться недостаточно, особенно теперь, – предупредила тетушка.

Карлос недоуменно потряс головой.

– Почему?

– Санчес довольствуется мастерской, но Алонсо не успокоится. Ему нужна жертва. Он не может признать, что допустил ошибку. Раз он тебя обвинил, то будет добиваться наказания.

– Я только что говорил с Херонимой, – вставил Барни. – Она думает, что ее отца будут пытаться водой. Если кого угодно из нас подвергнуть пыткам, мы признаемся в любой ереси.

– Барни прав, – заметила тетушка.

– И как же быть? – горько спросил Карлос.

– Уехать из Севильи, – проговорила тетушка со вздохом. – Сегодня же.

Барни не ожидал такого, но мгновенно понял, что тетушка не преувеличивает. Люди Алонсо могут явиться за ними прямо сейчас; когда это случится, бежать будет поздно. Юноша покосился на арку, ведущую на улицу, наполовину ожидая увидеть в ней зловещие фигуры, но, по счастью, там никого не оказалось – пока не оказалось.

Возможно ли уехать из города прямо сегодня? Если найдется корабль, уходящий с дневным приливом, и если на этом корабле требуются матросы, то почему бы нет? Обстоятельства складываются так, что выбирать не приходится.

Барни посмотрел на солнце. Полдень миновал.

– Если мы и вправду намерены уехать, нужно торопиться, – сказал он.

Пускай им всем грозила немалая опасность, он не мог не обрадоваться скорому свиданию с морем.

Тут заговорил Эбрима, до сих пор молчавший:

– Если останемся, мы все погибнем. И первым убьют меня.

– Вы что скажете, тетушка? – справился Барни.

– Я уже не в том возрасте, чтобы отправляться в дальние края. К тому же я им не нужна, ведь я женщина.

– И что вы будете делать?

– Укроюсь у свояченицы в Кармоне. – Барни припомнил, что тетушка ездила туда на несколько недель каждое лето. – Уйду утром. Даже если Алонсо узнает, где я прячусь, вряд ли он станет преследовать меня.

Карлос принял решение:

– Барни, Эбрима! Забирайте из дома все, что сочтете нужным, и возвращайтесь сюда, досчитав до сотни, не позже.

Пожитков было немного. Барни прицепил к поясу кошель с деньгами и накинул сверху рубаху. Надел лучшие башмаки, прихватил плотную накидку. Меча у него не было – тяжелые и длинные клинки годились для поля боя, чтобы всаживать острие в уязвимые места в доспехах неприятеля, но в мирном городе такое оружие было ни к чему. Барни всунул в ножны двухфутовый испанский кинжал с округлой рукоятью и двусторонним стальным лезвием. В уличной сваре этакий кинжал куда смертоноснее меча.

На дворе Карлос, облаченный в свой новый камзол с меховым воротником, повесил на пояс меч и обнял бабушку, которая плакала, не стыдясь слез. Барни поцеловал тетушку в щеку.

Потом тетушка повернулась к Эбриме и сказала:

– Поцелуй меня снова, любимый.

Эбрима обнял ее.

Барни нахмурился.

– Эй... – протянул Карлос.

Тетушка жадно целовала Эбриму, ерошила его темные волосы, а Карлос и Барни озадаченно переглядывались, не зная, что сказать.

Наконец, разорвав поцелуй, тетушка произнесла:

– Я люблю тебя, Эбрима. Не хочу, чтобы ты уходил. Но я не могу допустить, чтобы ты остался и умер от пыток в камерах инквизиции.

– Благодарю за твою доброту, Элиса, – сказал Эбрима.

Они снова поцеловались, а потом Бетси отвернулась и в слезах убежала в дом.

Барни изнывал от любопытства, но молчал.

Карлос, изумленный не меньше, понимал, что сейчас не время для расспросов.

– Идем.

– погоди. – Барни показал своим спутникам кинжал. – Если нас перехватят по дороге люди Алонсо, я не хочу попасть им в руки живым.

– Я тоже, – ответил Карлос, кладя ладонь на рукоять меча.

Эбрима откинул полу плаща и показал молоток с железным наконечником, засунутый за пояс.

Втроем они вышли на улицу и двинулись к набережной.

Они ждали встречи с людьми Алонсо, но чем дальше отходили от дома, тем спокойнее становились. А встречные от них шарахались и глазели вслед. Должно быть, они выглядели устрашающе – особенно Карлос с Эбримой, в синяках и крови.

Некоторое время спустя Карлос спросил у раба:

– Ты и бабушка?..

– Рабов нередко используют для плотских утех, – ровным голосом отозвался Эбрима. – Ты же знаешь, верно?

– А я не знал, – удивился Барни.

– Мы говорим между собой, когда встречаемся на рынке. Почти каждый из нас вынужден тешить чью-то похоть. К старикам это не относится, но рабы редко доживают до старости. – Эбрима покосился на Барни. – Педро Руис, отец твоей девушки, пользуется Фару. Правда, ей приходится быть сверху.

– Вот почему она плакала? Из-за того, что рассталась с ним?

– Она плакала потому, что теперь ее продадут кому-то еще, кого тоже придется ублажать. – Эбрима повернулся к Карлосу. – А Франсиско Вильяверде, слишком гордый, чтобы стать твоим тестем, любит покупать маленьких мальчиков и пользоваться их, покуда они не выросли. А потом продает крестьянам.

Карлос явно не мог поверить услышанному.

– Значит, каждую ночь, пока я спал, ты ходил в бабушкину спальню?

– Не каждую. Я ходил к ней, когда она меня звала.

– Тебе нравилось? – не утерпел Барни.

– Элиса – пожилая, но она теплая и милая. И я радовался, что не должен отдаваться мужчине.

Барни вдруг показалось, что вплоть до сегодняшнего дня он оставался ребенком. Он знал, конечно, что священники вольны посадить человека в тюрьму и пытать его до смерти, но не подозревал, что они способны присвоить все его имущество и выставить на улицу всех домочадцев. Он не мог вообразить, что архидьякон способен приютить под своим кровом честную девушку и сделать ту своей наложницей. И понятия не имел о том, как мужчины и женщины поступают с рабами. Он словно жил до сих пор в доме, во многие помещения которого никогда не заходил, и делил этот дом с незнакомцами, которых никогда прежде не видел. Осознание собственного невежества пошатнуло его устои, лишило душевного равновесия. Вдобавок его жизни грозила опасность, и он пытался убежать из Севильи и покинуть Испанию.

Они вышли к реке. Как обычно, на узкой полоске берега было не протолкнуться от людей и повозок. Барни прикинул на глазок, что у пристани стоят десятка четыре судов. Как правило, моряки предпочитали отплывать с утренним приливом, ибо в таком случае впереди был весь день; но неизменно находились и те, кто снимался с якоря после обеда. Между тем прилив уже наступил, и если кто-то собирается в путь, он наверняка готовится к отплытию.

Мужчины спустились к воде и принялись высматривать признаки скорого отправления – задраенные люки, шкипера на палубе и матросов на такелаже. Судно под названием «Сьерво» уже выбирало канаты, а матросы длинными шестами отталкивались от корпусов других кораблей по обе стороны. Если постараться, еще можно было успеть.

Карлос сложил ладони лодочкой и крикнул:

– Эгей, на борту! Крепкие руки не нужны?

– Нет! – ответили ему. – Команда полная!

– А трех пассажиров возьмете? Мы заплатим!

– Места нет!

Барни подумалось, что шкипер «Сьерво», возможно, замышляет что-то не совсем законное и не хочет, чтобы на борту были люди, которых он не знает или которым не доверяет. В этих водах чаще всего промышляли перегрузкой американского серебра, чтобы избежать податей в королевскую казну в Севилье. Но попадались и самые настоящие пираты...

Троица двинулась вдоль берега, однако удача наотрез отказывалась им улыбаться. Никто другой к отплытию будто бы не готовился. Барни был близок к отчаянию. Что же им делать?

Они добрались до края гавани, где стояла крепость, носившая название Золотой Башни. Здесь при необходимости натягивали между берегами железную цепь, чтобы налетчики, пришедшие с моря, не могли напасть на корабли на якоре.

У стен крепости трудился вербовщик: взобравшись на бочку, он соблазнял молодых мужчин воинской службой. «Горячая еда! – обещал он. – Бутылка вина каждому, кто запишется

прямо сейчас!» Зеваки внимательно слушали. «Вон стоит корабль, который зовется «Хосе и Мария»²², двое великих святых присматривают за ним и оберегают всех, кто поднимается на его борт!» Вербовщик ткнул пальцем; Барни заметил, что у него железная рука, искусственная замена настоящей, потерянной, должно быть, в какой-то схватке.

Юноша посмотрел туда, куда указывал вербовщик, и увидел большой трехмачтовый галеон, чьи борта щетинились пушками, а палубу заполняли молодые мужчины.

– Мы отплываем сегодня! – продолжал искушать вербовщик. – Мы идем убивать коварных язычников. Девушки там красивы и податливы, друзья мои, и в том порукой моя шкура, ибо я сам их перепробовал.

Толпа отозвалась одобрителем гоготом.

– Нам не нужны слабые! – кричал вербовщик. – Нам ни к чему трусы! Нам не нужны парни, которые как девчонки, сами знаете, о ком я говорю! Нет, мы зовем храбрых, дерзких и крепких! Настоящих мужчин!

С палубы «Хосе и Марии» донесся клич:

– Все на борт!

– Последняя возможность, парни! – гаркнул вербовщик. – Выбирайте! Либо сидеть дома с мамами, лопать хлеб с молоком и делать, что вам велят. Либо плывите со мной, шкипом Гомесом по прозвищу Железная Рука! Я обещаю вам достойную жизнь, приключения и путешествия, славу и достаток! Просто поднимайтесь по трапу – и весь мир будет вашим!

Барни, Карлос и Эбрима молча переглянулись.

– Да или нет? – спросил Карлос.

– Да, – сказал Барни.

– Да, – сказал Эбрима.

Трое мужчин бросились к кораблю, взбежали по планкам и поднялись на борт.

9

Спустя два дня они вышли в открытое море.

Эбрима проплыл по морям много миль, но прежде он был пленником и сидел в цепях в трюме. Видеть море с палубы было для него в новинку, и от этого зрелища захватывало дух.

Рекруты маялись от безделья и обсуждали, куда их везут. Матросы на сей счет отмалчивались, ибо это была военная тайна.

А Эбриму интересовал еще один вопрос – его собственное будущее.

Едва они взошли на палубу «Хосе и Марии», их встретил офицер, восседавший за столом, на котором лежала книга для записей.

– Имя? – спросил он коротко.

– Барни Уиллард.

Офицер записал это в книге, затем посмотрела на Карлоса.

– Имя?

– Карлос Крус.

Офицер сделал запись, посмотрел на Эбриму – и отложил перо. Поглядел на Карлоса, потом на Барни, перевел взгляд обратно и сказал:

– В армии нет рабов. Это позволено только офицерам, но они должны кормить и одевать таких людей на собственные средства. Рекрутам такое не разрешается, сами понимаете.

Эбрима не сводил взгляда с лица Карлоса. Тот, очевидно, пребывал в затруднении: дорога к спасению, мнившаяся столь доступной, ускользала от него. Помешкав мгновение-другое, Карлос произнес те единственные слова, какие только мог произнести:

²² «Иосиф и Мария», в честь земных родителей Христа.

– Он не раб. Он свободный человек.

Офицер кивнул. Рабов освобождали редко, но нельзя утверждать, что это было вообще невозможно.

– Отлично, – сказал офицер, посмотрел на Эбриму и спросил: – Имя?

Все случилось очень и очень быстро; когда его записали в книгу, Эбрима так и не понял, радоваться ему или огорчаться. Барни не поздравил его с освобождением, Карлос же несколько не походил на человека, который облагодетельствовал ближнего своего. Да, с Эбримой теперь надлежало обращаться как со свободным, но была ли эта свобода настоящей?

Свободен он или нет?

Он не знал ответа.

Глава 5

1

Свадьба Марджери откладывалась.

После падения Кале все ждали французского вторжения в Англию, и от Барта Ширинга потребовали собрать и вооружить сотню человек и разместить их в гавани Кума. Со свадьбой следовало повременить.

Для Неда Уилларда эта заминка означала возрождение надежд.

По всей стране города наподобие Кингсбриджа поспешно чинили стены, а графы укрепляли собственные замки. На обращенные к морю стены укреплений вытаскивали старинные пушки, а местной знати недвусмысленно разъяснили, что от нее ждут исполнения долга и защиты населения от кровожадных французов.

Молва винила в происходящем королеву Марию Тюдор. Это все ее вина, говорили люди, потому что она вышла замуж за короля Испании. Если бы не дон Фелипе, Кале по-прежнему оставался бы английским, ибо Англии не пришлось бы воевать с Францией, и никому не понадобилось бы чинить стены и направлять пушки в сторону моря.

Нед тихо радовался. Пока Барт и Марджери не поженились, может случиться что угодно: скажем, Барт передумает, или его убьют в сражении, или он умрет от лихорадки, терзавшей страну...

Марджери – его женщина, это Нед знал наверняка. Конечно, на свете полным-полно пригожих девиц, но ни одна из них не сравнится с Марджери. Юноша, спроси его кто-нибудь, вряд ли ответил бы, почему он так в этом уверен. Он просто знал, что Марджери – это Марджери, такова истина, вечная и неизменная, как собор.

Ее помолвку он воспринимал как досадную помеху, вовсе не как крушение надежд.

Барт со своими людьми собирался отправиться из Кингсбриджа в Кум по реке в субботу накануне Страстной недели. Тем утром у воды собралась многолюдная толпа, чтобы проводить и подбодрить солдат. Нед присоединился к провожающим с иной целью – он хотел удостовериться, что Барт действительно уплыл.

Было прохладно, однако светило солнце, и набережная выглядела празднично. Ниже моста Мерфина виднелись лодки, большие и малые, стоявшие на приколе по обеим берегам реки и у острова Прокаженных. Дальний берег, где лежало селение Лаверсфилд, усеивали амбары и мастерские, словно пытавшиеся потеснить друг друга. От Кингсбриджа река становилась судоходной, и суда с небольшой осадкой доходили до самого побережья. Потому-то Кингсбридж долгое время был одним из главных торговых городов Англии, а потом сделался ярмаркой, куда народ стекался со всей Европы.

Крупное судно швартовалось к ближнему берегу, как раз когда Нед приблизился к Мясницкому причалу. Должно быть, на этой вот посудине Барт и его солдаты поплывут к Куму. Двадцать гребцов наваливались на весла, выгребая против течения, ветер наполнял единственный парус. Потом гребцы опустили весла, отдыхая, а другие люди на палубе взялись за шесты, подталкивая судно к пристани. Вниз по реке двигаться будет куда легче, даже с сотней солдат на борту.

Фицджеральды, разумеется, не могли не проводить человека, которому предстояло стать их зятем. Сэр Реджинальд и Ролло вышагивали по главной городской улице бок о бок, смахивая на старое и свежее издания некоей высокой, худой и весьма чванливой книги; Нед окинул обоих взором, исполненным ненависти и презрения. Марджери и леди Джейн шли следом

за мужчинами – одна маленькая и чрезвычайно привлекательная, другая тоже маленькая, но отталкивающего вида.

Нед не сомневался, что для Ролло родная сестра – не более чем средство добиться власти и известности. Многие мужчины разделяли подобное отношение к собственным родственникам, но для Неда оно было прямым отрицанием любви. Если Ролло и испытывал к сестре какие-либо чувства, те мало чем отличались от его чувств к лошадям: животное могло ему нравиться, но он продал бы его не задумываясь, если бы понадобилось.

Сэр Реджинальд был ничем не лучше сына. Нед подозревал, что леди Джейн, возможно, не столь жестока, однако она всегда ставила интересы семьи выше простого человеческого счастья, из чего следовало, что и ей свойственна жестокость, присущая мужской половине Фицджеральдов.

Нед смотрел, как Марджери подходит к Барту Ширингу. Тот напыжился, как бы показывая всем, что именно ему досталась в невесты первая красавица Кингсбриджа.

Юноша присмотрелся к Марджери. Поневоле возникало ощущение, будто какая-то другая девушка, не она, облачилась в алую накидку из кингсбриджского шелка и надела шляпку с пером. Марджери стояла прямо и неподвижно, разговаривая с Бартом, и ее лицо было застывшим, как лицо статуи. Все в ней говорило о решимости, но жизнь словно улетучилась из нее, заодно с прежней проказливостью.

Неужто человек и вправду способен измениться так быстро? Нет, тот проказливый бесенок где-то до сих пор прячется, где-то глубоко внутри...

Нед знал, что Марджери страдает, и оттого печалился и злился. Ему отчаянно хотелось схватить ее в объятия и увезти прочь, далеко-далеко. По ночам он предавался грезам: вот они вдвоем ускользают из Кингсбриджа на рассвете и скрываются в лесах, а потом идут в Винчестер и женятся под вымышленными именами – или добираются до Лондона и открывают собственное дело; или даже пробираются в гавань Кума и садятся на корабль до Севильи. Но ему Марджери не спасти, если она сама не захочет спастись.

Гребцы высыпали на берег и отправились напрямик в ближайшую таверну, чтобы промочить пересохшее горло. Следом на берег сошел человек, которого Нед сразу узнал – и на которого воззрился в изумлении. По виду этого молодого человека в грубом плаще и с потрепанном кожаным мешком в руках с первого взгляда становилось понятно, что он проделал долгий и утомительный путь. И это был кузен Неда, Альбан из Кале.

Альбан был ровесником Неда, и, пока Нед гостил у дядюшки Дика, двое юношей успели сдружиться.

Нед поспешил навстречу кузену.

– Альбан, это ты? Ты откуда?

Кузен откликнулся по-французски:

– Нед! Наконец-то! Я уж думал, что не доплыву!

– Что стряслось в Кале? Здесь никто ничего толком не знает, хотя уже столько времени прошло.

– Я привез дурные вести, – сказал Альбан. – Мои родители и сестра погибли, все добро потеряно. Французская корона присвоила наше имущество и передала его своим купцам.

– Мы этого опасались. – Уилларды очень долго боялись услышать подобные новости. Конечно, Нед расстроился. Больше всего ему было жаль мать, в одночасье лишившуюся дела, на которое положила жизнь. Однако Альбан понес утрату намного горше. – Соболезную насчет твоих родителей и Терезы.

– Спасибо.

– Пойдем к нам. Матушка непременно захочет тебя повидать. – Встреча обещала стать грустной, но избегать ее не следовало.

Юноши двинулись вверх по главной улице.

– Я ухитрился сбежать, – прибавил Альбан. – Но денег не было ни гроша, да и с началом войны никто больше не берется возить путников из Франции в Англию. Вот почему новости до вас не доходят.

– Так как же ты очутился здесь?

– Перво-наперво требовалось покинуть Францию. Я перебрался в Голландию. Денег на дорогу до Англии у меня не прибавилось, так что я решил заглянуть к родичам в Антверпен.

Нед кивнул.

– А, ты про Яна Фольмана, двоюродного брата моего отца? – Ян бывал в Кале, когда Нед гостил у дядюшки Дика.

– Ну да. Словом, я отправился в Антверпен.

– Это же больше сотни миль!

– Ты мне будешь рассказывать! Я все ноги оттоптал, пока дошел. Много раз сворачивал не туда, оголодал до полусмерти, но в конце концов добрался.

– Молодец! Дядя Ян тебя приютил и помог, верно?

– Они замечательные. Ян накормил меня мясом и напоил вином, а тетушка Хенни перевязала мои стертые ноги. Ян оплатил мой проезд из Антверпена до Кума, еще купил мне пару новых башмаков и дал денег в дорогу.

– Что ж, теперь все позади. – Они подошли к дверям дома Уиллардов, и Нед провел Альбана в рабочую комнату матери. Элис сидела за столом у окна и что-то писала. В очаге пылал огонь, однако женщина куталась в накидку с меховым подбоем. Она любила повторять, что писать в учетной книге – муторное дело, от которого стынет кровь в жилах.

– Мама, смотри! Это Альбан, он приплыл из Кале.

Элис отложила перо.

– Добро пожаловать, Альбан. – Она повернулась к сыну. – Принести своему кузену что-нибудь поесть и промочить горло.

Нед послушно сходил на кухню и попросил экономку Джанет Файф принести вино и закуски.

А в комнате Альбан между тем излагал Элис свою печальную историю. Он говорил по-французски, и Неду пришлось переводить те слова и фразы, которых матушка не понимала.

От рассказа кузена хотелось плакать. Дородная фигура матери словно усохла и съежилась на стуле от дурных вестей: Дик погиб вместе с женой и дочерью, склад со всеми запасами отошел французским купцам, а в доме Дика поселились какие-то чужие люди.

– Бедняга, – проговорила Элис негромко. – Бедняга Дик.

– Что нам делать, мама? – тихо спросил Нед.

Элис выпрямилась и постаралась отрешиться от грустных мыслей.

– Мы еще не разорились, если ты об этом. Есть наш дом, есть четыре сотни фунтов. И мне принадлежат шесть зданий у церкви Святого Марка. – Эти дома она унаследовала от своего отца, сдавала их внаем, и они приносили небольшой, но устойчивый доход. – В общем, средств у нас столько, сколько другим и не снилось. – Тут ей, похоже, пришла в голову мысль, заставившая беспокоиться. – Хотя сейчас я начинаю жалеть, что одолжила те четыреста фунтов сэру Реджинальду Фицджеральду.

– Не страшно, – отмахнулся Нед. – Если он не расплатится вовремя, мы получим аббатство.

– Кстати! – Элис нахмурилась. – Альбан, ты слышал что-нибудь об английском судне под названием «Святая Маргарита»?

– Да, слышал. Оно зашло в Кале для починки за сутки до нападения французов.

– И что с ним случилось?

– Досталось французской короне, как и прочая английская собственность в Кале, которую объявили военными трофеями. В трюмах нашли полным-полно мехов. Их продали на торгах прямо с палубы, больше чем за пять сотен фунтов.

Нед и Элис переглянулись. Эта новость была еще хуже предыдущих.

– Значит, Реджинальд потерял свои вложения, – сказала Элис. – Бог милостивый, боюсь, он этого не переживет.

– И теперь должен отдать аббатство, – заметил Нед.

– Будут неприятности, – угрюмо предрекла Элис.

– Знаю, – согласился Нед. – Зато у нас появится новое дело. – Он вдруг усмехнулся. – Сможем начать все сначала.

Элис, никогда не забывавшая о радушии, повернулась к Альбану.

– Можешь умыться и переодеться с дороги. Джанет принесет тебе все необходимое. А потом будем обедать.

– Спасибо, тетушка Элис, – откликнулся Альбан.

– Это я должна тебя благодарить, ведь ты проделал долгий и опасный путь и привез новости, сколь бы ужасными они ни были.

По лицу матери Нед видел, что Элис потрясена доставленными известиями, пускай она уже давно ожидала чего-то подобного. Надо попробовать хоть как-то ее ободрить.

– Может, сходим, осмотрим аббатство? – предложил он. – Прикинем, как можно использовать это место?

Элис помолчала, потом заставила себя собраться с мыслями.

– В самом деле! – сказала она. – Теперь это наша забота.

Она встала. Вдвоем с сыном они вышли из дома и пересекли рыночную площадь, направляясь к южной стороне собора.

Эдмунд, отец Неда, был мэром Кингсбриджа, когда король Генрих Восьмой принялся разорять монастыри. Элис рассказывала сыну, что Эдмунд и приор Павел – последний, как выяснилось потом, приор Кингсбриджа – судили и рядили, что им делать, и решили попытаться спасти школу. Они вывели школу из-под управления приора, выделили ей средства и объявили самостоятельной. Две сотни лет назад нечто похожее проделали с госпиталем Керис, и Эдмунд воспользовался тем случаем как образцом. Вот почему в городе по-прежнему имелись собственная школа и собственная лечебница.

Остальная часть аббатства лежала в развалинах.

Ворота были заперты, но стены вокруг осыпались, и не составило труда проникнуть внутрь через старую кухню, где пришлось перелезть через груды мусора.

Этим ходом пользовались и другие: Нед заметил свежее кострище и пепел, несколько обсосанных мясных косточек и полусгнивший бурдюк из-под вина; кто-то явно коротал тут ночь – быть может, предаваясь прелюбодеянию. Пахло сыростью и запустением, повсюду виднелись горки птичьего и мышиного помета.

– А монахи чистоту блюли, – проговорила Элис, с грустью оглядывая помещение. – Что ж, ничто не вечно, все меняется.

Несмотря на царившую вокруг разруху, Нед испытывал нечто вроде предвкушения. Все эти развалины отныне принадлежали его семье. Наверняка с ними можно сделать что-то, от чего будет польза и достаток. Сколь же благоразумно поступила матушка – как раз тогда, когда им нужно спасать свое дело!

Они кое-как добрались до галереи и встали посреди заброшенного и заросшего садика, близ разрушенного фонтана, в котором прежде монахи мыли руки. Нед осмотрелся. Колонны и своды, арки и ограды – все выглядело целым, вопреки десятилетиям без пригляда. Кингсбриджские каменщики не зря славились своим умением строить.

– Начнем отсюда, – решила Элис. – Прорубим западную стену, чтобы люди могли видеть это место с рыночной площади. Разместим в галерее лавки, по одной в каждом проеме.

– Всего получится двадцать четыре, – споросчитал Нед. – Точнее, двадцать три. Вместо последней будет вход.

– Люди будут заходить во двор и выбирать, куда пойти.

Нед увидел эту картину словно наяву, такой, какой она, без сомнения, рисовалась его матери: прилавки с цветастыми тканями, свежими плодами и овощами, башмаками и ремнями, сыром и вином; продавцы расхваливают свои товары, соблазняют покупателей, принимают деньги и отдают покупки; горожане в своих лучших нарядах хватаются за кошельки, смотрят, трогают, нюхают, одновременно сплетничая с соседями... Неду нравилось бывать на рынках, ибо они приносили процветание.

– Думаю, на первых порах мы этим и ограничимся, – продолжала Элис. – Расчистим мусор, а продавцы пусть сами тащат сюда свои прилавки и все, что им нужно. Когда рынок откроется и начнет приносить доход, прикинем, стоит ли восстанавливать обвалившиеся стены, подновлять крышу и мостить двор.

Внезапно Нед ощутил, что за ними наблюдают. Он резко обернулся. Южные ворота собора были распахнуты настежь. В проходе стоял епископ Джулиус – руки, точно когти, вцепились в костлявые бедра, свирепый взор устремлен на аббатство. Юноша вдруг почувствовал себя виноватым, хоть и без всякой причины; он и раньше замечал, что священники умеют обвинять взглядом.

Элис углядела епископа мгновение спустя и удивлено хмыкнула, а потом проворчала:

– Сдается мне, придется поскандалить.

– Эй, вы! – крикнул епископ. – Что вы там делаете?

– Добрый день, епископ Джулиус, – сказала Элис, приближаясь к церковнику. Нед следовал за матерью. – Я осматривала свою собственность.

– О чем ты говоришь, женщина?

– Аббатство перешло в мое владение.

– С какой стати? Им же владеет сэр Реджинальд! – Мясистое лицо епископа выражало высокомерное презрение, однако Нед различал под этой спесью беспокойство.

– Реджинальд внес аббатство как залог за долг передо мною. Этот долг он не сможет вернуть. Он купил груз судна под названием «Святая Маргарита», а французский король захватит это судно, так что Реджинальд уже не вернет свои деньги. Значит, аббатство теперь мое. Уверяю вас, епископ, я бы хотела хороших отношений, как подобает добрым соседям, и готова обсудить с вами свои наметки...

– Погоди, погоди. Ты не можешь просто так взять и забрать...

– Могу и заберу. Кингсбридж – торговый город, здесь привыкли уважать сделки. Поэтому то мы и разбогатели. И церковь тоже, кстати.

– Реджинальд клялся вернуть аббатство церкви! Эти здания по праву принадлежат нам!

– Выходит, сэр Реджинальд нарушил клятву, когда назначил аббатство залогом для ссуды. Знаете, лично я буду счастлива уступить аббатство вам, если вы этого желаете.

Нед затаил дыхание. Он понимал, что на самом деле матушка вовсе не хочет этого делать.

– Заплатите мне столько, сколько должен Реджинальд, и аббатство ваше. Четыреста двадцать четыре фунта.

– Четыреста двадцать четыре фунта?! – недоверчиво переспросил Джулиус. Голос у епископа был таким, словно в этих цифрах вдруг обнаружилось нечто странное.

– Верно.

Аббатство стоит гораздо больше, подумалось Неду. Если у Джулиуса есть хоть капля здравого смысла, он ухватится за предложение обеими руками. Хотя, возможно, епископ не располагает такой суммой.

– Ерунда! – спесиво бросил епископ. – Реджинальд обещал продать аббатство ровно за столько, за сколько его купил – за восемьдесят фунтов!

– Это будет благочестивый дар, а не сделка.

– Задумайся о благочестии, дочь моя.

– Думаю, привычка Реджинальда продавать вещи дешевле их стоимости виной тому, что ныне он стеснен в средствах.

Епископ, похоже, решил зайти с другого бока.

– Как ты намерена поступить с этими развалинами?

– Размышляю, – ответила Элис. – Давайте сделаем так: я подумаю, потом приду к вам, и мы вместе обсудим.

Нед сообразил, что матушка не хочет давать епископу повод возмутиться ее планами, которые еще не обрели окончательный вид.

– Что бы ты ни надумала, я остановлю тебя!

Нет уж, ваша милость, этого не будет, подумал Нед. Все олдермены в городском совете хорошо знали, насколько насущна потребность в месте, где горожане могли бы продавать свои изделия. Многие из них и сами зарились на аббатство, а потому наверняка первыми поспешат выкупить участки на новом рынке.

– Я надеюсь, что мы сумеем договориться, – примирительно сказала Элис.

Джулиус гневно топнул ногой.

– Я отлучу тебя за непослушание!

Элис несколько не утратилась этой угрозы.

– Что ж, церковь пыталась вернуть себе монастырское имущество, но парламент этого не допустил.

– Богохульница!

– Монахи раздобрели, сделались ленивыми и развратными, люди перестали их уважать. Вот почему король Генрих не встретил сопротивления, когда разорял монастыри.

– Генрих был дурным человеком!

– Епископ, я хочу быть вашим другом и союзником, поверьте. Но не стану обделять ради этого себя и свою семью. Аббатство отныне мое.

– Чушь! – воскликнул Джулиус. – Оно принадлежит Господу!

2

Ролло купил выпить всем солдатам Барта Ширинга, прежде чем те поднялись на борт судна, которое отправлялось в гавань Кума. Для него это было весьма накладно, однако он стремился наладить хорошие отношения с женихом сестры. Он не хотел, чтобы бракосочетание сорвалось. Эта свадьба изменит к лучшему судьбу семейства Фицджеральдов. Марджери станет графиней, а если родит сына, тот со временем вырастет и делается графом. И Фицджеральды сделаются наконец знатным родом.

Впрочем, до этого мгновения было еще далеко, ведь помолвка – не венчание. Непокорная Марджери вполне способна отчебучить что-нибудь этакое, особенно если ее будет науськивать паршивец Нед Уиллард. Или же ее плохо скрываемое нежелание отвратит, отпугнет Барта Ширинга, заставит того разорвать помолвку в приступе уязвленной гордости. Потому Ролло щедро тратил деньги, которые были отнюдь не лишними, пользуясь возможностью закрепить дружбу с Бартом.

Да, приходилось непросто. Как говорится, братство через брак нужно подкармливать лестью и подпавать похвалой. Но Ролло был уверен, что справится.

– Мой благородный брат! – воскликнул он, поднимая кружку. – Да укрепит Господь в Своей милости твою могучую длань и поможет тебе дать отпор гнусным французишкам!

Эти слова всем пришлись по нраву. Солдаты одобрительно загомонили и припали к кружкам.

Прозвонил колокольчик, давая сигнал к сбору. Солдаты поспешно допили вино и отправились грузиться на судно. Фицджеральды махали им с набережной. Когда судно скрылось из виду, Марджери с родителями двинулась домой, но Ролло предпочел вернуться в таверну.

Там он приметил одинокого мужчину, который не веселился вместе со всеми, а тихонько сидел в углу и пребывал, похоже, в унынии. По копне черных волос и пухлым губам Ролло узнал Донала Глостера. Ему стало любопытно: Донал был слабаком, а слабаки порой оказываются полезными.

Ролло купил две кружки пива и присел рядом с Доналом. Их разделяло слишком многое, от рождения до воспитания, чтобы они могли стать близкими друзьями, зато они были ровесниками и вместе посещали грамматическую школу.

Подняв кружку, Ролло весомо произнес:

– Смерть французам!

– Они не будут вторгаться, – проворчал Донал, но от выпивки не отказался.

– С чего ты взял?

– Король Франции не в состоянии себе такого позволить. Они могут сколько угодно болтать о вторжении и даже устраивать набеги на побережье, но на полноценный флот, способный пересечь пролив, нужны деньги, которых у них нет.

Ролло подумалось, что Донал, должно быть, знает, о чем говорит. Его наниматель, Филберт Кобли, лучше всех прочих жителей Кингсбриджа был осведомлен о стоимости кораблей; а поскольку вел торговлю с чужестранцами, то разбирался, не исключено, в запасах французской казны.

– Значит, можно не тревожиться? – спросил Ролло.

Донал фыркнул.

– Приятель, ты смахиваешь на того, кто принес дурные вести, – сказал ему Ролло.

– Правда?

– Прости, если лезу не в свое дело, но...

– Ты все рано узнаешь. Все узнают. Я посватался к Рут Кобли, но она мне отказала.

Ролло изумился. Весь город думал, что Донал женится на Рут. Если уж на то пошло, было общим правилом, чтобы подмастерье женился на дочери своего хозяина.

– Разве ты не нравишься ее отцу?

– Я бы стал для него хорошим зятем, ведь дело мне по душе и я в нем разбираюсь. Но для Филберта во мне мало веры.

– А-а... – протянул Ролло. Ему вспомнилась пьеса в Новом замке. Донал тогда очевидно наслаждался представлением и совсем не хотел уходить вместе с Кобли, которые публично возмущались кошунством актеров. – погоди, ты же сказал, что тебе отказала Рут.

Самому Ролло казалось, что девчонки должны быть без ума от Донала, с его-то волнистыми темными кудрями.

– Она сказала, что я для нее как брат.

Ролло пожал плечами. Глупость какая-то, честное слово.

Донал с вызовом поглядел на него.

– Я знаю, тебя не слишком интересуют девушки...

– И мальчики тоже, если ты к этому клонишь.

– Было дело, признаю.

– Забудь. – Ролло искренне не понимал, почему все буквально сходят с ума по плотским радостям. Самоудовлетворение доставляло ему некое удовольствие, схожее, ну, с поеданием меда, но сама мысль о соитии с женщиной – или с мужчиной – вызывала брезгливое отвраще-

ние. Он бы согласился на целибат, а существуй до сих пор монастыри, подался бы, пожалуй, в монахи.

– Повезло тебе, – продолжал плакаться Донал. – Как вспомню, сколько я пытался стать для нее подходящим мужем – притворялся, что мне не по душе ни выпивка, ни танцы, ни пьесы, ходил на их треклятые службы, беседовал с ее мамашей...

Ролло ощутил, как по спине пополз холодок. Значит, Донал посещал «треклятые службы» протестантов? Кобли относились к той чрезвычайно опасной публике, которая считала, что вправе иметь собственное мнение о вере, но прежде никому не удавалось найти доказательства того, что они творят свои святотатства прямо тут, в Кингсбридже.

Юноша постарался скрыть охватившее его возбуждение.

– Должно быть, на этих службах тебе было совсем тоскливо, – сказал он, как бы проявляя сочувствие.

Донал мгновенно спохватился.

– Какие службы? Я хотел сказать – собрания. Служб они не проводят, это ведь ересь.

– Понятно, понятно, – поспешил его успокоить Ролло. – Но закон не запрещает людям молиться вместе, читать Библию и распевать гимны.

Донал поднес было кружку к губам, но потом снова поставил на стол.

– Что-то я разболтался, – пробормотал он, и в его взгляде промелькнул страх. – Наверное, слишком много выпил. – Он с усилием поднялся. – Мне пора домой.

– Не уходи, – попросил Ролло, которому не терпелось вызнать подробности о собраниях Филберта Кобли. – Допей хотя бы.

Но Донал явно перепугался.

– Нет, мне надо поспать. Спасибо за угощение.

С этими словами он побрел к выходу.

Ролло задумчиво пригубил свое пиво. Этих Кобли и их дружков давно подозревали в том, что они тайно устраивают протестантские моления, но они вели себя крайне осторожно и до сегодняшнего дня не давали повода для обвинений в неподобающем поведении. Покуда держали свои греховные мысли при себе, они не совершали никакого преступления. Однако собираться для протестантских молитв – совсем другое дело. Это и грех, и преступление, наказание за которое – сожжение заживо.

Что ж, пьяный и оскорбленный в лучших чувствах Донал и вправду выболтал то, о чем бы следовало молчать.

Жаль, что не удалось узнать побольше. Завтра Донал, конечно, будет все отрицать и жаловаться на чрезмерное количество выпитого. Так или иначе, эти сведения могут пригодиться.

Надо, пожалуй, поделиться с отцом. Ролло допил пиво и покинул таверну.

Домой он пришел одновременно с епископом Джулиусом, который, похоже, явился к отцу.

– Мы хорошо проводили наших солдат! – весело сообщил юноша епископу.

– Вот и славно, – пробурчал Джулиус, поглощенный своими мыслями. – Мне нужно поговорить с сэром Реджинальдом.

Епископ как будто злился, но его раздражение, судя по всему, вызвали не Фицджеральды, а кто-то другой.

Ролло провел Джулиуса в большую залу.

– Сейчас позову отца. А вы пока присядьте к огню.

Джулиус отмахнулся и принялся в нетерпении расхаживать взад и вперед по зале.

Сэр Реджинальд наслаждался сном. Ролло разбудил отца и поведал, что епископ ожидает внизу.

Реджинальд со стоном поднялся с кровати.

– Налей ему вина, пока я одеваюсь, – попросил он сына.

Несколько минут спустя все трое расселись на стульях в зале, и Джулиус не стал ходить вокруг да около.

– Элис Уиллард получила новости из Кале. «Святая Маргарита» досталась французам, ее груз продали с торгов.

Ролло охватило отчаяние.

– Так и знал, – тихо сказал он. Для отца это была последняя попытка поправить семейные дела. Он поставил на кон все – и проиграл. Что теперь прикажете делать?

– Какого дьявола этот корабль вообще занесло в Кале?! – воскликнул сэр Реджинальд, пытаясь скрыть растерянность за гневом.

– Джонас Бэкон говорил, что шкипер собирался зайти в порт на какой-то мелкий ремонт, – объяснил Ролло. – Отсюда и задержка.

– Но Бэкон не говорил, что этим портом будет Кале.

– Нет.

Веснушчатое лицо Реджинальда исказила ярость.

– Он знал, подлец, знал! И Филберт, паскуда, тоже знал, когда продавал нам этот груз!

– Ты прав, отец! – согласился Ролло, которого тоже переполняла ярость. – Этот лживый протестантский выродок все знал! Нас ограбили!

– Как вы намерены вернуть свои деньги, уплаченные Филберту? – спросил епископ.

– Никак, – горько откликнулся Реджинальд. – В городишках вроде нашего никому не разрешают разрывать договоры, даже если случается что-то из ряда вон. Договор священен.

Ролло, изучавший законоведение, знал, что отец не преувеличивает.

– Четвертной суд подтвердит, что деньги были уплачены правомерно.

– Вы потеряли деньги, – сказал епископ. – Сможете ли вы вернуть долг Элис Уиллард?

– Нет.

– А в залог сделки вы внесли аббатство, верно?

– Да.

– Этим утром Элис Уиллард заявила мне, что аббатство теперь принадлежит ей.

– Чтоб ее! – буркнул Реджинальд.

– То есть она права?

– Да.

– Реджинальд, ты намеревался возвратить аббатство церкви.

– Не ждите от меня сочувствия, святой отец. Я только что лишился четырех сотен фунтов.

– Уиллард сказала, что речь о сумме в четыреста двадцать четыре фунта.

– Совершенно верно.

Джулиус, похоже, думал, что точная цифра принципиально важна. Интересно, подумал Ролло, почему? Возможности спросить ему не представилось, поскольку его отец вскочил, раздраженно прошелся по зале и произнес:

– Клянусь, я заставлю Филберта расплатиться! Он у меня узнает, что никто не может обмануть Реджинальда Фицджеральда и поживать себе дальше! Я заставлю его страдать! Не знаю, как, но...

На Ролло вдруг снизошло нечто вроде озарения, и он перебил отца:

– Зато я знаю!

– Что?

– Я знаю, как мы отомстим Филберту!

Реджинальд прекратил рассказывать по зале и сузившимися глазами уставился на Ролло.

– Давай, выкладывай, что у тебя на уме.

– Сегодня днем Донал Глостер, помощник Филберта, перебрал спиртного в таверне. Дочка Филберта ему отказала. Ну вот, от выпивки у него развязался язык, а от обиды он забыл об осторожности. Он сказал, что Кобли и их дружки устраивают тайные службы.

Епископ Джулиус немедля воспылил праведным гневом:

– Службы? Без священника? Это же ересь!

– Когда я стал его расспрашивать, Донал тут же спохватился, промямлил, что имел в виду собрания. Но вид у него был виноватый, и он быстро сбежал.

– Я давно подозревал, что эти крысы проводят тайные протестантские службы, – сказал епископ. – Но вот где? И когда? И кто туда приходит?

– Не знаю, – признался Ролло. – Но Донал знает.

– Он нам расскажет?

– Может быть. Рут его отвергла, так что ему незачем больше хранить верность Кобли.

– Надо выяснить наверняка.

– Позвольте мне потолковать с ним. Я возьму с собой Осмунда. – Осмунд Картер, глава стражи, был детиной немалого роста и славился своей жестокостью.

– Что ты скажешь Доналу?

– Объясню, что его подозревают в ереси и предадут суду, если он не расскажет нам все как на духу.

– Он испугается?

– Не то слово.

– Сейчас удачное время, чтобы напасть на протестантов, – задумчиво произнес епископ Джулиус. – Католическая церковь, увы, вынуждена защищаться. Королеву Марию Тюдор повсеместно бранят за утрату Кале. Ее законная наследница Мария Стюарт, королева Шотландии, вот-вот выйдет замуж в Париже, а муж-француз заставит англичан выступить против нее. Сэр Уильям Сесил и его подельники разъезжают по стране, пытаясь добиться поддержки для незаконнорожденной Елизаветы Тюдор, которую они хотят возвести на трон. Потому удар по еретикам в Кингсбридже окажется весьма кстати для всех католиков Англии.

Значит, подумалось Ролло, мы не просто отомстим, а выполним Божью волю. Юноша ощутил, как сердце заполняет свирепая радость.

Его отец, по-видимому, чувствовал то же самое.

– Ступай, Ролло, – сказал Реджинальд. – Ступай и сделай все как надо.

Ролло накинул плащ и вышел из дома.

Здание гильдейского собрания стояло на другой стороне улицы. Шериф Мэтьюсон располагался на нижнем этаже, в одном помещении с приставом Полом Петтитом, который вел переписку и следил, чтобы все документы хранились в должном порядке. Конечно, на Мэтьюсона не всегда можно было положиться, если речь заходила об интересах Фицджеральдов: порою он прямо отказывал в помощи сэру Реджинальду, отговариваясь тем, что служит королеве, а не мэру. По счастью, сегодня шериф отсутствовал, и Ролло не имел ни малейшего желания его разыскивать.

Вместо того юноша спустился в подвал, где готовились к исполнению своих обязанностей воскресным вечером Осмунд Картер и его подручные. Осмунд зачем-то напялил на голову плотно сидевший кожаный шлем, отчего приобрел еще более задиристый вид, чем обычно. Когда Ролло вошел, он зашнуровывал высокий сапог.

– Пойдем, поможешь мне кое-кого допросить, – сказал ему Ролло. – Тебе не придется ничего говорить.

Он хотел было добавить «Просто смотри посуровее», но счел, что это будет лишним – Осмунд и без того всегда так смотрел.

Они вышли из здания и двинулись по главной улице, залитой лучами послеполуденного солнца. Ролло размышлял, не поторопился ли он уверить отца и епископа Джулиуса в том, что Донал сломается и все расскажет. Если Донал успел протрезветь, он может оказаться крепким орешком. Начнет юлить, будет твердить, что нес спьяну не пойми что, и наотрез откажется от

всяких слов, которые он якобы поизносил насчет протестантских служб. Тогда придется его вразумить.

У пристани Ролло окликнула Сьюзан Уайт, дочка пекаря и его ровесница. С этой милой девчушкой, мордашка которой очертаниями напоминала сердце, Ролло по молодости целовался и даже отваживался немножко распускать руки. Именно тогда он осознал, что плоть не имеет над ним той власти, какой она обладала, похоже, над парнями вроде Донала Глостера и Неда Уилларда. В общем, посиделки со Сьюзан ничем таким не закончились. Наверное, рано или поздно ему все равно придется жениться, чтобы какая-то женщина занималась хозяйством, но уж он подыщет себе кого-нибудь познатнее, чем дочка пекаря.

Сьюзан не затаила на него зла – у нее было много поклонников.

– Жаль, что так случилось с вашим грузом, – сказала она сочувственно. – Несправедливо, правда?

– Правда. – Ролло ничуть не удивился тому, что история уже разошлась по городу. Половина Кингсбриджа, так или иначе, занималась морской торговлей, а потому едва ли не всякий интересовался новостями с моря, хорошими и дурными.

– В следующий раз непременно повезет, – утешила Сьюзан. – Присловье такое есть.

– Надеюсь, оно сбудется.

Сьюзан с любопытством покосилась на Осмунда, гадая, должно быть, куда тот направляется вместе с Ролло.

Юноше не хотелось ничего объяснять, поэтому он поспешил завершить разговор:

– Извини, я тороплюсь.

– До свидания!

Вдвоем с Осмундом они зашагали дальше. Донал жил на юго-западе города, в мастерском квартале, известном как Тэннерис. С давних пор горожане побогаче выбирали для себя север и восток. Земли вверх от моста Мерфина с незапамятных времен принадлежали аббатству, и вода там была чище. Городской совет распорядился, чтобы мастерские строили ниже по течению, и теперь все кингсбриджские грязные производства, будь то дубильная мастерская, красильня, сарай для промывки угля или бумажная мастерская, сливали отходы в реку ниже моста; так продолжалось столетиями.

Ролло думал, что завтра воскресенье и люди будут обмениваться новостями в церкви. К вечеру весь Кингсбридж узнает о судьбе «Святой Маргариты». Одни могут сочувствовать, как Сьюзан, а другие будут говорить, что сэр Реджинальд сглупил и позволил себя обмануть; и все, буквально все, станут смотреть на Фицджеральдов с жалостью и недоумением. Ролло словно наяву услышал, как горожане делятся друг с другом запоздалой мудростью – мол, Филберт всегда был скользким типом, никто не заключал с ним удачных сделок, и сэру Реджинальду следовало это знать. Юноша скривился, будто откусив кислый плод. Ему претила сама мысль о том, что на его семью станут взирать свысока.

Но горожане заговорят иначе, когда Филберта арестуют за распространение ереси! Они увидят в этом заслуженное наказание. Будут говорить: «Не стоило мошенничать с сэром Реджинальдом, Филберт должен был это знать». Честь семьи будет восстановлена, и Ролло снова сможет с гордостью называть людям свое имя.

Если только заставит Донала признаться.

Ролло первым подошел к маленькому домику Глостеров. Дверь открыла женщина, в которой с первого взгляда угадывалась близкая родственница Донала.

Едва завидев Осмунда, она всплеснула руками.

– Господи, что еще натворил мой сын?!

Ролло протиснулся мимо нее в дом. Осмунд вошел следом.

– Не вините его, прошу, – сказала женщина. – Он сильно расстроился, вот и напился.

– Ваш муж дома? – спросил Ролло.

Ролло совсем забыл об этом. Что ж, тем проще.

– А где Донал?

– Сейчас позову.

Женщина было отвернулась, но Ролло схватил ее за руку.

– Когда я говорю с вами, вы должны слушать меня! Я не просил его позвать. Я спросил, где он.

В ее карих глазах сверкнул гнев, и на мгновение Ролло почудилось, что женщина закричит – дескать, она вольна вести себя, как пожелает, в собственном-то доме; однако она совладала со своими чувствами, сообразив, должно быть, что упрямство лишь ухудшит положение ее сына.

– Он в постели, – сказала она, опуская голову. – Первая дверь наверху.

– Ждите здесь. Осмунд, пошли.

Донал распростерся на кровати, даже не подумав раздеться, – снял только башмаки. В комнате изрядно воняло, хотя, похоже, мать проветривала за сыном, спяну пускавшим ветры. Ролло потряс Донала за плечо. Тот приподнял голову и осоловело огляделся. Когда увидел Осмунда, он сел прямо и воскликнул:

– Господи Иисусе, смилуйся!

Ролло присел на край кровати.

– Господь помилует тебя, если ты скажешь правду. Ты вляпался в беду, Донал.

Юнец растерялся.

– Э... О чем ты?

– Не припоминаешь наш разговор в таверне?

Глаза Донала забегали. Он честно пытался вспомнить.

– Ну... смутно...

– Ты сказал, что ходил на протестантскую службу вместе с Кобли.

– Я не мог такого сказать!

– Я передал твои слова епископу Джулиусу. Тебя обвиняют в ереси.

– Нет! – Церковный суд редко кого-либо оправдывал. Считалось, что, если человек и вправду невиновен, его попросту не в чем было бы обвинять.

– Тебе же будет лучше, если признаешься.

– Да в чем признаваться-то?

– Выбить из него правду? – спросил Осмунд.

Донал совершенно спал с лица.

От двери послышался голос его матери:

– Ты не станешь ничего из него выбивать, Осмунд Картер. Мой сын живет по закону, он добрый католик, а если ты тронешь его хоть пальцем, неприятности будут у тебя!

Это была пустая угроза: Осмунда никогда не наказывали за избиение людей. Но Донал все же приободрился.

– Я никогда – слышите, никогда! – не участвовал в протестантских службах! Ни с Филбертом Кобли, ни с кем-либо еще!

– Вы не имеете права задерживать человека за пьяную болтовню, – прибавила миссис Глостер. – Если попытаешься, молодой Ролло, то лишь выставишь себя дураком.

Ролло мысленно выругался. Миссис Глостер его раскусила. Он совершил ошибку, когда стал допрашивать Донала у того дома, под боком у заботливой маменьки. Но это легко исправить. Он не позволит какой-то старухе помешать мести Фицджеральдов состояться!

– Надевай башмаки, Донал! – велел Ролло. – Ты пойдешь с нами в гильдейское собрание.

– Я тоже пойду, – заявила миссис Глостер.

– Нет, не пойдете, – возразил Ролло.

Глаза женщины снова сверкнули, и Ролло добавил:

– Если я увижу вас там, вы тоже окажетесь под стражей. Вы наверняка знали, что Донал посещает эти богохульные службы, значит, вы виновны в укрывательстве преступника.

Женщина снова опустила голову.

Донал натянул башмаки и поднялся.

Ролло с Осмундом вывели его из дома, провели по главной улице до перекрестка и затолкали в подвал здания гильдейского собрания. Ролло послал одного из стражников за сэром Реджинальдом, и тот явился несколько минут спустя – в сопровождении епископа Джулиуса.

– Ну что, юный Донал, – сказал Реджинальд с притворной доброжелательностью, – надеюсь, ты догадался, что изрядно облегчишь свою участь, если сознаешься.

Голос Донала дрожал, но слова прозвучали вызовом:

– Я не знаю, что нес, когда был пьян, но уверяю вас – я никогда не бывал на протестантских службах!

Ролло забеспокоился. Этак, глядишь, слизняк ничего не расскажет.

– Позволь кое-что тебе показать. – Реджинальд подошел к тяжелой двери, откинул увесистый засов и распахнул дверь. – Иди сюда и посмотри сам.

Донал нехотя подчинился. Ролло последовал за ним. Взгляду открылась комната без окон с высоким потолком и земляным полом. Пахнуло застарелой кровью и дерьмом, как на скотобойне.

– Видишь крюк на потолке? – негромко спросил Реджинальд.

Донал кивнул.

– Тебе свяжут руки за спиной, – спокойно объяснил Реджинальд. – Другой конец веревки зацепят за этот крюк и подтянут тебя вверх.

Донал судорожно сглотнул.

– Боль будет невыносимой, уж поверь, но сперва твои плечи не вывернутся, это происходит не слишком быстро. К твоим ногам привяжут тяжелые камни, чтобы усилить растяжение. Когда ты лишишься сознания от мук, тебе в лицо плеснут холодной водой, чтобы привести в чувство. А боль останется. Чем тяжелее будут камни, тем она будет становиться сильнее. В конце концов твои руки вывернутся. Звучит ужасно, верно?

Донал побелел лицом, но все еще сопротивлялся.

– Я живу в Кингсбридже! Меня нельзя пытать без королевского соизволения!

Это было правдой. Тайный совет короны не давал разрешения на пытки горожан. Конечно, правило часто нарушалось, но горожане Кингсбриджа знали свои права. Если выяснится, что Донала пытали незаконно, шума будет не избежать.

– Будет тебе соизволение, юный глупец!

– Покажите мне его! – В голосе Донала сквозил страх, но упорства ему было не занимать.

Ролло приуныл. Похоже, им придется отступить. Они испробовали все способы, чтобы запугать Донала и вырвать из него признание, но ничего не добились. Судя по всему, гнусный Филберт сумеет избежать заслуженного наказания.

Тут заговорил епископ Джулиус:

– По-моему, юный Донал, нам с тобою есть о чем побеседовать наедине. Не здесь, нет. Идем со мною.

– Хорошо, – согласился Донал. Он явно перепугался до полусмерти, но был готов пойти куда угодно, подумалось Ролло, лишь бы вырваться из этого подвала.

Джулиус вывел Донала наружу. Ролло и сэр Реджинальд шагали следом, отстав на несколько ярдов. Ролло гадал, что замыслил епископ. И удастся ли, черт подери, спасти честь и достоинство семейства Фицджеральдов?

По главной улице дошли до собора. Джулиус провел всех внутрь сквозь маленькую дверцу с северной стороны нефа. С хоров доносилось вечернее песнопение. Свечи на стенах едва разгоняли царивший внутри полумрак, по аркам метались изломанные тени.

Джулиус взял в руки свечу и повел Донала в крохотную боковую часовню, с алтарем и изображением распятого Христа. Свечу он поставил на алтарь, с таким расчетом, чтобы свет пламени падал на изображение. Сам Джулиус встал спиной к алтарю, глядя Доналу в лицо, а перед глазами Донала очутились и епископ, и изображение на стене.

Джулиус взмахом руки попросил Ролло и Реджинальда не подходить ближе. Поэтому Фицджеральды остались в нефе, но могли видеть происходящее в часовне и слышать, о чем там говорят.

– Прошу тебя, забудь обо всех карах земных, – обратился Джулиус к Доналу. – Возможно, тебя станут пытать и сожгут на костре, как еретика, но не того тебе надлежит опасаться этим вечером.

– Неужели? – Донал боялся, но церковник явно пробудил в нем любопытство.

– Сын мой, твоей душе угрожает смертельная опасность. Что бы ты ни сказал сегодня днем в таверне, это не имеет значения, ибо Господу ведомо все. Он ведает, что ты натворил. Муки, ожидающие тебя в аду, куда страшнее всего, что может случиться с тобою в этом мире.

– Знаю, святой отец.

– Тогда ты должен знать и то, что Всевышний дарует нам надежду на прощение – всегда.

Донал промолчал. Ролло попытался разглядеть выражение его лица в неверных тенях, но не преуспел.

– Скажи-ка мне вот что, Донал, – продолжал Джулиус. – Если ответишь правдиво, я отпущу тебе грехи и Господь смиростивится над тобою. Но если соврешь, то отправишься прямиком в преисподнюю. Прими решение здесь и сейчас.

Донал немного запрокинул голову, разглядывая изображение Иисуса на стене.

– Где они проводят свои службы? – спросил епископ. – По каким дням собираются? И кто к ним ходит? Отвечай, я жду.

Донал застонал. Ролло затаил дыхание.

– Первый вопрос был – где.

Донал молчал.

– Тебе не нужно прощение? – делано удивился епископ. – Спрашиваю в последний раз. Ну, где?

– В сарае вдовы Поллард, – выдавил Донал.

Ролло позволил себе выдохнуть. Наконец-то!

Владение миссис Поллард стояло на южной окраине города, на дороге в Ширинг. Других домов поблизости не было, вот почему никто до сих пор не замечал сборищ протестантов.

– По каким дням? – не отставал Джулиус.

– По вечерам в субботу, – ответил Донал. – Сегодня тоже. Когда стемнеет.

– Значит, они крадутся по улицам в сумерках, чтобы их никто не видел, – проговорил Джулиус. – Эти люди предпочитают тьму свету, ибо их дела и сердца черны, как черно само зло. Но Господь все видит. – Он бросил взгляд на окно. – Уже почти стемнело. Они сейчас там?

– Да.

– И кто там?

– Филберт и миссис Кобли, Дэн и Рут. Еще сестра Филберта, брат миссис Кобли, их родные. Еще миссис Поллард, пивовар Эллис, братья Мейсон, Элайджа Кордвейнер. Больше я никого не знаю. Могут быть и другие.

– Молодец! – похвалил Джулиус. – Теперь я дам тебе свое благословение и ты сможешь уйти домой. – Он предостерегающе воздел в воздух палец. – Никому не рассказывай о нашей беседе, не хочу, чтобы люди узнали, откуда я получил эти сведения. Живи, как жил до сих пор. Ты меня понял?

– Да, святой отец.

Джулиус покосился туда, где стояли Ролло и сэр Реджинальд. Его голос резко изменился – из негромкого и дружелюбного сделался зычным и повелительным:

– Ступайте к тому сараю! Задержите еретиков, всех до единого!

Поворачиваясь, чтобы уйти, Ролло услышал хриплый шепоток Донала:

– Боже мой, я всех их предал!

– Сын мой, ты спас их души, – весело произнес епископ Джулиус. – И свою тоже.

Фицджеральды, отец и сын, выбежали из собора. По главной улице они добрались до гильдейского собрания и созвали всех стражников, что дожидались в подвале. Затем ненадолго зашли в свой дом и вооружились мечами.

Все стражники прихватили с собой самодельные дубинки, а Осмунд взял крепкую веревку, чтобы связывать пойманных еретиков. Двое стражников держали в руках шесты с фонарями.

До владений вдовы Поллард было около мили.

– Быстрее будет верхом, – заметил Ролло.

– В темноте – вряд ли, – отозвался отец. – А цокот копыт можно предупредить протестантов. Нет, пойдем пешком. Я не хочу, чтобы хоть кто-то из этих мерзавцев выскользнул у нас из рук.

Отряд двинулся по главной улице, мимо собора. Горожане настороженно глядели им вслед, догадываясь, что у кого-то серьезные неприятности.

Ролло подумалось, что какой-нибудь приятель еретиков может сообразить, что происходит. Скорый на ногу бегун способен опередить стражу. Юноша ускорил шаг.

Они пересекли двойной мост Мерфина и миновали Лаверсфилд, а затем направились по дороге на юг. На окраине города было тише и темнее, чем у собора. По счастью, дорога вела прямо и не виляла.

Дом вдовы Поллард выходил окнами на дорогу, но сарай, где скрывались протестанты, отстоял далеко от дома. Покойный Уолтер Поллард владел малым поголовьем молочного скота. После смерти мужа вдова продала все стадо. Вот так у нее оказался надежный и пустой кирпичный сарай.

Осмунд распахнул ворота, и все последовали за ним, по тропе, протоптанной коровами, которых когда-то водили на дойку. Сарай прятался в темноте; разумеется, никто и не подумал прорубать в его стенах окна.

– Давай вперед! – прошептал Осмунд одному из стражников с фонарями. – Убедись, что нет другой двери.

Остальные осторожно приблизились к плотной двойной двери сарая. Сэр Реджинальд приложил палец к губам, призывая соблюдать тишину. Все прислушались. Изнутри доносилось многоголосое неразборчивое то ли бормотание, то ли пение. Чуть погодя Ролло узнал слова – в сарае читали «Отче наш».

По-английски.

Ересь, откровенная ересь. Иных доказательств не требовалось.

Фонащик вернулся и прошептал:

– Другого выхода нет.

Реджинальд подергал дверь. Та, похоже, была заперта изнутри.

Это движение привлекло внимание протестантов. Голоса в сарае стихли.

Четверо стражников с разбега кинулись на дверь, и та рухнула. Реджинальд и Ролло первыми шагнули внутрь.

Два десятка людей сидели на четырех скамьях. Перед ними стоял простой квадратный стол, покрытый белым полотном; на полотне лежала краюха хлеба и стоял кувшин, наполненный, должно быть, вином. Ролло не мог не ужаснуться – эти люди устроили собственную мессу!

Ему доводилось слышать о подобном, но он никогда не думал, что однажды увидит это своими глазами.

За столом стоял Филберт Кобли, в белой рубахе поверх дублета. Похоже, он изображал на этом сборище священника, хотя его никогда не посвящали в духовный сан.

Стражники и Фицджеральды молча взирали на эту святотатственную картину. А святотатцы таращились в ответ, слишком потрясенные, чтобы издать хотя бы звук.

Первым совладал с собою сэр Реджинальд.

– Еретики! Вы арестованы, все до единого! – Он помолчал и прибавил: – Ты мне за все заплатишь, Филберт Кобли!

Глава 6

1

В день накануне свадьбы Элисон Маккей призвали к королеве Франции.

Когда стало известно, что ее зовут, Элисон была с невестой, Марией Стюарт, королевой Шотландии. Занималась она тем, что тщательно выбривала Марии подмышки – и ухитрилась проделать это, ни разу ни оцарапав кожу своей госпожи и подруги. Она как раз принялась втирать в кожу масло, чтобы смягчить раздражение, когда в дверь постучали и вошла одна из фрейлин Марии, Вероник де Гиз, девица шестнадцати лет от роду; она приходилась королеве дальней родственницей и потому с нею не слишком считались, однако она восполняла такое пренебрежение своею красотой, надменностью и умением очаровывать мужчин.

– Королева Екатерина прислала пажа, – сказала Вероник, обращаясь к Элисон. – Ее величество желает видеть тебя, прямо сейчас.

Элисон извинилась перед Марией и торопливым шагом двинулась сквозь угрюмые помещения старого дворца Турнель к покоям Екатерины. Вероник следовала за нею.

– Как думаешь, что от тебя понадобилось ее величеству? – спросила она.

– Даже не догадываюсь, – ответила Элисон. Она не спешила откровенничать – Вероник могла просто проявлять любопытство, а могла и наущничать могущественным дядькам Марии, что было бы плохо, очень плохо.

– Ты нравишься Екатерине, – сказала Вероник.

– Ей нравятся все, кто добр с беднягой Франциском, – откликнулась Элисон, которую терзали мрачные предчувствия. Венценосные особы не отличались постоянством, так что за королевским приглашением могли скрываться и хорошие, и дурные новости.

В одной из зал их остановил молодой мужчина, которого Элисон не узнала. Он отвесил глубокой поклон и сказал Вероник:

– Сколь приятно встретиться с вами, мадемуазель де Гиз! Вы словно луч света в этом унылом дворце.

Элисон уверилась, что никогда не встречала этого мужчину прежде, иначе наверняка бы запомнила, с его-то длинными золотистыми кудрями. Он был воистину хорош, в своем зеленом с золотом дублете, воистину неотразим, пусть и смотрел больше на Вероник, чем на Элисон.

– К вашим услугам, мадемуазель, – продолжал незнакомец. – Скажите, могу ли чем-то быть вам полезен?

– Благодарю вас, но нет. – В голосе Вероник прозвучала нотка нетерпения.

Мужчина повернулся к Элисон и снова поклонился.

– Счастлив видеть вас, мисс Маккей. Меня зовут Пьер Оман. Имею честь служить дядюшке мадемуазель де Гиз, Шарлю, кардиналу Лотарингскому.

– Неужели? – отозвалась Элисон. – И в каком качестве, позвольте узнать?

– Помогаю вести переписку. Она у кардинала весьма обильная.

Значит, этот Пьер – простой писец? Тогда с его стороны чрезвычайно самонадеянно положить глаз на Вероник де Гиз. Но недаром говорят, что удача любит смелых; уж в чем, а в смелости Пьеру Оману не откажешь.

Элисон воспользовалась возможностью избавиться от спутницы.

– Не могу заставлять ее величество ждать. До свидания, Вероник.

И девушка устремилась дальше прежде, чем Вероник успела ответить.

Королеву Екатерину она нашла возлежавшей на кушетке. Рядом, на полу, резвились с полдюжины котят, потешно гоняясь за розовой ленточкой, которой Екатерина их дразнила.

Вот королева подняла голову и дружески улыбнулась Элисон. Девушка мысленно перевела дух: по счастью, неприятностей как будто не предвиделось.

Даже в молодости никто не назвал бы королеву Екатерину красавицей, а теперь, на сороковом году жизни, она вдобавок изрядно растолстела. Но это нисколько не мешало королеве носить броские наряды; сегодня она облачилась в черное платье, расшитое огромными жемчужинами, безвкусное, однако сразу приковывавшее взор. Екатерина похлопала ладонью по кушетке; Элисон послушно присела, а котята сразу очутились между ними. Девушку это порадовало. Она подобрала одного крошечного котенка, черного с белым, и тот сперва облизал бриллиант в кольце на пальце Элисон, а потом осторожно прикусил сам палец. Крохотные зубки были острыми, но сам котенок был еще слишком мал для того, чтобы его укус мог причинить настоящую боль.

– Как себя чувствует невеста? – осведомилась Екатерина.

– Она на удивление спокойна, ваше величество, – ответила Элисон, поглаживая котенка. – Волнуется, конечно, но ждет не дождется завтрашнего дня.

– Она знает, что ей предстоит лишиться девственности на глазах у свидетелей?

– Знает, ваше величество. Она смущена, но справится, вот увидите.

Если только справится твой Франциск, молча прибавила Элисон. Вслух она этого произносить не стала, чтобы не оскорбить королеву.

Впрочем, Екатерина и сама подумала о том же.

– Увы, мы не в силах предсказать, будет ли состоятелен бедняжка Франциск.

Элисон промолчала, опасаясь так или иначе уязвить чувства королевы.

Екатерина подалась вперед и заговорила, понизив голос.

– Послушай меня, – сказала она настойчиво. – Что бы на самом деле ни случилось, Мария должна притвориться, что брак состоялся как положено.

Элисон ощутила себя польщенной – кому еще выпадало вести столь откровенные, столь доверительные беседы с королевой Франции? Но сейчас важнее другое...

– Это может оказаться непросто.

– Сама понимаешь, свидетелям покажут не все.

– Да, но... – Элисон заметила, что котенок, которого она гладила, задремал.

– Франциск должен взобраться на Марию и поиметь ее – или притвориться, что поимел.

Девушку потрясла грубость королевы, но она быстро сообразила, что та чересчур обеспокоена, чтобы разговаривать обиняками.

– Кто объяснит Франциску, что нужно делать? – уточнила она столь же деловито.

– Ему объясню я. А ты потолкуй с Марией. Она тебе доверяет.

Элисон испытала прилив гордости: надо же, сама королева это заметила.

– Что мне ей сказать?

– Она должна громко и прилюдно объявить, что лишилась девственности.

– А если потребуют позвать доктора, чтобы тот подтвердил?

– Об этом мы позаботимся заранее, потому я тебя и позвала. – Екатерина достала из кармана платья маленький мешочек. – Вот, взгляни-ка.

Она протянула мешочек Элисон. Тот был совсем крохотным, не больше оконечности пальца; сшитый, казалось, из мягкой кожи, мешочек имел узкую горловину, перехваченную тонкой шелковой нитью.

– Что там?

– Это мочевого пузыря лебедя.

Элисон недоуменно посмотрела на королеву.

– Сейчас он пустой. Завтра вечером, когда я передам его тебе, в нем будет кровь. Ниточку завяжем покрепче, чтобы не протекло раньше времени. Пусть Мария спрячет мешочек под

ночной рубашкой. Когда Франциск ее поймает, взаправду или понарошку, пусть она дернет за нитку; кровь выльется на простыню, и все должны увидеть это пятно.

Элисон кивнула. Звучало разумно. Кровь на простыне после брачной ночи считалась главным признаком успешного соития. Все, кто увидит пятно, поймут, что за этим стоит, и всяким подозрениям будет положен конец.

Вот как женщины, подобные Екатерине, добиваются власти и располагают ею, с восхищением подумала девушка. Они действуют хитроумно и скрытно, прячась от посторонних взглядов, управляют событиями, пока мужчины воображают, что это они повелевают всем на свете.

– Мария справится? – озабоченно спросила Екатерина.

– Конечно. – Элисон ничуть не сомневалась, ведь отваги Марии было не занимать. – Но... Но что, если кто-то заметит мешочек?

– Когда кровь прольется, пусть Мария засунет его себе в дырку, как можно глубже, и не вынимает, покуда не останется одна и не сможет его выкинуть.

– Надеюсь, он не вывалится.

– Не вывалится, уж я-то знаю. – Екатерина невесело усмехнулась. – Мария далеко не первая, кто прибегнет к такой хитрости.

– Ясно.

Екатерина забрала у Элисон дремлющего котенка, и тот немедленно открыл глаза.

– Скажи честно, ты все поняла?

– Да, ваше величество, – ответила Элисон, вставая. – Все просто. Нужно только решиться, но решимости у Марии хватит на десятерых. Поверьте, она вас не подведет.

Екатерина улыбнулась.

– Отлично. Спасибо тебе.

Элисон вдруг пришла в голову мысль, заставившая нахмуриться.

– Кровь ведь должна быть свежей. Где вы ее возьмете?

– Пока не знаю. – Королева завязала розовую ленточку в бантик на шейке черно-белого котенка. – Но я что-нибудь придумаю.

2

Пьер намеренно выбрал день королевской свадьбы, чтобы попросить у грозного папаши Сильви Пало руки его ненаглядной доченьки.

Все в Париже в этот день, 24 апреля 1558 года, нарядились в свои лучшие одежды. Пьер выбрал синий дублет с прорезями, сквозь которые проглядывала белая шелковая подкладка. Он знал, что Сильви нравится этот его наряд. В нем Пьер выглядел куда пышнее и даже величественнее, чем позволяло себе здравомыслящее до скаредности окружение родителей девушки. Юноша подозревал, что Сильви отчасти тянется к нему из-за его манеры одеваться.

Пьер вышел из коллежа на левом берегу реки, в Университетском квартале, и двинулся на север, в направлении острова Ситэ. Узкие и заполненные людьми улицы словно заполняло предвкушение праздника. Торговцы имбирными пряниками, устрицами, апельсинами и вином расставляли повсюду свои лотки, торопясь воспользоваться гуляньями и пополнить кошелек. Какой-то тип попытался продать Пьеру восьмистраничный печатный памфлет, посвященный свадьбе; гравюра на первой странице изображала, должно быть, счастливую королевскую пару, однако сходство было весьма приблизительным. Попрошайки, шлюхи и уличные музыканты шагали в том же направлении, что и Пьер. Что ж, Париж обожал праздники.

Сам юноша сознавал значимость свадьбы, особенно для семейства де Гизов. Дядя Марии, Меченый и кардинал Шарль, и без того, конечно, были могущественными людьми, однако у них имелись достойные соперники, а состоявшие в родстве семейства Монморанси и Бурбонов и вовсе приходились врагами. Свадьба вознесет де Гизов над прочими знатными

родами, ведь в назначенный срок Мария, племянница Франсуа и Шарля, станет королевой Франции, а сами де Гизы сделаются частью королевской семьи.

Пьеру не терпелось разделить их могущество. Для этого ему следовало выполнить поручение кардинала Шарля. Он уже успел выяснить имена немалого числа парижских протестантов, среди которых многие были друзьями и приятелями семьи Сильви. Все имена он записывал в книжечку в кожаном переплете – этот переплет, по стечению обстоятельств, был черным, и будто сама судьба предназначила книжечку для имен тех, кому предстояло сгореть заживо. Но больше всего Шарль желал знать, где протестанты проводят свои службы, а Пьеру пока, несмотря на все усилия, так и не удалось установить хотя бы одно место тайных собраний.

Он даже начал приходить в отчаяние. Кардинал щедро расплатился с ним за имена, но обещал гораздо больше за указание места молений. И дело было не только в деньгах, хотя юноша постоянно нуждался в средствах. Пьер достоверно знал, что на Шарля трудятся другие лазутчики – сколько именно, не имело значения; юноша не желал быть одним из многих, он мечтал выделиться, стать лучшим из лучших, не просто полезным, а незаменимым для кардинала.

Сильви исчезала, заодно со своими родичами, каждое воскресенье. Наверняка они отправлялись на ту самую тайную протестантскую службу, однако – и это безмерно раздражало – Жиль Пало до сих пор не удосужился позвать Пьера с ними, сколько бы юноша ему ни намекал, все более прямо. Поэтому Пьер замыслил решительный шаг. Он попросит руки Сильви. Если семья Пало примет его как жениха своей дочери, уж тогда-то он попадет на службу.

Он уже позаботился спросить Сильви, согласна ли та, и девушка ответила, что выйдет за него замуж завтра. Но вот с ее отцом договориться будет нелегко. Потому Пьер и выбрал сегодняшней день для разговора с Жилем: накануне королевского бракосочетания все парижане подобрели и сделались благодушными – возможно, и Жиль тоже.

Разумеется, Пьер отнюдь не собирался и вправду жениться на Сильви. Жена из протестантов покончит со всякими надеждами добиться успеха в жизни под покровительством де Гизов. Кроме того, Сильви ему вообще не нравилась – слишком уж она серьезная. Нет, ему нужна такая жена, которая обеспечит признание в обществе. Поэтому Пьер приглядывался к Вероник де Гиз, которая принадлежала к одной из побочных ветвей рода и была способна, как казалось Пьеру, оценить его высокие порывы. Что ж, если сегодня получится заключить помолвку с Сильви, потом придется изобрести убедительный предлог для откладывания свадьбы. Но это ерунда, он что-нибудь да придумает.

Внутренний голос настойчиво твердил юноше, что он разобьет сердце честной и милой девушке, а это жестоко и грешно. Предыдущие жертвы, вроде вдовы Бошен, сами более или менее напрашивались на то, чтобы их обманули, но Сильви не сделала ничего, чтобы заслужить такое обращение с собой. Она просто-напросто влюбилась в человека, каким умело притворялся перед нею Пьер.

Этот внутренний голос не умолкал, но Пьер к нему не прислушивался. Он вступил на торную дорогу к величию и власти, а подобные досадные помехи на пути ничего не значили. Голос ехидно заметил, что многое, мол, изменилось с тех пор, как юноша покинул Тоннанс-ле-Жуанвиль и отправился в Париж; более того, Пьер, похоже, стал другим человеком. Надеюсь, что так, подумалось юноше; прежде я был всего-навсего незаконнорожденным сыном полунищего сельского священника, а намереваюсь стать достойной особой.

Пьер пересек Малый мост и очутился на острове Ситэ посреди Сены; на этом острове высился громадный собор Нотр-Дам, на площади перед западным фасадом которого завтра должны были пожениться принц Франциск и королева Шотландии. Для торжеств на площади установили гигантский помост: дюжину футов высотой, он тянулся через площадь, от архиепископского дворца до самых врат собора; парижане смогут увидеть церемонию, но не смогут дотянуться ни до новобрачных, ни до гостей. Близ помоста уже толпились зеваки, выби-

рая местечко, с которого открывался бы наилучший вид. Возле собора над помостом натянули раздуваемое ветром полотнище, изготовленное из голубого шелка и расшитое королевскими лилиями²³, чтобы спрятать новобрачных от солнца. Прикинув, сколько могла стоять этакая работа, Пьер содрогнулся.

По помосту расхаживал Меченый, то бишь герцог де Гиз, которому поручили заведовать церемонией. Он как будто спорил с какими-то дворянами, что явились, похоже, сильно заранее и заняли места поближе к балдахину. Пьер низко поклонился герцогу, но тот, увлеченный спором, не обратил на него внимания.

Юноша направился к веренице домов, что расположилась севернее собора. Книжная лавка Жилья Пало была закрыта, как и полагалось по субботам, дверь заперли на засов, но Пьер знал, что сзади есть другой вход.

Стоило ему войти, как Сильви тут же сбежала вниз по лестнице. Эта встреча подарила им несколько мгновений наедине в пустой мастерской. Девушка обвила руками шею Пьера и жадно прикинула к его рту своими губами.

Юноша вдруг понял, что ему чертовски трудно притворяться. Но следовало изобразить, будто поцелуй и вправду его воспламенил. Он страстно ответил на поцелуй, сжал тугую грудь Сильви под лифом платья, но на самом деле не ощутил ни малейшего признака возбуждения.

Девушка отстранилась и взволнованно прошептала:

– Он сегодня добрый! Пойдем!

Пьер поднялся следом за Сильви в жилые помещения наверху. Жиль и его жена Изабель сидели за столом – вместе с тем типом, которого Пьер знал как Гийома.

Жиль, широкоплечий и могучий, смахивал на быка. Чудилось, что этакий силач способен поднять на плечах целый дом. По обмолвкам Сильви Пьер знал, что за Жилем водилась привычка поколачивать под горячую руку родных и подмастерьев. Что случится, если Жиль вдруг узнает, что Пьера подослали католики? Нет, об этом лучше не думать.

Пьер поклонился Жиллю, выказывая подобающее уважение главе семьи, и сказал:

– Доброе утро, мсье Пало. Надеюсь, вы в добром здравии.

Жиль в ответ что-то неразборчиво проворчал. В этом не было ничего обидного – так печатник здоровался со всеми.

Изабель Пало была более податливой к обаянию Пьера. Она улыбнулась, когда юноша поцеловал ей руку, и пригласила его присесть. Дочь унаследовала от нее прямой нос и выпяченный подбородок – черты, говорившие о силе воли. Пожалуй, Изабель можно было назвать миловидной, хотя красавицей она точно не была, и Пьеру не составляло труда вообразить ее обольстительницей, в подходящем расположении духа. Словом, мать и дочь были схожи нравом, решительностью и отвагой.

Что касается Гийома, тот оставался для Пьера загадкой. Бледный и худой, лет двадцати пяти на вид, он всегда выглядел сосредоточенным, что ли. Он пришел в лавку в тот же день, когда туда заглянул Пьер, и его немедленно провели в жилые помещения наверху. Пальцы у него вечно были в чернилах; Изабель мимоходом упомянула, что он студент, однако этот Гийом не числился ни в одном из коллегей Сорбонны, и Пьер ни разу не встречал его на занятиях. Он поселился у Пало то ли как гость, то ли как жилец, плативший за проживание. В беседах с Пьером он держался настороженно и больше отмалчивался. Пьеру очень хотелось как следует его расспросить, но этого следовало избегать, чтобы не вызвать ненужных подозрений.

Едва Пьер вошел в комнату, Гийом закрыл книгу, которую держал в руках. Он постарался сделать это вполне естественно, однако попытка вышла не слишком убедительной. Теперь книга лежала на столе, накрытая ладонью Гийома, который словно твердо вознамерился не

²³ Эмблема французского королевского дома – флер-де-лис, три золотистые лилии на лазоревом поле; официально установлена в 1376 г. при короле Карле Пятом Валуа.

позволить никому открыть ее снова. Наверное, перед приходом Пьера он читал книгу вслух семье Пало. Чутье подсказывало Пьеру, что эта книга – очередное запрещенное протестантское сочинение. Юноша притворился, что книга нисколько его не занимает.

Когда все поздоровались, Сильви сказала:

– Папа, Пьер хотел с тобой поговорить.

Такая прямота была для нее обычным делом.

– Вот он я, паренек, – пробурчал Жиль. – Валяй, выкладывай.

Пьер терпеть не мог, когда его называли «пареньком» или как-то еще в том же духе, но сейчас не стоило выказывать раздражение.

– Быть может, вам лучше поговорить наедине? – спросила Сильви.

– С чего бы это? – не понял Жиль.

Пьер предпочел бы разговор один на один, но сделал вид, что ему все равно.

– Мне нечего скрывать. Я буду рад, если меня послушают все.

– Говори, коли так, – буркнул Жиль. Привставший было из-за стола Гийом снова опустился на табурет.

– Мсье Пало, – произнес Пьер, – смиренно прошу руки вашей дочери Сильви.

Изабель негромко вскрикнула – не от удивления, нет, она наверняка успела сообразить, зачем Пьер пришел. Возможно, это был возглас одобрения. Пьер перехватил изумленный взгляд Гийома; неужто тот лелеял какие-то мечты насчет Сильви? А вот Жиль смотрел так, будто эти слова испортили ему воскресный отдых.

Печатник тяжело вздохнул, почти не потрудившись скрыть этот вздох, и приступил к делу, то есть взялся расспрашивать Пьера.

– Ты ведь студент, – сказал он снисходительно. – Тебе ли заговаривать о женитьбе?

– Понимаю ваши опасения, – дружелюбно ответил Пьер. У него имелась цель, и ради этой цели грубостью собеседника можно было пренебречь. – Моей матери принадлежала земля в Шампани. Там несколько виноградников, они приносят хороший доход, так что мы не бедствуем. – Кому какое дело, что мать его была нищей приживалкой сельского священника, а Пьер зарабатывал на жизнь собственным умом? – Когда завершу обучение, я намереваюсь стать стряпчим, и моя супруга будет неплохо обеспечена.

Это было уже ближе к истине.

Жиль пропустил ответ мимо ушей и задал следующий вопрос:

– Какой ты веры?

– Я христианин и ищу просвещения. – Этих вопросов Пьер ожидал и позаботился подобрать нужные ответы заранее. Оставалось надеяться, что он не переусердствовал с фантазиями.

– И какого же просвещения ты ищешь?

Вопрос был с подвохом. Пьер не мог открыто назваться протестантом, поскольку никогда не участвовал в еретических собраниях. Следовало убедить Жилья, что он готов обратиться.

– Меня беспокоит вот что, – начал юноша, стараясь, чтобы в голосе звучала искренняя озабоченность. – Прежде всего месса. Нам толкуют, что на службе хлеб и вино превращаются в плоть и кровь Христовы. Но хлеб и вино не похожи на плоть и кровь ни видом, ни запахом, так почему нас уверяют, что они якобы превращаются? Сдается мне, тут какая-то нелепая философия.

Эти доводы Пьер слышал от товарищей-студизусов, склонявшихся к протестантизму. Сам он считал откровенной глупостью препираться из-за подобных пустяков, лишенных материального воплощения.

Жиль, похоже, всецело разделял озвученные Пьером мысли, но вслух этого говорить не стал.

– А что еще?

– Священники присваивают себе церковную десятину, которую платят бедные крестьяне, и роскошествуют на эти деньги, напрочь забывая о своих обязанностях.

На такое недостойное поведение духовенства жаловались даже истовые католики.

– Тебя бросят в тюрьму за такие слова. Как ты смеешь проповедовать ересь в моем доме?

Негодование Жиль выглядело напускным, но не стало оттого менее устрашающим.

– Хватит притворяться, папа, – дерзко вмешалась Сильви. – Ему известно, кто мы.

– Ты ему разболтала? – сурово спросил Жиль и стиснул пальцы в увесистый кулак.

– Прошу вас! – воскликнул Пьер. – Сильви ничего мне не говорила. Все и так видно.

– Видно? – переспросил Жиль, багровея.

– Ну да, если присмотреться. В вашем доме много чего нет. Нет распятия над кроватью, нет фигурки Богородицы у двери, нет изображения Святого семейства над очагом. Лучший наряд вашей жены лишен жемчуга, хотя она могла бы себе это позволить. Ваша дочь ходит в неброском платье. – Пьер быстро перегнулся через стол и выхватил книгу из-под ладони Гийома. – И воскресным утром вы читаете Евангелие от Матфея во французском переводе!

Тут подал голос Гийом, впервые за весь разговор. Вид у него был испуганный.

– Ты намерен разоблачить нас?

– Нет, Гийом. Будь у меня такое желание, я бы пришел сюда с отрядом городской стражи. – Пьер перевел взгляд на Жилья Пало. – Я хочу присоединиться к вам. Хочу стать протестантом. И жениться на Сильви.

– Пожалуйста, папа! Скажи «да»! – Девушка опустила перед отцом на колени. – Пьер любит меня, а я люблю его. Мы будем жить долго и счастливо. И Пьер поможет нам распространять истинное вероучение!

Жиль разжал пальцы, его лицо обрело обычный цвет.

– Это так? – коротко спросил он.

– Так, – подтвердил Пьер. – Если вы меня примете.

Жиль покосился на жену. Та едва уловимо кивнула. Пьер давно подозревал, что, несмотря на все повадки Жилья, именно Изабель командует в этой семье. Жиль улыбнулся – почти невиданное зрелище – и повернулся к Сильви:

– Ладно, дочка. Ступай за Пьера. Да благословит Господь ваш брак!

Сильви вскочила, благодарно обняла отца, потом жарко поцеловала Пьера. Тут со стороны помоста у собора донеслись радостные возгласы.

– Они тоже одобряют, – сказал Пьер, и все засмеялись.

Из окна, выходившего на площадь перед собором, было видно, как по помосту с балдахинном движется свадебная процессия. Впереди шагали солдаты, так называемая Швейцарская сотня²⁴, в блузах с полосатыми рукавами и в шлемах с перьями. За ними шли музыканты, игравшие на флейтах и барабанах, а за музыкантами важно выступали придворные, все до единого в новехоньких парадных одеяниях; в глазах зарябило от сочетания алого, золотого, светло-голубого, желтого и нежно-сиреневого.

– Они словно для нас с тобою стараются, Пьер! – воскликнула Сильви.

Толпа зевак поутихла и дружно склонила головы, когда на помост вышли епископы, державшие в руках украшенные драгоценными камнями распятия и великолепные золотые реликварии со святыми мощами. Пьер углядел кардинала Шарля в алом одеянии, несшего золотую чашу, отделанную самоцветами.

Но вот показался жених. Четырнадцатилетний Франциск, худой и хрупкий на вид, выглядел перепуганным. Несмотря на бесчисленные украшения на одежде и на шляпе, он вовсе не производил впечатления венценосной особы. Рядом с ним шагал король Антуан Наваррский,

²⁴ Отряд телохранителей, создан в 1480 году королем Людовиком Девятым; насчитывал ровно 100 гвардейцев, а также 27 офицеров и сержантов. Прежде всего они охраняли монарха на территории Лувра.

глава семейства Бурбонов, враждовавшего с де Гизами. Пьер сообразил, что кто-то (должно быть, отличавшаяся предусмотрительностью королева Екатерина) даровал Антуану эту привилегию, чтобы не допустить чрезмерного возвышения де Гизов, которые иначе полностью подчинили бы себе церемонию.

Зеваки словно обезумели: это на помост вышел король Генрих Второй, а с ним – герой недавней войны Франсуа де Гиз по прозвищу Меченый. Они сопровождали невесту.

Мария надела ослепительно-белое платье.

– Белое! – проговорила Изабель, выглядывая из-за плеча Пьера. Изумление женщины было понятным: белый считался цветом скорби. – Зачем она надела белое?

3

Элисон Маккей была против белого свадебного платья. Во Франции белый считался цветом скорби и траура. Элисон уверяла, что такое платье отпугнет народ, а сама Мария Стюарт будет в нем выглядеть даже бледнее, чем обычно. Однако на Марию порой находило упрямство, а в свои пятнадцать лет она притязала на собственное мнение, в особенности относительно нарядов. Дескать, она хочет надеть белое, все прочее вовсе не обсуждается.

Королева Шотландии оказалась права: белый шелк искрился, словно напоенный светом девственности Марии. Поверх платья невеста набросила накидку из серебристо-голубого бархата, что переливался под апрельским солнцем, будто поверхность реки, протекавшей возле собора. Длинная пола накидки была тяжелой, и Элисон ощутила эту тяжесть своими руками, ибо ей и еще одной фрейлине выпало нести полу за невестой.

Головку Марии украшал золотой ободок, отделанный бриллиантами, жемчугом, рубинами и сапфирами. По виду подруги и госпожи Элисон догадалась, что той не терпится снять с волос это бремя. Шею королевы облегалo крупное ожерелье с драгоценными камнями; самый большой рубин Мария прозвала «Великим Гарри», поскольку это был подарок от короля Генриха.

Рыжие волосы, светлая кожа, белое платье – Мария выглядела сущим ангелом, и людям это пришлось по нраву. Она шла по помосту, рука об руку с королем, а вослед ей летел восторженный рев, что катился по рядам многочисленных зрителей этакой приливной волной, набирая силу и мощь с каждым шагом юной королевы.

Элисон совсем затерялась среди разряженной и величественной знати, однако она наслаждалась происходящим, купаясь в лучах обожания, что доставались ее лучшей подруге. Сколько она себя помнила, они с Марией говорили и грезили о свадьбах, но нынешнее зрелище оставляло далеко позади самые смелые фантазии. Оно мнилось справедливым воздаянием судьбы за все несчастья, выпавшие на долю Марии. Элисон радовалась за подругу – и за себя.

Королева приблизилась к балдахину, у которого ее ожидал жених.

Когда невеста и жених встали рядышком, всем бросилось в глаза, что она на добрый фут выше; это выглядело забавно, и в толпе раздались смешки, послышались издевательские выкрики. Затем брачующиеся преклонили колени перед архиепископом Руанским, и разница в росте сделалась менее заметной.

Король Генрих снял кольцо с собственного пальца и протянул архиепископу. Церемония началась.

Мария отвечала на вопросы громко и ясно, а вот Франциск понижал голос, чтобы не давать толпе повода посмеяться, когда принц заикался или запинаясь.

Элисон вдруг подумалось, что Мария надела белое впервые за все время, что они провели вместе. Родители Элисон умерли от чумы, ее взяла к себе, в свой холодный дом, овдовевшая тетюшка Дженис, сестра матери Марии, Мари де Гиз. К сиротке отнеслись по-доброму и

позволили играть с четырехлетней королевой Шотландии. В покоях Марии жарко горел огонь, всюду были раскиданы мягкие подушки и чудесные игрушки; за играми Элисон забывала, что сама лишилась материнской заботы.

Со временем она стала навещать Марию все чаще, ибо та требовала приводить свою шестилетнюю подружку снова и снова. С Марией Элисон словно стряхивала с себя всю чопорность дома тетушки Дженис. Минул год, и ей сказали, что Мария уезжает и будет теперь жить во Франции. Элисон горько разрыдалась. Но Мария, показав, сколь властной она будет, когда вырастет, затопала ножками и потребовала, чтобы Элисон поехала во Францию вместе с ней. В конце концов она добилась своего.

На корабле, во время утомительного плавания, они сидели в одной комнате и прижимались друг к другу по ночам в поисках утешения; такое случалось и по сей день, если кому-то из них нужно было успокоиться или справиться со страхом. Держась за руки, они знакомились с десятками ярко и пышно разодетых французов, которые смеялись над их гортанным шотландским выговором. Все во Франции казалось пугающе дикий, и теперь уже более старшая Элисон приходила на выручку Марии, помогала заучивать труднопроизносимые французские слова и оттачивать придворные манеры и утешала, когда юная королева плакала по ночам. Элисон твердо знала, что никто из них двоих не забудет об этой детской привязанности.

Церемония между тем завершилась. Золотое кольцо заняло положенное место на пальчике Марии, ее и Франциска объявили мужем и женой, и зазвучали приветственные возгласы.

Два королевских герольда, державшие в руках кожаные мешки с деньгами, принялись швырять в толпу зевак горсти монет. Зрители радостно заревели. Мужчины прыгали как можно выше, стараясь схватить монеты на лету, затем ныряли к земле, пытаясь подобрать те, которые не получилось поймать. Стоявшие в задних рядах стали напирать на тех, кто впереди, желая своей доли королевских щедрот. То и дело вспыхивали потасовки. Упавших затаптывали, тех, кто оставался на ногах, толкали и пихали. Избитые и раненые истошно вопили. Многие знатные особы, приглашенные на свадьбу, хохотали, глядя, как простолюдины дерутся за монеты. Для них, по-видимому, эти стычки были любезнее сердцу, нежели бои быков, но Элисон сочла буйство толпы неподобающим. Герольды швыряли монеты в толпу, пока мешки не опустели.

Архиепископ возглавил процессию, которая направилась в собор для торжественной мессы; за ним следовали новобрачные, только-только вышедшие из детского возраста – и уже пойманные в ловушку брака, который нисколько не подходил никому из них. Элисон шла за Марией, по-прежнему держа в руках полу платья. Когда процессия вступила с пригревавшего апрельского солнышка под гулкие и мрачные своды собора, ей подумалось, что королевским детям суждено наслаждаться в жизни чем угодно – кроме свободы.

4

Сильви держала Пьера за руку, когда они пересекали Малый мост, направляясь на юг. Отныне этот юноша принадлежал ей, и только ей. Она не отпустит его никогда. Он умен, такой же умный, как ее отец, но куда более милый и обаятельный. А красавец-то какой, с этими густыми волосами, глазами с поволокой и обворожительной улыбкой! Ей даже пришлось по нраву его наряд, пусть она и укорила себя за влечение к ярким краскам: протестанты не одобряли многоцветия и мишуры в одежде.

Но больше всего девушку привлекало в нем то, что к распространению истинного верования он относился столь же серьезно, как она сама. Без посторонней помощи он усомнился в лживых поучениях католических священников. И, лишь при малом содействии с ее стороны, отыскал путь к истине. А еще он с готовностью согласился рискнуть своей жизнью и отправиться вместе с Сильви на тайное протестантское моление.

Королевское бракосочетание завершилось, толпа зевак рассеялась, и семейство Пало, в том числе и Пьер Оман, двинулось на собственную, протестантскую службу.

После помолвки Сильви внезапно обнаружила, что у нее появились новые поводы для беспокойства. Интересно, каково это будет – возлечь с Пьером? Матушка рассказывала ей несколько лет назад, когда у нее начались месячные, о том, что мужчины и женщины делают вместе в постели, однако все ограничилось общими словами, о собственном опыте Изабель почему-то предпочла не вспоминать. Сильви воображала, как руки Пьера скользят по ее обнаженному телу, как он нависает над нею, придавливая к кровати; воображала, как может выглядеть его срам.

Да, она его отвоевала, но получится ли у нее сохранить любовь на веки вечные? Изабель утверждала, что Жиль в жизни ни на кого другого не глядел, но Сильви знала, что бывают мужчины, которые с годами теряют интерес к своим женам, а Пьер вдобавок всегда будет привлекателен для женщин. Что ж, придется потрудиться, чтобы он и впредь оставался таким же счастливым, каким выглядит сейчас. Общая вера поможет в этом, особенно если они станут распространять истинное Писание вдвоем.

Когда они поженятся? Ей хотелось обвенчаться как можно скорее. Пьер говорил, конечно, что надо привезти на свадьбу его матушку из Шампани. Главное, чтобы его матушка была здорова и смогла выдержать такое путешествие. Насчет сроков он не уточнял, а Сильви не стала настаивать, решив, что не годится открыто проявлять нетерпение.

Изабель от помолвки пришла в восторг. Сильви даже показалось, что мама не против выйти за Пьера сама. Разумеется, это невозможно, но все же...

Да и отец, если уж на то пошло, радовался больше, чем можно было подумать со стороны. Он не выказывал недовольства, пребывал в благодушном настроении – словом, был счастлив, насколько для него такое вообще возможно.

Гийом как-то скис, и Сильви поняла, что этот гость, наверное, испытывал к ней какие-то чувства. Быть может, он сам собирался сделать предложение. Если так, надо было поспешить. Не повстречай она Пьера, возможно, Гийом, умный и серьезный, и приглянулся бы ей. Но он никогда не смотрел на нее взглядом, от которого кружилась бы голова и подкашивались ноги.

Сильви не могла нарадоваться тому, сколь счастливым выглядит этим утром Пьер. Он шагал, едва ли не приплясывая, непрестанно улыбался и заставлял ее хихикать своими язвительными замечаниями по поводу людей и зданий, мимо которых пролегал их путь, – по рю Сен-Жак, через Университетский квартал. Пьер не скрывал своего счастья от помолвки.

Сильви догадывалась, что отчасти его радость объясняется и тем, что юношу наконец-то пригласили на протестантское моление. Он много раз спрашивал у нее, где они собираются, и явно обижался, когда она отвечала, что не вправе ему этого сказать. Хвала небесам, теперь с тайнами покончено.

Сильви не терпелось познакомить его с остальными. Она гордилась своим избранником и хотела, чтобы все увидели, какой он замечательный. Им он наверняка понравится. Оставалось надеяться, что и они придутся ему по душе.

Семейство миновало ворота Святого Жилия и на окраине города свернуло с дороги на едва различимую тропу, водившую в лес. Приблизительно в сотне ярдов от поворота, невидимые с дороги, поджидали двое коренастых парней, весь вид которых выдавал в них охранников, пусть они были без оружия. Жиль Пало кивнул этим парням, ткнул пальцем в Пьера и сказал:

– Он с нами.

Парни не стали никого останавливать.

– Кто это? – шепотом спросил Пьер у Сильви.

– Они заворачивают обратно всех незнакомых, – объяснила девушка. – Если кто-то случайно забредет сюда, гуляя, ему растолкуют, что тут частные владения.

– А чей это лес?

– Им владеет маркиз Нимский.

– Он что, тоже с нами?

Сильви помедлила, потом одернула себя: сама же решила, что больше никаких секретов.

– Да.

Ей было известно, что среди протестантов достаточно аристократов. Их сожгли бы на костре за еретичество, как и прочих, если бы поймали, хотя, конечно, у знатных людей больше возможностей избежать наказания благодаря могущественным друзьям.

Группа приблизилась к зданию, что выглядело как заброшенный охотничий домик. Окна внизу были прикрыты ставнями, у двери густо росли сорняки, свидетельствуя, что эту дверь не открывали много лет.

Сильви знала, что в тех немногих французских городах, где протестанты составляли большинство населения, имелись настоящие храмы, а службы проводились открыто, хоть и под охраной вооруженной стражи. Но в Париже все обстояло иначе, ибо столица была оплотом католического вероисповедания; здесь хватало людей, добывавших средства к пропитанию службой церкви и монархии. Протестантов в Париже ненавидели.

Сильви с семейством обошли здание, проникли внутрь через низенькую заднюю дверь и очутились в просторной зале, где, как подумалось Сильви, охотники раньше устраивали пышные и разгульные пиршества. Теперь в зале было тихо и царил полумрак. Поперек помещения стояли рядами скамьи и табуреты, а перед ними высился стол, накрытый белой тканью. Как заведено, на простой глиняной тарелке лежал хлеб, рядом стоял кувшин с вином. Всего в домике собралось около сотни человек.

Изабель с Жилем заняли свои места, Сильви и Пьер пристроились позади. Гийом уселся на единственный табурет перед самым столом.

– Гийом – ваш священник? – прошептал Пьер.

– Пастор, – поправила Сильви. – Он пользуется правом гостя. Наш обычный пастор – Бернар.

Она указала на высокого, величавого мужчину лет пятидесяти с редующими седыми волосами.

– А маркиз тут?

Сильви огляделась и заметила дородного маркиза Нимского.

– Первый ряд, – шепнула она. – С большим белым воротником.

– В темно-зеленом плаще и шляпе – его дочь?

– Нет, это маркиза. Ее зовут Луиза.

– Молодая.

– Ей двадцать. Вторая жена.

Семейство Мориаков тоже пришло – в полном составе: Люк, Жанни и их сын Жорж, поклонник Сильви. Девушка заметила, что Жорж уставился на Пьера с изумлением и завистью. По лицу молодого человека было件нятно, что он сознает: с Пьером ему состязаться бессмысленно. Сильви позволила себе на мгновение предаться греховной гордыне. Если выбирать между ними двоими, Жорж Пьеру и в подметки не годится.

Служба началась с пения псалмов.

– Хора нет? – шепотом осведомился Пьер.

– Мы и есть хор. – Сильви нравилось петь гимны по-французски и во весь голос. Для нее это была одна из радостей, связанных с принадлежностью к тем, кто следует истинному вероучению. В обычных храмах она ощущала себя зрителем, наблюдателем, а тут принимала непосредственное участие.

– У тебя чудесный голос! – восхитился Пьер.

Она знала, что жених вовсе не льстит; голос у Сильви и вправду был хоть куда, настолько хорош, что она даже опасалась, как бы не впасть из-за него в грех гордыни.

За псалмами последовали молитвы и чтение Библии, тоже по-французски, а затем провели причастие. Никто не называл хлеб и вино плотью и кровью Христа, все знали, что это лишь символы, и оттого становилось намного проще. А в конце Гийом произнес яростную проповедь, обличая коварство и злодеяния папы Павла Четвертого. Восьмидесятиоднолетний Павел слыл нетерпимым ревнителем устоев, он взрастил инквизицию и заставил иудеев в Риме носить желтые шляпы. Его ненавидели равно католики и протестанты.

Когда служба завершилась, табуреты составили тесным кружком и началась другая часть встречи.

– Мы как бы братаемся, – пояснила Сильви для Пьера. – Делимся новостями, обсуждаем, что у кого случилось. Женщинам тоже позволяют говорить.

Первым выступил Гийом. Он произнес слова, которые изумили Сильви и остальных, – дескать, он покидает Париж.

Гийом прибавил, что был несказанно рад помочь пастору Бернару и старейшинам в обустройстве общины по правилам, составленным Жаном Кальвином в Женеве. Стремительное распространение протестантизма по Франции за последние несколько лет отчасти можно объяснить крепкими узами и дисциплиной кальвинистских общин вроде вот этой, что собирается в парижском предместье Сен-Жиль. Более всего Гийома обрадовало и даже потрясло то, что им хватило дерзости и смелости объявить о проведении в следующем году первого всеобщего французского синода.

Увы, его призывают срочные дела, другие общины тоже нуждаются в помощи. Он уедет до следующего воскресенья.

Никто не ожидал, что Гийом останется в Париже навсегда, но это объявление все равно застало врасплох. Он не заговаривал ни с кем о скором отъезде. Сильви не могла не заподозрить, что главной, если не единственной причиной столь скоропалительного убытия оказалась ее помолвка. Конечно, она попрекнула себя тем, что подошла опасно близко к тщеславию, – и прочитала про себя молитву, призывающую к смирению и уничтожению.

Следом за Гийомом заговорил Люк Мориак.

– Жаль, что ты уезжаешь так скоро, Гийом, ибо у нас есть неотложное дело, которое мы до сих пор не обсудили, и дело это – ересь среди нас самих! – Люк воинственно выпятил подбородок и подбоченился, как ведут себя обычно многие мужчины, не вышедшие ростом, хотя сам он всегда был сторонником терпимости. – Многие из нас были потрясены до глубины души, когда Кальвин велел сжечь заживо Михаэля Сервета.

Сильви, как и все присутствовавшие, знала, о ком говорит Люк. Сервет, ученый протестант, схлестнулся с Кальвином по вопросу о Троице²⁵. Его казнили в Женеве, к изумлению и гневу людей вроде Люка Мориака, полагавших, что только католики истребляют несогласных с ними.

– Это произошло пять лет назад! – недоуменно воскликнул Гийом.

– А мы до сих пор не обсудили.

Сильви воодушевленно закивала. Она была целиком согласна с Люком. Протестанты требовали терпения и терпимости от королей и епископов, которым противоречили; как же они сами могут преследовать инакомыслящих? Хотя и среди них находились те, кто, похоже, был хуже католиков с их религиозным пылом.

²⁵ Перу М. Сервета принадлежали трактаты «Об ошибочности догмата троичности» и «Диалоги о Троице», за которые он подвергся преследованиям со стороны инквизиции, но их заочная полемика по переписке с Ж. Кальвином велась вокруг трактата «Восстановление христианства», в котором Сервет отвергал идею предопределенности человеческих судеб и писал, что Бог, вопреки мнению Кальвина, не обрекает людей на адские муки – люди сами идут к этим мукам, совершая дурные поступки, наяву или хотя бы в мыслях. Считается, что Кальвин оскорбился на язвительные комментарии Сервета к его труду «Наставление в христианской вере». Так или иначе, богослова приговорила к казни инквизиция Вены, но он бежал в Женеву, где его арестовали уже протестанты. Сервета обвинили в отрицании Троицы и в савеллианстве (согласно этому учению, Лики Троицы суть «модусы» единого Бога).

Гийом примирительно махнул рукой.

– Помните о дисциплине, братья.

Ему явно не хотелось продолжать этот спор.

Сильви разозлилась из-за его снисходительного тона.

– Нам нельзя убивать друг друга! – горячо произнесла девушка. Обычно она не позволяла себе столь резких высказываний. Хотя женщинам разрешали говорить на собраниях, само собой подразумевалось, что молодым следует помалкивать. Но Сильви вдруг ощутила себя почти замужней женщиной – да и не могла молчать, когда речь зашла о таком событии. – Сервет сражался умом и своими сочинениями и ответа заслуживал того же, а никак не насилия!

Люк Мориак утвердительно кивнул, очевидно ободренный столь неожиданной поддержкой, однако некоторые более старшие женщины принялись осуждающе качать головами.

– Это не твои слова, – укорил Гийом. – Ты повторяешь Кастеллио, другого еретика.

Он был прав: Сильви по памяти повторила отрывок из памфлета Себастьяна Кастеллио²⁶ «Нужно ли преследовать еретиков?». Впрочем, она читала и другие книги в мастерской своего отца, а потому знала тезисы протестантских богословов ничуть, пожалуй, не хуже самого Гийома.

– Если угодно, вот тебе Кальвин, – сказала она. – Недостойно христианина выступать против тех, кто был отлучен от церкви. Это он изрек, когда его самого преследовали как еретика.

Кое-кто из присутствовавших нахмурился, и Сильви сообразила, что зашла, должно быть, слишком далеко, обвиняя в двуличии великого Жана Кальвина.

– Ты чересчур молода, чтобы понять, – отозвался Гийом.

– Чересчур молода? – Тут уж Сильви разъярилась окончательно. – А что же ты не попрекал меня молодостью, когда я продавала копии книг, привезенных тобой из Женевы?!

Разом заговорили сразу несколько человек, и пастору Бернару пришлось встать и призвать всех успокоиться.

– Мы не достигнем согласия за одну встречу, – увещевал он. – Давайте попросим Гийома донести нашу озабоченность до Жана Кальвина, когда он вернется в Женеву.

Люк Мориак не скрывал своего недовольства.

– А Кальвин нам ответит?

– Конечно, ответит! – Бернар не потрудился объяснить, почему он так в этом уверен. – Братья, давайте помолимся сообща перед расставанием.

Пастор закрыл глаза, обратил лицо к небесам и начал беззвучно молиться.

Наступившая тишина остудила ярость Сильви. Девушка вспомнила, с каким нетерпением ожидала этой встречи, рассчитывала представить Пьера и прилюдно назвать его своим женихом.

После молитвы община разбилась на кучки. Сильви повела Пьера по зале. Ее переполняла гордость тем, что с нею рядом столь пригожий юноша, и она старалась прятать самодовольную улыбку, но ничего не получалось – уж слишком она была счастлива.

Пьер, разумеется, был обаятелен, как и всегда. Он уважительно обращался к мужчинам, беззлобно заигрывал с пожилыми женщинами и очаровывал девушек. Еще он внимательно прислушивался к Сильви, называвшей имена, и явно пытался их запомнить, а также вежливо расспрашивал членов общины, где они живут и чем занимаются. Община всегда радовалась новым членам, а столь воспитанный юноша всем пришелся по нраву.

Сложности возникли, лишь когда Сильви представила Пьера Луизе, маркизе Нимской. Та была дочерью богатого винооторговца из Шампани. Смазливая девица с высокой грудью,

²⁶ Французский проповедник-протестант, идеологический противник Кальвина, казнь Сервета публично объявил убийством.

она, должно быть, именно этой грудью обольстила маркиза, человека средних лет. От мужа она переняла высокомерие и выказывала то по поводу и без, ибо, как полагала Сильви, не будучи урожденной дворянкой, не очень-то уверенно ощущала себя в новом положении. И язычок у нее был острый, что немедленно узнавал всякий, кому случалось ее рассердить.

Пьер совершил ошибку, обратившись к ней по-компанейски.

– Я тоже из Шампани, – сообщил он дружелюбно и с улыбкой прибавил: – Мы с вами два деревенских увальня в большом городе.

Он, конечно же, не имел в виду ничего дурного. Ни его самого, ни тем более Луизу никак нельзя было назвать деревенщиной. Это замечание было всего-навсего неудачной шуткой. Увы, он выбрал неподходящий предмет для шутки. Он вряд ли о том догадывался, но Сильви была почти уверена, что величайший страх Луизы – показаться хоть кому-то деревенской простушкой.

Маркиза побледнела, на ее лице застыла гримаса, в которой угадывались одновременно высокомерие и презрение. Она подалась назад, как если бы внезапно уловила дурной запах, и процедила, возвысив голос настолько, чтобы услышали все, стоявшие рядом:

– Даже в Шампани молодых людей, насколько я знаю, учат быть вежливыми со своими господами.

Пьер покраснел.

Луиза отвернулась и спокойно заговорила с кем-то еще, оставив Пьера и Сильви пялиться на ее гордо выпрямленную спину.

Признаться, Сильви испугалась. Маркиза ополчилась на ее жениха, и девушка нисколько не сомневалась, что этого уже не исправить. Хуже того, многие из общины слышали ее отповедь, а значит, все узнают о случившемся еще до того, как зала опустеет. Теперь они не захотят принять Пьера как одного из своих. Сильви захотелось плакать.

Потом она посмотрела на Пьера – и увидела на лице у того выражение, какого никогда прежде за ним замечала. Губы юноши искривились от гнева, в глазах сверкала ненависть. Казалось, что он вот-вот накинется на Луизу и прикончит ее.

Боже мой, подумала Сильви, надеюсь, он никогда не посмотрит так на меня.

5

Когда пришло время отправляться в постель, Элисон уже совершенно измучилась и не сомневалась, что Мария чувствует себя ничуть не лучше. Но самое главное испытание было впереди.

Торжество вышло пышным даже по меркам королевского двора. После венчания состоялся пир в архиепископском дворце, а за пиром последовал бал. Затем все переместились в Пале-де-ла-Ситэ – из-за многочисленности гостей это короткое перемещение растянулось на несколько часов, – где устроили маскарад; во дворце нашлись всевозможные забавы вроде дюжины механических лошадей, на которых катали королевских детей. А вечером подали легкий ужин; столько сладкого и вкусного в одном помещении Элисон не видела никогда в жизни. Но потом все наконец-то уgomонились; оставалось провести последнюю, заключительную церемонию.

Элисон заранее жалела Марию. Сама мысль о том, чтобы возлечь с Франциском так, как обычно возлегает женщина с мужчиной, казалась отвратительной; все равно что возлегать с братом. А если что-нибудь пойдет не так, они прилюдно выставят себя на посмешище, о котором станут судачить по всей Европе. И Мария наверняка захочет умереть... Элисон вздрогнула; за что, ну за что ее подругу обрекли на такое унижение?

Она знала, конечно, что королевские особы вынуждены примиряться с подобным бременем; такова часть цены, которую они платили за свои привилегии. Вдобавок Марии придется

пройти через это испытание без поддержки матери. Мари де Гиз правила Шотландией от имени дочери и не отважилась покинуть страну даже ради свадьбы в Париже, ибо власть католической монархии над непокорными, склонными к мятежам скоттами была хрупкой и постоянно грозила рухнуть. Порой Элисон приходило в голову, что лучше уж родиться румяной дочкой пекаря и тискаться в дверях с каким-нибудь рыжим подмастерьем.

В числе прочих придворных дам Элисон готовилась вымыть и одеть новобрачную для предстоявшего события. Ей требовалось улучшить минутку и остаться с Марией наедине.

Парадные одежды сняли. Мария волновалась и вся дрожала, но выглядела замечательно – высокая, стройная, с бледной кожей, грудками совершенной формы и длинными ногами. Дамы искупали новобрачную в теплой воде, подстригли золотистые волосы на лобке, умастили кожу благовониями. Потом помогли облачиться в ночную рубашку, расшитую золотой нитью. Мария обула атласные туфли, надела кружевной ночной чепец, набросила на плечи легкую шерстяную накидку, чтобы не замерзнуть на пути от будуара до спальни.

Словом, все было готово, однако ни одна из придворных дам не выказывала намерения удалиться. Элисон пришлось подойти ближе и прошептать Марии на ушко:

– Вели им всем подождать снаружи. Мне нужно поговорить с тобой наедине.

– О чем?

– Поверь, это очень важно.

Мария не стала спорить.

– Благодарю вас, дамы, – произнесла она, вставая. – Прошу, оставьте меня ненадолго с Элисон, чтобы мы могли пошептаться.

Дамы, большинство которых было знатнее Элисон, недовольно поморщились, но никто не стал возражать против просьбы новобрачной; одна за другой они покинули будуар.

Элисон и Мария остались одни.

Следовало торопиться, поэтому Элисон заговорила прямо, точь-в-точь как королева Екатерина:

– Если Франциск тебя не поймет, брак не признают состоявшимся. Это значит, что вас могут развести.

Мария поняла сразу.

– Если это случится, мне никогда не быть королевой Франции.

– Вот именно.

– Но откуда мне знать, справится ли Франциск? – Мария всплеснула руками.

– Этого никто не знает, – ответила Элисон. – Поэтому, что бы там ни произошло на самом деле, ты должна притвориться, будто все было как надо.

Мария кивнула, в ее взгляде сверкнула решимость, – это в ней очень нравилось Элисон.

– И как же мне убедить людей?

– Королева Екатерина дала полезный совет.

– Поэтому она позвала тебя вчера?

– Да. Она сказала, что Франциск должен взобраться на тебя и хотя бы поерзать сверху.

– Куда он денется, заберется как миленький. Вот только, боюсь, этого будет мало.

Элисон достала из кармана платья драгоценный мешочек.

– Держи. Это подарок королевы. Положи в кармашек рубашки.

– Что там?

– Кровь.

– Чья?

– Понятия не имею, – сказала Элисон, хотя, по правде говоря, у нее имелись смутные подозрения. – Не важно, чья это кровь; важно, что она должна пролиться на твою простыню. – Девушка показала Марии кончик шелковой нити у горловины мешочка. – Просто потяни, и нитка развяжется.

– По крови все решат, что я лишилась девственности. Отлично.

– Никто не должен заметить мешочек. Спрячешь его внутри себя. Ни в коем случае не вынимай.

Мария скривилась от отвращения, но это была всего-навсего мимолетная слабость; в следующий миг ее лицо вновь приобрело решительное выражение.

– Хорошо.

Элисон хотелось плакать.

В дверь постучали, женский голос произнес:

– Принц Франциск ожидает королеву Марию.

– Еще одно, – проговорила Элисон вполголоса. – Если Франциск не справится, ты никому не должна рассказывать – ни матери, ни духовнику, ни даже мне. Будешь улыбаться, смущаться и отвечать, что, мол, Франциск исполнил долг новобрачного и показал себя молодцом. Поняла?

Мария снова кивнула.

– Ты права, – промолвила она задумчиво. – Единственный способ надежно сохранить тайну – вечное молчание.

Элисон обняла подругу и попросила:

– Ты только не бойся. Франциск сделает все, что ты ему скажешь. Он от тебя без ума.

Мария выпрямилась.

– Идем.

В сопровождении фрейлин королева Шотландии медленно спустилась по лестнице на уровень королевских покоев. Ей пришлось миновать по пути просторную сторожевую, где размещались швейцарские наемники, затем переднюю, где на нее во все глаза уставились толпившиеся там придворные. Наконец она вошла в королевскую спальню.

Посреди помещения стояла кровать под натянутым на четырех опорах пологом. Саму постель застелили белыми простынями, а тяжелые и плотные портьеры и занавеси с кружевами, которые обычно задерживали, теперь свернули и привязали к опорам. Франциск стоял у кровати, облаченный в расшитую золотом и камнями накидку поверх батистовой ночной сорочки; колпак был для него велик, напал на лоб, и оттого принц выглядел сущим мальчишкой.

Еще в спальне насчитывалось десятка полтора мужчин и несколько женщин; кто стоял, кто сидел. Дядя Марии, герцог Франсуа и кардинал Шарль, тоже присутствовали. Также среди зрителей были король с королевой, родовитые сановники и церковные прелаты.

Элисон никак не думала, что соберется столько народу.

До появления новобрачной все негромко переговаривались, но стоило Марии войти, как голоса стихли.

Мария замерла.

– Занавеси задернут? – тихо спросила она.

Элисон покачала головой.

– Только кружевные, – ответила она. – Вас должны видеть.

Мария сглотнула, потом сделала шаг вперед, взяла Франциска за руку и ободряюще улыбнулась. Принц, казалось, был сам не свой от страха.

Новобрачная скинула туфли и позволила накидке соскользнуть с плеч на пол. Стоявшая на виду у пышно разодетых вельмож в одной белой рубашке из тонкого полотна, она показалась Элисон жертвой, которую привели на заклание.

Франциск, похоже, не в силах был даже пошевелиться. Мария помогла супругу снять накидку и повела его к кровати. Они возлегли на высокие перины и укрылись простыней.

Элисон поспешила задернуть кружевные занавеси. Разумеется, это обеспечивало лишь подобие уединения. Головы новобрачных были видны отчетливо, а очертания тел под простыней просматривались ясно.

Элисон затаила дыхание. Мария прижалась к Франциску, принялась шептать тому какие-то слова, которых никто не мог расслышать, – наверное, объясняла, что именно он должен сделать или хотя бы притвориться, что делает. Потом они поцеловались. Простыня зашевелилась, однако разглядеть, что происходит, не удавалось. Элисон всем сердцем сопереживала Марии. Ей вдруг представилось, как она сама впервые отдается мужчине на глазах двух десятков людей. Такое и вообразить-то невозможно! Однако Мария всегда была смелой. Элисон не могла различить лиц новобрачных, но нисколько не сомневалась, что сейчас ее подруга успокаивает Франциска и уговаривает того не обращать внимания на людей вокруг.

Вот Мария перекатилась на спину, и Франциск неуклюже взгромоздился на нее.

Элисон почудилось, что стало невыносимо жарко и душно. Получится? Нет? Если нет, сможет ли Мария сделать то, о чем они договорились? Возможно ли вообще одурачить зрителей, людей зрелых и опытных?

В спальне было тихо, слышался только голосок Марии: она продолжала что-то говорить Франциску, но слов было не разобрать. С равным успехом она могла его утешать – или давать подробные наставления.

Два тела на кровати задвигались. По положению руки Марии можно было заключить, что она направляет Франциска внутрь себя – или делает вид, что направляет.

Затем Мария издала короткий, исполненный боли возглас. Элисон не поручилась бы, что это и вправду крик боли, но зрители одобрительно зашептались. Франциск, похоже, опять перепугался и перестал двигаться, однако Мария обняла его и прижала к себе, побуждая продолжать.

Они снова задвигались, оба разом. Элисон никогда прежде не доводилось наблюдать ничего такого, поэтому она не могла оценить, насколько правдоподобно все выглядело. Девушка осторожно осмотрелась, вглядываясь в лица мужчин и женщин вокруг. Кто наслаждался зрелищем, кто брезгливо кривился, но недоверия она не заметила. Зрители как будто пребывали в убеждении, что перед ними разворачивается настоящее соитие, никак не пантомима.

Элисон понятия не имела, сколько все должно длиться. Она как-то позабыла справиться об этом у других придворных дам. И Мария тоже не спрашивала. Внутреннее чутье подсказывало Элисон, что в первый раз это происходит быстро.

Минуту или две спустя Франциск словно забился в судорогах – или Мария так пошевелила собственным телом, чтобы со стороны показалось, что ее супруг содрогается от наслаждения. Потом они оба замерли в неподвижности.

Зрители молча наблюдали.

Элисон вообще перестала дышать. Получилось? Если нет, вспомнит ли подруга о заветном мешочке?

Мария мягко высвободилась из-под Франциска и села в кровати. Какое-то время она шевелилась под простыней, очевидно натягивая через ноги ночную рубашку; Франциск продолжал то же самое.

– Отодвиньте занавеси! – повелительно произнесла Мария.

Придворные дамы поспешили исполнить это распоряжение.

Когда занавеси снова привязали к опорам полога, Мария резким движением руки откинула простыню, под которой укрывались новобрачные.

На простыне под ними алело пятнышко крови.

Вельможи и сановники захлопали в ладоши. Дело сделано, свадьба состоялась, и отныне беспокоиться не о чем.

Элисон наконец позволила себе вдохнуть. Она хлопала и веселилась наравне с остальными, но не переставала спрашивать себя, что же произошло на самом деле.

Вряд ли ей суждено узнать правду.

Глава 7

1

Нед пришел в ярость, когда сэр Реджинальд Фицджеральд отказался подписать бумаги, передававшие Элис Уиллард право на владение старым аббатством Кингсбриджа.

Для торгового города, мэром которого был Реджинальд, эта новость стала весьма неприятным потрясением. Большинство горожан заняли сторону Элис – ведь у них самих хватало соглашений, на которые они полагались. А что, если и эти соглашения примутся нарушать?

Элис придется обращаться в суд, чтобы заставить сэра Реджинальда выполнить свое обещание.

Нед ничуть не сомневался, что суд принудит мэра сдержать данное слово, но задержка поистине бесила. Им с матерью не терпелось приступить к строительству крытого рынка. В ожидании слушаний дни складывались в недели, а семейство Уиллардов тратило время впустую, не зарабатывая денег. Им еще повезло, что Элис получала скромный доход с аренды домов в приходе Святого Марка.

– Почему Реджинальд так себя ведет? – раздраженно спросил Нед. – Он же понимает, что проиграет.

– Это самообман, – объяснила Элис. – Он неудачно вложился и теперь винит всех вокруг, кроме самого себя.

Четыре раза в год особо важные иски рассматривались в четвертном суде, где заседали двое мировых судей, которым помогал клерк. Жалобу Элис должны были заслушать на июньском заседании, причем первой среди прочих исков.

В Кингсбридже заседания суда проводились в бывшем жилом доме рядом со зданием гильдейского собрания. Сами заседания проходили в бывшей столовой, а остальные комнаты превратили в личные рабочие помещения судей и клерка. Подвал дома служил временной тюрьмой.

Нед явился на суд вместе с матерью. В зале заседаний толпились горожане, оживленно обсуждавшие предстоящие слушания. Среди них был и сэр Реджинальд, которого сопровождал Ролло. Нед порадовался тому, что мэр Фицджеральд не привел Марджери: ему не хотелось, чтобы девушка стала свидетельницей унижения своего отца.

Юноша коротко кивнул Ролло. Больше не было нужды вести себя с Фицджеральдами дружелюбно – поданный иск избавил Уиллардов от необходимости притворяться. Конечно, Нед продолжал здороваться с Марджери, когда встречал ту на улице. Девушка всякий раз смущалась и испытывала неловкость, но Нед любил ее и верил, что она любит его, несмотря ни на что.

В зале также присутствовали Дэн Кобли и Донал Глостер. Поскольку иск затрагивал печальную участь «Святой Маргариты», семейство Кобли не могло не прийти: они желали знать обо всем, что касалось их прямо или косвенно.

Дэна и других протестантов, задержанных в сарае вдовы Поллард, освободили под залог – всех, кроме Филберта, которого обоснованно сочли их вожаком. Его посадили в темницу в подвале суда после допроса, устроенного епископом Джулиусом. Дело протестантов должно было слушаться завтра, причем не на четвертном суде, а на особом церковном.

Донал Глостер избежал ареста. Он не пошел со своим работодателем к вдове Поллард; по городу гуляла молва, будто он, счастливчик, валялся дома пьяным. Нед, пожалуй, готов был заподозрить, что именно Донал выдал страже место проведения протестантской службы,

однако многие горожане уверяли, что видели, как он в тот день выходил из таверны, едва держась на ногах.

Судебный пристав Пол Петтит призвал к тишине. В залу вошли двое судей. Они уселись в кресла в дальнем конце помещения. Старшим судьей был Родни Тилбери, отошедший от дел торговец тканями. Этого ревностного католика, надевшего сегодня синий с золотом дублет и щеголявшего сразу несколькими перстнями на пальцах рук, назначила королева Мария Тюдор, но Нед не ждал от него неприятностей, поскольку иск никоим образом не затрагивал вопросы веры. Другой судья, Себ Чандлер, был дружен с сэром Реджинальдом, но это вряд ли поможет мэру, ибо все факты были против него.

Присяжные, дюжина человек, все из Кингсбриджа, принесли клятву.

Ролло сделал шаг вперед и громко объявил:

– Ваши чести, с вашего позволения я буду говорить от имени своего отца.

Нед ничуть не удивился. Сэр Реджинальд славился своей вспыльчивостью и мог все испортить, не совладав в собственным норовом.

Ролло, такой же хитроумный шельмец, как его отец, умел держать себя в руках.

Судья Тилбери кивнул.

– Насколько я припоминаю, мистер Фицджеральд, вы изучали право в судебных иннах Лондона?

– Совершенно верно, ваша честь.

– Вот и славно.

Когда заседание началось, в залу вошел епископ Джулиус в своем церковном облачении. Его появление никого не удивило. Все знали, что епископ хотел вернуть аббатство церкви и что сэр Реджинальд обещал ему уступить здания задешево. Должно быть, Джулиус рассчитывал на то, что Реджинальд все-таки изыщет способ это сделать.

Элис выступила вперед, изложила суть иска и передала клерку подписанный договор с печатью.

– Сэр Реджинальд не может отрицать трех фактов, – прибавила Элис. Она говорила негромко и рассудительно, излагая общеизвестные истины. – Во-первых, он поставил подпись под договором; во-вторых, взял у меня деньги; в-третьих, не вернул эти деньги в оговоренный срок. Прошу суд признать, что тем самым он нарушил данное слово и лишился своего залога. Ведь залог для того и придумали, чтобы подкреплять сделки.

Элис, похоже, не сомневалась в победе. Нед был уверен, что ни один суд на свете не поддержит Реджинальда – если только судей, конечно, не подкупили. Но откуда бы Реджинальду взять деньги на подкуп?

Тилбери вежливо поблагодарил Элис и повернулся к Ролло:

– Что вы на это ответите, мистер Фицджеральд? На мой взгляд, дело представляется вполне очевидным.

Реджинальд вскочил, не дав сыну раскрыть рта.

– Меня обманули! – воскликнул он. Его веснушчатое лицо побагровело. – Филберт Кобли знал заранее, что «Святая Маргарита» пойдет в Кале и ее там захватят!

Вполне возможно, подумалось Неду. Филберт – скользкий тип, так и норовит вывернуться, точно свежепойманная рыбина. Но даже если так, при чем тут Уилларды? С какой стати они должны расплачиваться за коварство Филберта?

– Это ложь! – крикнул сын Филберта, Дэн Кобли. – Откуда нам было знать, что замыслил французский король?!

– Уж что-то вы точно знали! – прорычал Реджинальд.

Дэн ответил ему фразой из Библии:

– Сказано так: «Кто говорит то, что знает, тот говорит правду»²⁷.

Епископ Джулиус наставил на Дэна костлявый палец и произнес обличающим тоном:

– Вот что бывает, когда глупцам и невеждам позволяют читать Библию по-английски!

Они стараются спрятать свои прегрешения за словом Божьим!

Клерк потребовал тишины в зале, и всем пришлось уgomониться.

– Благодарю вас, сэр Реджинальд, – сказал судья Тилбери. – Увы, если даже Филберт Кобли либо иная третья сторона обманом лишила вас средств, это не повод отказываться от исполнения соглашения, заключенного вами с Элис Уиллард. Если таково основание, на коем вы отрицаете свою вину, оно ошибочно, и суд признает вас виновным.

Вот именно, подумал Нед.

Ролло поспешил вмешаться:

– Ваша честь, наше основание иное. Прошу прощения за слова моего отца. Вы должны понять, он сильно разозлился.

– Каковы же ваши доводы? Охотно их выслушаю. Думаю, присяжные разделяют мое нетерпение.

Выкладывая, подумал Нед. Неужто Ролло измыслил что-нибудь этакое? Этот негодяй всегда любил распускать руки, но глупцом его не назовешь.

– Мы полагаем, что Элис Уиллард повинна в лихоимстве, – заявил Ролло. – Она одолжила сэру Реджинальду четыреста фунтов, но потребовала, чтобы ей вернули четыреста двадцать четыре фунта. То есть она хотела взять проценты, а это преступление.

Неду вдруг припомнился разговор матери с епископом в галерее разрушенного аббатства. Элис назвала Джулиусу точную сумму долга, и епископ почему-то сразу заинтересовался озвученной цифрой. Тогда он не стал ничего уточнять, но сегодня не поленился прийти на суд. Юноша нахмурился. Договор между Элис и сэром Реджинальдом был составлен весьма тщательно, о процентах там ни словом не упоминалось, однако лихоимство, то есть ростовщичество, такое мутное понятие, что в это преступлении можно обвинить едва ли не кого угодно.

– О процентах речи не было, – твердо произнесла Элис. – В договоре сказано, что сэр Реджинальд обязуется платить ренту в размере восьми фунтов в месяц за владение аббатством, пока ссуда не будет возвращена или до уступки залога.

– С чего бы мне платить какую-то ренту? – возмутился Реджинальд. – Я сам аббатством никогда не пользовался! Это скрытое ростовщичество!

– Вы же сами предложили, – напомнила Элис.

– Меня ввели в заблуждение!

– Прошу вас! – снова вмешался пристав. – Обращайтесь к суду, а не друг к другу.

– Спасибо, мистер Петтит, – поблагодарил судья Тилбери. – Справедливое замечание.

– Суд не вправе принуждать к исполнению соглашения, которое подразумевает, что одна из сторон должна совершить преступление, – указал Ролло.

– Я уже понял вашу точку зрения, мистер Фицджеральд, – ответил Тилбери. – Вы просите установить, считаются ли дополнительные средства, подлежащие выплате по договору, обоснованной рентой или скрытой формой ростовщичества, верно?

– Нет, ваша честь. Мы просим не об этом. С вашего позволения, я хотел бы вызвать свидетеля, чьи слова не подлежат сомнению. Он докажет, что речь именно о ростовщичестве.

Нед недоуменно покачал головой. Что за чушь несет Ролло?

Судьи, похоже, были озадачены не меньше.

– Свидетеля? – переспросил Тилбери. – И кого вы намерены вызвать?

– Епископа Кингсбриджского, ваша честь.

²⁷ «Кто говорит то, что знает, тот говорит правду; а у свидетеля ложного – обман» (Притч. 12:17).

По зале прокатился гул изумленных шепотков. Такого никто не ожидал. Судья Тилбери явно оказался застигнутым врасплох. Впрочем, он быстро справился с растерянностью.

– Хорошо. Что вы хотите нам поведать, милорд епископ?

Нед скривился. Всем было известно, чью сторону занимает Джулиус.

Епископ неторопливо вышел вперед. Он шагал, выпятив подбородок и вообще всячески выказывая величие своего положения. Как и думал Нед, он поддержал обвинение:

– Эта так называемая рента совершенно очевидно являет собою замаскированные проценты. Сэр Реджинальд никак не использовал землю и здания на протяжении того времени, о котором мы говорим, и не имел ни малейшего намерения их использовать. Иными словами, перед нами грех лихоимства, коий закон признает преступлением.

– Протестую! – воскликнула Элис. – Епископ не может считаться беспристрастным свидетелем. Сэр Реджинальд в свое время обещал уступить аббатство ему.

– Как вы смеете обвинять епископа в бесчестии?! – напыщенно произнес Ролло.

– Я обвиняю тебя, – отозвалась Элис. – Это ты уговариваешь суд спросить кота, готов ли он выпустить мышь из когтей.

Зрители засмеялись, оценив шутку. Но судья Тилбери остался серьезен.

– Этот суд не вправе оспаривать слова епископа о грехе, – промолвил он сурово. – Посему присяжным, видимо, придется признать договор недействительным.

Вид у судьи был глубоко несчастный: судья прекрасно понимал, что на подобном основании можно оспорить множество соглашений, заключенных кингсбриджскими торговцами. Но Ролло своей уловкой загнал его в угол, и выбора у судьи не было.

А Ролло не успокаивался.

– Ваши чести, мы просим не только о признании соглашения недействительным. – Злобная ухмылка на его лице изрядно встревожила Неда. – Выяснилось, что Элис Уиллард повинна в совершении преступления. Потому я настаиваю на том, чтобы суд подверг ее наказанию в соответствии с законом 1552 года²⁸.

Нед понятия не имел, какие наказания прописаны в этом законе.

– Я согласна признать себя виновной, – сказала Элис, – при одном условии.

– И каком же? – уточнил Тилбери.

– В этом помещении присутствует человек, виновный в том же преступлении, и он тоже подлежит наказанию.

– Если вы имеете в виду сэра Реджинальда, преступником является заимодавец, а не тот, кто берет в долг...

– Нет, не сэра Реджинальда, ваша честь.

– Тогда кого же?

– Епископа Кингсбриджского.

Джулиус побледнел от ярости.

– Осторожнее, Элис Уиллард!

– В прошлом октябре вы заранее продали руно тысячи овец вдове Мерсер, по десять пенсов за овцу, – напомнила Элис. Вдова Мерсер подмяла под себя всю торговлю шерстью в городе. – Овец остригли в этом апреле, и миссис Мерсер продала шерсть Филберту Кобли по двенадцать пенсов за овцу, на два пенса больше, чем уплатила вам. Вы пожертвовали этими двумя лишними пенсами, чтобы получить деньги на полгода раньше. Значит, заплатили сорок процентов годовых.

Зала одобрительно загудела. Большинство зрителей были торговцами и умели считать.

²⁸ Имеется в виду парламентский закон, признававший ростовщичество «пороком, наиболее гнусным и ненавистным». По этому закону виновный лишался основной суммы кредита и процентов, подвергался штрафу и мог «по усмотрению короны» оказаться в тюрьме.

– Здесь судят не меня! – бросил Джулиус.

Элис словно не услышала.

– В феврале, – продолжала она, – вы купили камень с графских каменоломен для расширения своего дворца. Цена составляла три фунта, но графский управитель предложил скинуть шиллинг с каждого фунта, если вы заплатите вперед, и вы приняли его предложение. Камень доставили по реке спустя месяц. В итоге получилось шестьдесят процентов от первоначальной цены.

Зрители зашумели, послышались смешки, кто-то захлопал в ладоши.

– Тишина! – крикнул Петтит.

– В апреле, – гнула свое Элис, – вы продали мельницу в Уигли...

– Это не относится к делу! – перебил Джулиус. – Не стоит оправдывать себя, уверяя, с основанием или без оно, что другие люди совершали подобные преступления.

– Епископ прав, – согласился Тилбери. – Настоятельно советую присяжным признать Элис Уиллард виновной в ростовщичестве.

Нед лелеял слабую надежду на то, что купцы-присяжные отважатся возразить, однако те не посмели опротестовать столь недвусмысленное указание судьи. Мгновение спустя все они утвердительно закивали.

– Тогда переходим к рассмотрению наказания, – объявил Тилбери.

Ролло снова выступил вперед.

– Ваши чести, в законе 1552 года все сказано четко и ясно. Подсудимый лишается процентов и выданной ссуды, а также «подлежит взыскать с него пени, по воле и милости короны», если приводить точные слова.

– Нет! – крикнул Нед. Неужто матери предстоит лишиться этих треклятых четырех сотен фунтов?

Горожане разделяли его негодование; в зале недовольно зароптали. Полу Петтиту пришлось снова требовать тишины.

Мало-помалу зрители поутихли, однако судья Тилбери медлил, явно чем-то озабоченный. Вот он повернулся к своему товарищу Себу Чандлеру, и они пошептались. Затем Тилбери подозвал к себе Петтита. Тишина между тем становилась все напряженнее. Тилбери переговорил с Петтитом, который не только служил приставом, но и обладал познаниями в судействе. Похоже, они заспорили – Петтит мотал головой, не соглашаясь с судьей. В конце концов Тилбери пожал плечами и отвернулся; Себ Чандлер одобрительно кивнул, и Петтит вернулся на свое место.

Наконец Тилбери заговорил.

– Закон есть закон, – изрек он, и Нед сразу понял, что матери грозит беда. – Элис Уиллард лишается суммы, которую она ссудила, и всех дополнительных доходов с оной, будь то рента или проценты. – В зале раздались негодующие возгласы, и судье пришлось повысить голос. – Иного наказания не полагается.

Нед покосился на мать. Элис выглядела потрясенной до глубины души. До сих пор она рассчитывала на победу. Однако столкнулась со всем могуществом католической церкви в лице епископа Джулиуса, а в таких обстоятельствах любая надежда оказалась бы тщетной. Элис словно сделалась ниже ростом, побледнела и непонимающе глядела на судью. Чудилось, будто она побывала под копытами внезапно налетевшей лошади и едва сумела встать.

– Следующий иск, – объявил пристав.

Нед с матерью вышли из суда и молча двинулись по главной улице к своему дому. Нед сознавала, что отныне его жизнь полностью изменилась, однако рассудок пока отказывался признавать последствия этих изменений. Всего полгода назад он был уверен, что станет торговцем, и почти не сомневался в том, что женится на Марджери. Теперь же он остался без средств к существованию, а Марджери помолвлена с Бартом Ширингом.

Они вошли в дом.

– По крайней мере, голодать покуда не придется, – сказала Элис. – Нам оставили дома в приходе Святого Марка.

Нед не ожидал от матери такого уныния.

– Разве нет способа начать все сначала?

Элис устало покачала головой.

– Мне скоро пятьдесят, у меня уже не осталось сил. Кроме того, за последний год, сынок, я словно утратила разум. Мне следовало забрать товар из Кале, едва в июне началась война. Следовало направлять больше грузов в Севилью. И уж точно нельзя было одалживать деньги Реджинальду Фицджеральду, как бы тот ни умолял и как бы ни давил. Тебе с братом больше нечего наследовать, сам видишь.

– Барни не слишком огорчится, – сказал Нед. – Он ведь бредит морем.

– Интересно, как у него дела. Нужно известить его обо всем, если сумеем отыскать.

– Думаю, он записался в испанскую армию. – Не так давно пришла весточка от тетушки Бетси: мол, Барни и Карлос попали под подозрение инквизиции и были вынуждены немедленно покинуть Севилью. Бетси не знала, куда именно они направились, но какая-то соседка видела, как они говорили с вербовщиком на набережной.

– Ума не приложу, как мне быть с тобою, Нед, – мрачно проговорила Элис. – Я растила тебя торговцем...

– Сэр Уильям Сесил говорил, что ищет молодого человека вроде меня.

Элис заметно приободрилась.

– И правда! Я совсем забыла!

– Он тоже мог забыть.

Элис мотнула головой.

– Вряд ли он забывает хоть что-то.

Нед попытался вообразить, каково это – работать на Сесила и стать частью окружения Елизаветы Тюдор.

– Как думаешь, Елизавета может стать королевой?

– Если однажды станет, – откликнулась мать с неожиданной горечью в голосе, – надеюсь, она избавит нас от этих алчных и высокомерных епископов.

Нед ощутил воодушевление.

– Если хочешь, я поговорю с Сесилом насчет тебя, – предложила Элис.

– Не знаю, надо ли, – задумчиво ответил Нед. – Может, лучше просто явиться к нему на порог?

– А он просто велит прогнать тебя вшаей.

– Может быть, – согласился Нед. – Может быть.

2

Мсть Фицджеральдов продолжилась на следующий день.

На улице припекало, но внутри, в южном трансепте собора, было прохладно. Там собрались на церковный суд все жители Кингсбриджа, мнение которых что-то значило в городе. Церковь собиралась судить протестантов, задержанных в сарае вдовы Поллард, по обвинению в ереси. Мало кого на таких судилищах оправдывали, об этом было широко известно. Собравшихся интересовало поэтому, насколько суровым окажется вынесенное наказание.

Наиболее тяжелые обвинения выдвинули против Филберта Кобли. Когда пришел Нед, самого Филберта в соборе не было, но была миссис Кобли, безутешно рыдавшая рядом с дочерью Рут, глаза которой тоже покраснели от пролитых слез. Круглое лицо Дэна Кобли было

непривычно угрюмым. Сестра Филберта и брат миссис Кобли старались хоть как-то утешить своих родичей.

Всем заправлял епископ Джулиус. Это был его суд. Он выступал одновременно обвинителем и судьей, и в соборе отсутствовали присяжные, которых требовалось бы убеждать. Подле епископа сидел каноник Стивен Линкольн, молодой помощник, подававший Джулиусу документы и делавший пометки. За Стивеном расположился кингсбриджский декан²⁹ Люк Ричардс. Деканы не подчинялись епископам и позволяли себе порой не выполнять их распоряжения, поэтому Люк оставался сегодня единственной надеждой на милосердие.

Один за другим протестанты сознавались в своих преступлениях и отрекались от еретической веры. Тем самым они избавляли себя от физической расправы. На них налагали денежные взыскания, и большинство сразу же передавало деньги епископу.

Джулиус объявил Дэна Кобли вожаком протестантов в отсутствие отца, потому юноше вынесли приговор с дополнительным, унижительным условием: его обязали пройти по улицам Кингсбриджа в одной ночной сорочке, с распятием в руках, и читать вслух «Отче наш» на латыни.

Однако настоящим вожаком был Филберт, и все ждали, какого приговора удостоится старший Кобли.

Внезапно все взоры обратились к нефу.

Повернувшись в ту сторону, Нед увидел Осмунда Картера, в привычном кожаном шлеме и высоких зашнурованных сапогах. Рядом с Картером шагал второй стражник, и они несли деревянное кресло, на котором лежал какой-то узел тряпья. Приглядевшись, Нед понял, что это не тряпье, а человек – Филберт Кобли.

Несмотря на свой малый рост, Филберт всегда отличался умением держаться надменно, даже чванливо. Но так было раньше. Теперь его ноги безвольно свисали с кресла, руки бессильно болтались. Он непрерывно стонал и не открывал глаз. Миссис Кобли приглушенно ахнула.

Стражники поставили кресло перед епископом Джулиусом и отступили на шаг.

Ручки кресла не позволяли Филберту упасть на бок, но сидеть прямо он тоже не мог, а потому начал потихоньку сползать вперед.

Родные кинулись к нему. Дэн подхватил отца под руки и усадил обратно. Филберт закричал от боли. Рут поспешила подставить плечо, чтобы отец мог опереться.

– Фил, мой Фил! – простонала миссис Кобли. – Что эти изверги с тобою сделали?!

Нед наконец сообразил, в чем дело: Филберта пытали, должно быть, растягивали на дыбе. Привязали за запястья к двум планкам, а ноги обмотали веревкой, другой конец которой тянулся к шестерне. Когда шестерню вращали, эта веревка затягивалась, и тело жертвы подвергалось мучительному растяжению. Такую пытку церковь применяла широко, ибо духовенству запрещалось проливать кровь.

Похоже, Филберт сопротивлялся и отказывался отречься от своих убеждений; поэтому его пытали до тех пор, пока кости не выскочили из плечевых и бедренных суставов. Теперь он превратился в беспомощного калеку.

Епископ Джулиус звучным голос произнес:

– Филберт Кобли сознался в том, что лживыми речами обольщал невежд и приобщал оных к ереси.

Каноник Линкольн поднял лист бумаги.

– Вот подписанное признание.

Дэн Кобли шагнул к нему.

²⁹ Окружной викарий, исполняющий пастырские и административные обязанности на части территории епархии; при этом декан не обладает, как правило, полнотой власти.

– Покажите мне, – потребовал он.

Каноник замешкался, покосился на епископа. Церковный суд не имел никаких обязательств перед сыном осужденного. Однако Джулиус, похоже, решил, что не следует дальше злить недовольных. Он пожал плечами, и Линкольн протянул бумагу Дэну.

Тот тщательно изучил документ.

– Эту подпись поставил не мой отец! – воскликнул он и показал лист людям, стоявшим поблизости. – Вы знаете руку моего отца. Убедитесь сами, это не его подпись!

Несколько горожан утвердительно закивали.

– Он не мог писать без посторонней помощи, только и всего, – раздраженно пояснил Джулиус.

– Значит, вы пытали его, пока... – Дэн умолк, по его лицу потекли слезы, но он совладал с собой. – Вы пытали его, пока он не смог держать перо в руках, а потом говорите, будто он это подписал!

– Будто?! Ты обвиняешь епископа во лжи?

– Я лишь говорю, что мой отец не признавался в ереси!

– Откуда тебе знать...

– Он никогда не считал себя еретиком! И сознаться в том, чего нет и не было, мог только по одной причине – под пытками!

– Милость Божья помогла ему убедиться в ошибочности прежних воззрений.

Дэн выразительно посмотрел на искалеченного отца.

– Вот что случается, значит, с людьми, о спасении души которых молится епископ Кингсбриджа?

– Хватит! Суд не намерен далее выслушивать подобные оскорбления!

Тут вдруг влез с вопросом Нед Уиллард:

– А где дыба?

Трое судей-святош молча воззрились на него.

– Филберта растягивали на дыбе, это понятно, но где именно? – уточнил юноша. – Прямо тут, в соборе? Или во дворце архиепископа? В подвале здания суда? Хотелось бы знать, где установлена дыба. Думаю, жители Кингсбриджа имеют полное право это знать. В Англии пытать запрещено, требуется особое разрешение Тайного совета. Так кто же разрешил пытать задержанных в Кингсбридже?

После долгого молчания каноник Линкольн произнес:

– В Кингсбридже нет дыбы.

Нед поразмыслил над ответом.

– Выходит, Филберта пытали где-то в другом месте? По-вашему, это вас оправдывает? – Он уставил палец в епископа Джулиуса. – Хотя не важно. Филберта могли пытать хоть в Египте, но если его туда отправил епископ, значит, он и был палачом.

– Молчи, мальчишка!

Нед решил, похоже, что добился своего. Он повернулся к епископу спиной и смешался с толпой.

Декан Ричардс, высокий и сутуловатый мужчина лет сорока, поднялся со своего места.

– Милорд епископ, прошу проявить милосердие, – сказал он своим обычным примирительным тоном. – Филберт, конечно, еретик и глупец, никто этого не отрицает, но следует помнить, что он христианин и пытался по-своему почитать и восхвалять Господа. Нельзя казнить человека за это похвальное желание.

Декан сел.

Зрители одобрительно загудели, соглашаясь с Ричардсом. Большинство из них были католиками, а потому при двух предыдущих монархах считались протестантами и еретиками – и помнили, каково ощущать себя гонимыми и преследуемыми.

Епископ Джулиус одарил декана взглядом, исполненным снисходительного сожаления, и провозгласил, не ответив прямо на просьбу Ричардса:

– Филберт Кобли повинен не только в следовании ереси, но в распространении оной. Как принято при рассмотрении подобных случаев, он приговаривается к отлучению от церкви и сжиганию на костре. Приговор будет приведен в исполнение светскими властями завтра на рассвете.

В стране применялись различные казни. Знатные преступники обычно удостоивались скорейшего способа распрощаться с жизнью – им рубили головы, с одного удара, если палач оказывался искусником своего дела; правда, если топор доставался неумехе, казнь занимала добрую минуту и требовалось несколько ударов, чтобы наконец отделить голову от шеи. Изменников вешали, предварительно отрубая им руки и ноги, а потом трупы рубили на куски. Того, кто отважился ограбить храм и был пойман, ожидало свежевание – с него заживо срезали кожу остро наточенным ножом; опытный мастер-палач мог снять с человека кожу целиком с одного надреза. А еретиков сжигали.

Не сказать, чтобы приговор церковного суда потряс горожан, но все же они встретили слова епископа молчанием, в котором угадывались растерянность и страх. В Кингсбридже до сих пор никого не сжигали. Теперь, подумалось Неду, нам суждено пересечь эту роковую черту; юноша был уверен, что другие горожане испытывают схожие чувства.

Внезапно заговорил Филберт, на удивление громко и отчетливо; должно быть, он долго копил немногие остававшиеся силы ради этого мгновения.

– Хвала Всевышнему, мои мучения скоро оборвутся, но твои муки, Джулиус, богохульствующий ты дьявол, еще даже не начались! – Зрители изумленно ахнули, услышав такое оскорбление, а Джулиус в ярости вскочил. Увы, он не мог лишить осужденного последнего слова. – Знай, Джулиус, тебя ждет преисподняя, и твои муки не оборвутся никогда! И да проклянет Господь твою бессмертную душу!

Молва уверяла, что проклятие умирающего обладает особой силой. Возможно, Джулиус презирал подобные суеверия, однако все видели, что епископ испугался – и взбеленился настолько, что перестал владеть собой.

– Увести его! – крикнул епископ. – И очистите храм! Суд окончен!

После чего быстрым шагом удалился из трансепта.

Нед с матерью возвращались домой в угрюмом молчании. Фицджеральды победили. Они убили человека, который их якобы обманул, разорили Уиллардов – и помешали своей дочери выйти замуж за Неда. Поражение выглядело сокрушительным.

Джанет Файф подала скудный ужин из холодной ветчины. Элис за едой выпила несколько стаканов шерри – испанского вина, которое привозили из Севильи³⁰.

– Пойдешь в Хэтфилд? – спросила она, когда Джанет вышла.

– Пока не решил. Марджери еще не замужем.

– Даже если Барта завтра хватит кондрашка, Фицджеральды все равно не отдадут ее за тебя.

– На прошлой неделе ей исполнилось шестнадцать. А через пять лет она сама сможет выбирать, за кого выходить.

– Ты что, встанешь на прикол, как судно без команды, на такой-то срок? Не позволяй отнимать у себя жизнь.

Нед понимал, что мать права.

³⁰ Херес (шерри) стал особенно популярен в Англии после того, как Ф. Дрейк в 1587 г. разграбил Кадис и захватил почти 3000 бочонков с этим вином, но вообще английские купцы доставляли шерри в страну с конца XV столетия.

Спать он ушел рано и долго лежал, глядя в потолок. Дневные события почти убедили его, что нужно идти в Хэтфилд, однако он по-прежнему терзался сомнениями. Ведь отъезд будет означать крушение всяких надежд.

Нед заснул лишь посреди ночи, а разбудил его поутру шум снаружи. Выглянув в окно спальни, он увидел на рыночной площади с полудюжины факелов и группу мужчин, которые таскали и складывали хворост для скорой казни. Ими руководил шериф Мэтьюсон, высокий и плечистый, препоясанный мечом; ну конечно, священник может осудить человека на смерть, но ему не пристало и не позволено самому вершить приговор.

Нед набросил накидку поверх ночной сорочки и вышел из дома. В утреннем воздухе витал запах древесного дыма.

Семейство Кобли явилось на площадь в сопровождении других протестантов. Очень скоро под сенью собора собралась изрядная толпа. Первые лучи восходящего солнца заставили пламя факелов побледнеть, и стало видно, что перед собором ожидают около тысячи человек. Стражники покрикивали, отгоняя зевак на положенное расстояние.

Все разговоры в толпе стихли, когда со стороны здания гильдейского собрания показался Осмунд Картер. Вместе с другим стражником Картер опять нес деревянное кресло, на котором распростерся Филберт Кобли. Страже пришлось пустить в ход тумачи, чтобы приложить этим двоим дорогу: люди пятились неохотно, будто они были бы не прочь помешать казни, – но для открытого возмущения толпе не хватало заводилов.

Под безутешные причитания женщин из семейства Кобли беспомощного главу семьи привязали к деревянному колу, вбитому в землю. Ноги его совершенно не держали, он обвисал на веревках, и Осмунду пришлось привязать Филберта покрепче, чтобы тот не упал.

Стражники обложили кол хворостом. Епископ Джулиус начал читать молитву на латыни.

Осмунд подобрал один из факелов, при свете которых велись ночные приготовления. Он встал перед Филбертом и посмотрел на шерифа Мэтьюсона. Тот поднял руку, показывая, что нужно повременить. А сам повернулся к Джулиусу.

Миссис Кобли зашлась в истошном вопле, забилась, и родные с трудом ее удерживали.

Джулиус кивнул. Мэтьюсон опустил руку, и Осмунд поднес факел к груде хвороста у ног Филберта Кобли.

Сухое дерево занялось мгновенно; пламя взметнулось вверх, словно в приступе бесовского веселья. Филберт тоненько вскрикнул. Дым от костра повалил на стоявших ближе всех зевак, и те подались назад.

Вскоре над площадью поплыл иной запах, одновременно знакомый и отвратительный – запах жарящегося мяса. Филберт кричал не переставая, и среди воплей боли порою звучали членораздельные слова:

– Прими меня, Иисусе! Прими меня, Господи! Прими, молю!

Но Иисус не спешил снизойти к его мольбе.

Неду доводилось слышать, что милосердные судьи иногда позволяли родственникам повесить на шею осужденному мешочек с порохом, чтобы ускорить кончину жертвы. Однако Джулиус, по всей видимости, не проявил снисхождения. Нижняя часть тела Филберта сгорала в пламени, а сам несчастный еще жил. Крики, которые он выпускал в муках, невозможно было слушать, они больше походили на скулеж перепуганного животного, чем на человеческий голос.

Наконец Филберт умолк. Наверное, не выдержало сердце – или он задохнулся от дыма; а может, пламя выгло ему разум. Так или иначе, крики стихли. Огонь продолжал пылать, мертвое тело Филберта Кобли превратилось в черную головешку. От запаха подташнивало все сильнее. Нед мысленно возблагодарил небеса за то, что все закончилось.

3

За свою короткую жизнь я никогда прежде не видел ничего столь ужасного и омерзительного. Не знаю, как вообще люди могут творить подобное, и не понимаю, почему Господь это допускает.

Матушка однажды сказала – и я запомнил эти слова на все оставшиеся годы: «Когда кто-то верит, что ему ведома Божья воля, и намеревается исполнить эту волю, невзирая на цену, которую придется заплатить, такой человек становится опаснее всех на всем белом свете».

Люди стали расходиться с рыночной площади, но я задержался. Взошло солнце. Его лучи не достигали обугленных останков Филберта, ибо костер развели в могучей тени собора. Я думал о сэре Уильяме Сесиле и о нашем с ним разговоре по поводу Елизаветы в двенадцатый день Рождества. Он тогда сказал: «Она повторяла мне много раз, что, если станет королевой, постарается сделать так, чтобы ни один англичанин впредь не лишился жизни за свою веру. Сдается мне, это достойная цель».

Я еще подумал, помнится, что он лицемерит, скрывая политический расчет за напускным благочестием. Но после увиденного не мог не задуматься: неужто Елизавета и вправду сможет избавить англичан от твердолобых церковников вроде Джюлиуса и покончит с расправами наподобие той, которую мне выпало наблюдать? Неужто настанет время, когда люди различных вероисповеданий прекратят убивать друг друга?

Но станет ли Елизавета королевой после смерти Марии Тюдор? Насколько мне было известно, это зависело от того, какую помощь ей окажут. Да, на ее стороне был грозный Уильям Сесил, но одного человека, даже с его дурной славой, явно мало. Ей нужна армия сторонников.

И я могу стать одним из них.

Эта мысль согрела мое сердце, растопила лед в жилах. Я смотрел на пепел, оставшийся после Филберта Кобли, и думал, что впредь такого быть не должно. И в Англии есть люди, желающие не допускать более подобного.

Я хотел быть с ними. Хотел сражаться за Елизавету и за терпимость к вере, за которую она ратовала.

Хватит с нас костров.

Я решил отправиться в Хэтфилд.

Глава 8

1

Нед ушел из Кингсбриджа, от которого до Хэтфилда было около сотни миль. Ушел, не зная, какой прием его ожидает, примут ли его на службу или попросту высмеют и отошлют обратно несолоно хлебавши.

Первые два дня пути он провел в компании студентов, направлявшихся в Оксфорд. В те дни все предпочитали искать попутчиков – одиночек повсюду грабили, а одиноким женщинам вдобавок грозила опасность хуже ограбления.

Как и наставляла мать, Нед заговаривал с каждым, кого встречал, набираясь сведений, которые впоследствии могли пригодиться: цены на шерсть, кожу, железную руду и порох, новости о бурях и болезнях, разорениях и мятежах, свадьбах аристократов и смертях важных людей.

На ночлег он останавливался в тавернах и на постоялых дворах, нередко вынужденный делить с кем-нибудь постель; это был малоприятный опыт для юноши из купеческой семьи, привыкшего к собственной комнате и собственной кровати. Впрочем, студенты оказались приятной компанией, легко и без усилий переходили с грубых шуток на богословские диспуты и обратно. Июль в том году выдался теплым, дождей почти не было, и путешествие доставляло удовольствие.

Когда разговоры не отвлекали, Нед мучил себя сомнениями, гадая, что может ожидать его в Хэтфилде. Он рассчитывал, конечно, что его примут, как того молодого помощника, о котором упоминал Сесил. Но ведь тот же Сесил вполне может спросить: «Какой еще Нед?» Если ему откажут, совершенно непонятно, что делать и как быть дальше. Возвращаться в Кингсбридж, поджав, что называется, хвост, унижительно. Быть может, стоит пойти в Лондон и попытаться удачи в большом городе.

В Оксфорде Нед заночевал в Кингсбриджском колледже. Основанный великим приором Филиппом, мечтавшим расширить влияние аббатства, колледж уже давно сделался независимым от монастыря, однако по-прежнему принимал студентов из Кингсбриджа и давал приют горожанам.

Найти попутчиков на дорогу из Оксфорда в Хэтфилд оказалось гораздо сложнее. Большинство путников направлялось в Лондон, который лежал в стороне. Пришлось задержаться в Оксфорде, и Нед сам не заметил, как поддался чарам местного университета. Ему нравились оживленные ученые споры по любым темам, от точного местоположения Эдемского сада до вопроса, почему, если земля круглая, люди с нее не падают. Как правило, студенты после университета становились священниками, лишь немногие подавались в стряпчие или во врачи; матушка уверяла Неда, что в университетах не учат ничему полезному для торговцев. Дни, проведенные в Оксфорде, заставили его усомниться в правоте Элис. В мудрости матушке не откажешь, но и всеведущей ее не назовешь.

Спустя четыре дня, потраченных на ожидание и поиски, Нед примкнул к паломникам, что шли в собор Святого Альбана³¹. Дорога заняла три дня. А потом юноша решил, что хватит осторожничать, и в одиночку преодолел последние семь миль от Сент-Олбанса до Хэтфилда.

Король Генрих Восьмой отобрал дворец Хэтфилд у епископа Илийского и время от времени отсылал туда своих детей. Елизавета провела в этом дворце большую часть своего детства. А потом, насколько было известно Неду, старшая сводная сестра Елизаветы, Мария Тюдор,

³¹ Святой мученик, погибший во время гонений на христиан при императоре Диоклетиане; был казнен в городе Веруламий (ныне Сент-Олбанс в 30 км от Лондона). Аббатство на месте его гибели появилось в конце VIII столетия.

сочла, что родственнице лучше оставаться там под присмотром. Хэтфилд лежал в двадцати милях к северу от Лондона; это день пути пешком – или полдня верхом. Тем самым Елизавету не пускали в сам Лондон, где она могла бы превратиться в досадную помеху короне, но держали достаточно близко, чтобы она не вздумала своевольничать. Не то чтобы ее превратили в пленницу, однако покидать дворец по собственной воле ей запрещалось.

С пригорка, на который взбегала дорога, дворец был виден как на ладони. Более всего он смахивал на громадный сарай или амбар, выстроенный из красного кирпича. Слюдяные окна в стенах посверкивали на солнце. Подойдя ближе, Нед увидел, что на самом деле дворец представляет собой четыре здания, соединенных друг с другом и поставленных квадратом, а просторный внутренний двор вмещает сразу несколько лужаек для игры в теннис.

Мрачные предчувствия только усугубились, когда Нед разглядел многолюдье челяди возле дворца – конюхов, прачек, посыльных. Только теперь он сообразил, что Елизавета, пусть и в немилости у старшей сестры, оставалась особой королевской крови, а потому должна была содержать большой двор. Наверняка на нее жаждет работать множество людей. Наверняка ее слуги прогоняют таких вот охотников до службы каждый божий день.

Юноша приблизился и огляделся. Вокруг сновали люди, занятые своими делами, и никто не обращал на него внимания. Сесил вполне мог уехать; раньше эта мысль как-то не приходила Неду в голову, но ведь Сесил говорил, что ему требуется помощник, потому что сам он не может все время оставаться в Хэтфилде.

Нед отважился подойти к пожилой женщине, отстраненно чистившей грушу.

– Добрый день, мистрис³², – поздоровался он вежливо. – Где я могу найти сэра Уильяма Сесила?

– Спроси у толстяка, – ответила женщина и ткнула пальцем в сторону дородного, хорошо одетого мужчины, которого Нед как-то проглядел. – Его зовут Том Парри.

Нед послушался.

– Добрый день, мистер Парри. Я пришел повидать сэра Уильяма Сесила.

– Многие хотят с ним повидаться, – лениво отозвался Парри.

– Если вы передадите ему, что пришел Нед Уиллард из Кингсбриджа, он вам спасибо скажет.

– Да неужели? – Парри недоверчиво хмыкнул. – Из Кингсбриджа, значит?

– Верно. Прямо оттуда.

Парри и не подумал удивиться.

– Пришел, говоришь? Ну да, не прилетел же.

– Будьте добры, известите его обо мне.

– А если он спросит, по какому делу пришел Нед Уиллард, что мне отвечать?

– По важному делу, которое мы с ним обсуждали у графа Ширинга в двенадцатый день Рождества.

– Ладно, сэр Уильям с графом, а ты-то к ним как затесался? – Парри усмехнулся. – Небось вино подавал?

Нед позволил себе улыбнуться.

– Нет. Как я уже сказал, дело важное. И тайное. – Если его и дальше будут столь бесцеремонно допрашивать, он наверняка вспылит, так что пора заканчивать беседу. – Заранее благодарю.

Юноша было отвернулся, но уйти не успел.

– Ладно, ладно, чего взъелся-то? – Парри хмыкнул. – Идем со мной.

³² Старая форма современного обращения «миссис».

Следом за Парри Нед вошел внутрь. В доме было сумрачно и неуютно; да, Елизавета содержала королевский двор, но щедрость короны, очевидно, не распространялась на подновление дворца и смену обстановки.

Парри открыл какую-то дверь, заглянул в нее и произнес:

– Сэр Уильям, вы примете некоего Неда Уилларда из Кингсбриджа?

– Конечно, – ответил мужской голос.

Парри повернулся к Неду.

– Заходи.

Помещение было просторным, но скудно обставленным и напоминало скорее рабочую комнату, с учетными книгами на полках, чем приемную. Сесил сидел за письменным столом, который загромождали перья, чернильницы, бумаги и сургуч. На сэре Уильяме был черный бархатный дублет, слишком теплый на вид для лета; но этот вельможа вел, должно быть, мало-подвижный образ жизни и потому мерз, а Нед вдобавок как следует прогрелся на солнышке.

– Как же, как же, помню, – проговорил Сесил, увидев Неда. – Сын Элис Уиллард. – Его тон был не дружелюбным и не враждебным – так, настороженным. – Матушка в добром здравии?

– Она потеряла все свои деньги, сэр Уильям, – честно ответил Нед. – Наши товары были в основном в Кале.

– Она не единственная, кого постигла сия незавидная участь. Мы поступили глупо, объявив войну Франции. Но что привело тебя ко мне? Я же не могу вернуть Кале.

– Когда мы с вами беседовали на пиру у графа Суизина, вы сказали, что ищете молодого человека вроде меня себе в помощники на службе у леди Елизаветы. Матушка тогда ответила вам, что меня ждет семейное дело, а потому я не гожусь. Но теперь никакого дела не осталось. Я не знал, удалось ли вам кого-то найти, и...

– Удалось, – коротко бросил Сесил, и сердце Неда упало. Но Сесил прибавил: – Мой выбор оказался поспешным и неудачным.

Нед снова воодушевился.

– Я сочту за великую честь, если вы решите, что я вам подхожу, – выпалил он.

– Не знаю, не знаю, – задумчиво произнес Сесил. – Это не та должность, на которой можно бездельничать при дворе за деньги. Придется много работать.

– Я не боюсь работы.

– Может, и так. Прости мою откровенность, но из богатых сыночков, для чьих семей настали дурные времена, редко получают хорошие помощники; они слишком привыкли распоряжаться, и им бывает непросто свыкнуться с тем, что ими командуют, а они должны подчиняться, сразу и беспрекословно. Таким нужны деньги, и только.

– Денег мне мало.

– Вот как?

– Сэр Уильям, две недели назад в Кингсбридже сожгли протестанта. Впервые за все время. – Нед знал, что должен сохранять хладнокровие, но едва сдерживался. – Я видел, как он погибает в муках, и вспомнил ваши слова. Вы говорили, будто Елизавета считает, что никто не обязан погибать за веру.

Сесил кивнул.

– Я хочу, чтобы она стала королевой! – пылко воскликнул Нед. – Чтобы наша страна стала таким местом, где католики и протестанты не убивали бы друг друга. Когда наступит этот миг, я хочу быть вместе с вами и помочь Елизавете взойти на трон. Вот почему я пришел к вам.

Сесил пристально посмотрел на Неда, словно стараясь заглянуть тому в сердце и понять, насколько юноша искренен. После долгого молчания он сказал:

– Хорошо, давай попробуем.

– Спасибо! – От радости Нед едва не расплакался. – Клянусь, вы не пожалеете!

Нед по-прежнему был влюблен в Марджери Фицджеральд, но без раздумий возлег бы с Елизаветой, если бы та его поманила.

Ее нельзя было назвать красавицей: облик портили крупный нос и маленький подбородок, а глаза были посажены чересчур близко друг к другу. Тем не менее она обольщала буквально с первого взгляда – изумительно умная, очаровательная, как котенок, и бесстыдно кокетливая. Исходивший от нее соблазн нисколько не преуменьшали ни властность Елизаветы, ни случавшиеся порой приступы раздражительности. Мужчины и женщины продолжали восхищаться ею, даже если она жестоко их бранила и высмеивала. Нед никогда прежде не встречал никого, хоть отдаленно с нею схожего. Она подавляла и притягивала.

Елизавета говорила с ним по-французски, подшучивала над его слабыми познаниями в латыни и разочаровалась, когда он признался, что не в силах помочь ей лучше освоить испанский. Она позволяла Неду читать книги из своей библиотеки, но при условии, что он станет обсуждать прочитанное с нею. Она задавала ему вопросы по поводу финансов, и из этих вопросов становилось ясно, что в делах она разбирается ничуть не хуже его самого.

Всего через несколько дней Нед узнал два важных обстоятельства.

Во-первых, Елизавета не строила козней против королевы Марии Тюдор. На самом деле измена была для нее отвратительна, и это отвращение казалось Неду неподдельным. При этом Елизавета осознанно и твердо готовилась предъявить свои права на престол после смерти Марии, когда бы та ни случилась. Западня, которую Сесил раскинул в Кингсбридже на Рождество, была частью плана; по этому плану он и прочие советники и соратники Елизаветы посещали важнейшие города страны, чтобы оценить степень поддержки – и силу сопротивления. Нед все больше восхищался Сесилом: этот человек мыслил на много шагов вперед и четко представлял, что будет означать тот или иной шаг для принцессы, которой он служит.

Во-вторых, Елизавета была протестанткой, сколько бы Сесил ни уверял, что она не отдает предпочтения ни одному вероисповеданию. Она ходила к мессе и соблюдала все католические обряды, как от нее ожидали, но все это было показным рвением. Втайне она часто обращалась к эразмовым «Парафразам к Новому Завету». А больше всего принцессу выдавали ругательства. Когда бранилась, она употребляла слова, которые католики сочли бы оскорбительными. На людях, разумеется, она использовала выражения, которые звучали не столь кощунственно: просто «кровь» вместо «клянусь кровью Христовой», просто «раны» вместо «Христовых ран», «чрево» вместо «Приснодева». Но в тесном кругу вела себя свободнее, клялась мессой и частенько упоминала «тело Христово».

По утрам она занималась с наставниками, а Нед усаживался за учетные книги в приемной Сесила. Имущества у Елизаветы было в достатке, и частью обязанностей Неда являлось следить за тем, чтобы все положенные средства уплачивались ей полностью и в срок. После полуденной еды Елизавета отдыхала и порой приглашала доверенных слуг поболтать. Все собиравались в комнате, известной как «епископская»; там стояли самые удобные во всем дворце стулья, имелась доска для шахмат – и верджинел, клавиши которого принцесса иногда перебирала. Среди тех, кого Елизавета приглашала, всегда была ее камеристка Нелл Бэйнсфорд, а время от времени приглашения удостоивался и казначей Том Парри.

Нед, конечно, не принадлежал к этому узкому кружку доверенных лиц, но однажды, когда Сесил отсутствовал во дворце, его позвали обсудить, как отметить двадцать пятый день рождения Елизаветы, 7 сентября; до праздника оставалось чуть больше двух недель. Возник спор, следует ли устроить пышное празднество в Лондоне, для чего потребуются разрешение королевы, или можно обойтись скромным торжеством в Хэтфилде, где можно творить все, что заблагорассудится.

В разгар этого спора и прибыл неожиданный гость.

Сперва по двору простучали копыта, сразу несколько лошадей проскакали под надвратной аркой. Нед поспешил к слюдяному окну и выглянул наружу, силясь рассмотреть, кто приехал. Во дворе обнаружили шестеро всадников, восседавших на могучих, явно дорогих лошадях. Из конюшни выбежали конюхи, чтобы помочь гостям. Нед пригляделся к чужакам и, к своему изумлению, узнал одного из них.

– Это же граф Суизин! – воскликнул юноша. – Что ему тут нужно?

Первая мысль, пришедшая Неду на ум, была связана с Марджерии. Неужто граф прискакал сообщить, что помолвка его сына Барта разорвана? Да нет, чушь какая! Даже если помолвку отменили, кто такой Нед, чтобы сам граф потруился ему о том сообщить?

В чем же причина?

Гостей проводили внутрь, забрав у них пропыленные дорогой плащи. Несколько минут спустя в епископскую пришел слуга, поведавший, что граф Ширинг просит встречи с леди Елизаветой. Елизавета ответила, что примет его прямо сейчас.

Граф Суизин был крупным мужчиной с громким голосом; войдя, он словно заполнил собою все помещение. Нед, Нелл и Том тут же встали, но Елизавета осталась сидеть, как бы давая понять, что королевская кровь в ее жилах значит куда больше, чем старшинство Суизина по возрасту. Граф низко поклонился, но заговорил почти по-домашнему, будто дядя обращался к племяннице:

– Рад видеть вас столь цветущей и столь прекрасной.

– Не чаяла вас увидеть, граф, и несказанно рада встрече. – Тон Елизаветы выдавал настоянность; принцесса, похоже, не доверяла Суизину, и у нее, как подумалось Неду, были для того веские основания. Истовые католики вроде Суизина многое обрели при королеве Марии Тюдор и потому страшились возрождения протестантизма; им нисколько не хотелось, чтобы Елизавета взойшла на трон.

– Столь прекрасная! И всего-то почти двадцать пять! – продолжал Суизин. – Мужчинам с горячей кровью, наподобие меня, больно видеть, как этакая красота пропадает понапрасну. Прошу прощения за вольность, но я привык говорить прямо.

– Неужели? – холодно отозвалась Елизавета. Она не терпела никаких намеков на плотские радости, тем более в шутливых и громогласных речах.

Суизин ощутил недовольство принцессы и потому перевел взгляд на троих слуг за ее спиной. Он явно спрашивал себя, не стоит ли попросить у принцессы встречи наедине. Неда он сразу узнал и слегка удивился, но вслух ничего не сказал, а снова повернулся к Елизавете.

– Милая, мы можем побеседовать вдвоем?

Этакая беспричинная непринужденность в общении отнюдь не была способом покорить сердце Елизаветы. Она была младшей дочерью в семье, вдобавок, как поговаривали, незаконнорожденной, и потому чрезвычайно остро воспринимала любые проявления неуважения к себе. Но Суизин был слишком глуп, чтобы догадаться об этом.

– Леди Елизавете запрещено оставаться наедине с мужчиной, – сказал Том Парри. – Таково повеление королевы.

– Чепуха! – фыркнул Суизин.

Неду отчаянно хотелось, чтобы в комнате появился сэр Сесил. Все-таки слугам слишком рискованно противиться графу. Не исключено, кстати, что Суизин нарочно выбрал для своего приезда тот день, когда во дворце нет никого из старших советников Елизаветы.

Что же он замыслил?

– Елизавете нечего опасаться, – заверил Суизин и хохотнул. От этого звука Неда пробрал холодок.

Елизавета зримо оскорбилась.

– Опасаться? – повторила она, повышая голос. Ей была ненавистна сама мысль о том, что в ней видят слабую и хрупкую женщину, которой требуется покровительство. – Почему я должна кого-то опасаться? Я поговорю с вами наедине, граф!

Слуги неохотно вышли из комнаты.

Закрыв за собой дверь, Том Парри спросил у Неда:

– Что он за тип? Ты ведь его знаешь, верно?

– Он склонен к насилию, – ответил Нед. – Нам лучше держаться поблизости. – Он вдруг понял, что Том и Нелл ждут его указаний. Пришлось думать быстро. – Нелл, попросите на кухне, пусть принесут вино для гостей.

Если понадобится войти в комнату, вино будет отличным предлогом.

– Как он поступит, если мы вернемся? – спросил Парри.

Неду вспомнилось поведение Суизина в тот день, когда пуритане ушли с пьесы.

– На моих глазах он пытался убить человека, который нанес ему оскорбление.

– Боже милосердный!

Нед прижался ухом к двери. Он мог различить два голоса – громкий мужской и пронзительный женский. Слов было не разобрать, но тон оставался спокойным, пусть и не вполне дружелюбным; значит, пока Елизавете ничто не угрожает.

Юноша попробовал вообразить, что, собственно, происходит за дверью. Внезапное пришествие Суизина должно быть как-то связано с престолонаследием. Это единственная причина, по которой могущественный сановник мог проявить интерес к Елизавете.

Неду сразу вспомнилось широко обсуждавшееся предложение устранить всякие помехи для престолонаследия, выдав Елизавету замуж за ревностного католика. Почему-то считалось, что в делах веры она непременно подчинится своему мужу. Ныне, узнав Елизавету поближе, Нед сомневался, что из такой попытки выйдет толк, но другие-то думали иначе. Испанский король Фелипе предлагал ей в мужа своего двоюродного брата, герцога Савойского³³, однако Елизавета ответила отказом.

Неужто Суизин решил сам жениться на Елизавете? Вполне возможно. Скажем, вознамерился соблазнить ее прямо во дворце. Или же рассчитывает, что, если он проведет с нею довольно времени в уединении, подозрения разойдутся широко, или брак окажется для нее единственным способом спасти свою честь.

Что ж, он далеко не первый. Когда Елизавете было четырнадцать, сорокалетний Томас Сеймур затеял с нею любовные шашни и стал поговаривать о женитьбе. Закончил Сеймур на плахе, его казнили за измену, пусть вольности, которые он допускал с Елизаветой, были не первыми среди его прегрешений. Неду подумалось, что храбрый до безрассудства граф Суизин вряд ли уstraшит судьбой Сеймура – уж слишком ценен приз.

Тон разговора за дверью изменился. Теперь уже Елизавета повысила голос и чего-то требовала, а Суизин, похоже, пытался ее успокоить – и говорил настолько слащаво, что это звучало почти похотливо.

Если и вправду случится что-нибудь недостойное, Елизавета может позвать на помощь. Вот только она никогда не признавала, что нуждается в помощи. А Суизин отыщет возможность принудить ее замолчать.

Вернулась Нелл – с подносом, на котором стояли кувшин с вином, два кубка и блюдо с пирожными. Нед вскинул руку, останавливая камеристку.

– Пока рано, – прошептал он.

Мгновение-другое спустя Елизавета издала звук, более всего напоминавший вопль. Потом раздался грохот, и что-то задребезжало – должно быть, на пол упало блюдо с яблоками.

³³ Сестра матери герцога Эммануила-Филиберта была замужем за королем Испании Карлом Пятым, следовательно, Карлу герцог приходился племянником, а королю Филиппу – собственным братом (по браку родителей).

Нед помедлил, не зная, что предпринять. Крик не повторился, наоборот, наступила нехорошая тишина. Эта тишина была более зловещей, чем любой возглас.

Не в силах справиться со страхом, юноша рывком распахнул дверь, выхватил из рук Нелл поднос и шагнул внутрь.

В дальнем конце комнаты граф Суизин стискивал Елизавету в медвежьих объятиях и пытался ее поцеловать. Наихудшие подозрения Неда оправдывались.

Елизавета мотала головой, стараясь увернуться от губ графа. Ее кулачки барабанили по могучей спине Суизина – разумеется, граф не обращал на это ни малейшего внимания. Принцесса сопротивлялась, это сообразил бы любой дурак, но Суизин не знал и не стремился узнать иного способа ухаживания. Он воображал, что может одолеть всякую женщину своим пылом, подчинить грубой силой, в которую она рано или поздно влюбится, сраженная его неоспоримой мужественностью.

Но Елизавету так было не покорить, даже останься Суизин последним живым мужчиной на всем белом свете.

– Угощение для графа! – громко объявил Нед. Его всего корежило от страха, однако он ухитрился выкрикнуть эти слова вполне жизнерадостно. – И стаканчик вина, если граф пожелает!

Юноша поставил поднос на столик у окна.

Суизин повернулся к Неду, продолжая обнимать Елизавету своей толстенной левой рукой, и прорычал:

– Прочь отсюда, ты, недоносок!

Нед откровенно не понимал, почему Суизин не желает угомониться. Даже графа могут казнить за насилие, особенно если найдутся три свидетеля, готовых подтвердить его гнусные намерения, – а Нелл и Том застыли в дверном проеме, чрезмерно потрясенные увиденным, чтобы войти.

Впрочем, Суизин никогда не отличался умом.

Нед сказал себе, что никуда не уйдет – не сейчас.

Усилием воли он заставил руки не трястись и налил вина в один из кубков.

– Еще повара испекли пирожков для графа. Вы наверняка проголодались с дороги, ваша милость.

– Отпустите мою руку, Суизин! – потребовала Елизавета. Граф держал ее крепко. Хотя на левой руке у него недоставало двух с половиной пальцев, это увечье нисколько не помогло Елизавете высвободиться.

Суизин оскалился и положил другую руку на рукоять кинжала на поясе.

– Пошел прочь, Уиллард! Немедленно! Иначе я перережу тебе глотку, Богом клянусь!

Нед знал, что с графа станет исполнить эту угрозу. В своем замке, обуянный яростью, он искалечил нескольких слуг; скандалы всякий раз удавалось замять угрозами и подкупом. А если Нед вздумает защищаться, его самого могут повесить за то, что поднял руку на графа.

И все же он не мог оставить Елизавету.

Графские слова натолкнули его на свежую мысль.

– На конюшне случилась драка, – зачастил он, придумывая на ходу. – Двое ваших спутников что-то не поделили между собой. Конюхи их растащили, но один, как мне сказали, серьезно ранен. Его ударили ножом.

– Треклятый лжец! – процедил Суизин, но было ясно, что он сомневается, не говорит ли Нед правду. Эта нерешительность остудила его пыл.

За спиной у Неда Том и Нелл наконец отважились войти в комнату. Нелл опустилась на колени и принялась собирать с пола осколки блюда из-под яблок. Том же, мгновенно сообразив, как обстоит дело, поддержал выдумку Неда:

– Ваш человек истекает кровью, граф Суизин.

Здравый смысл понемногу возвращался к графу. Суизин, похоже, догадался, что не сможет убить сразу троих слуг Елизаветы, не вовлекая себя в неприятности. А попытка ободрения, как он это понимал, провалилась. Сверкая глазами, он выпустил руку Елизаветы. Та поспешила отойти и принялась потирать запястье.

Раздраженно фыркнув, Суизин стремительно выскочил из комнаты.

Нед чуть не лишился чувств от облегчения. Нелл залилась слезами. Том Парри сделал глоток вина прямо из кувшина.

– Миледи, – проговорил Нед, – идите к себе в покои вместе с Нелл и закройте дверь на засов. Том, нам с вами тоже лучше исчезнуть.

– Согласна, – произнесла Елизавета, но сразу не ушла. Вместо этого она шагнула к Неду и спросила негромко: – На конюшне никто не дрался, верно?

– Нет, миледи. Я все придумал, ничего другого в голову не лезло.

Она улыбнулась.

– Сколько тебе лет, Нед?

– Девятнадцать, миледи.

– Ты готов был отдать за меня свою жизнь. – Елизавета приподнялась на цыпочках и поцеловала его прямо в губы, коротко и нежно. – Спасибо.

И вышла из комнаты.

3

В большинстве своем люди мылись дважды в год, весной и осенью, но принцессы блюли чистоту, поэтому Елизавета совершала омовения куда чаще. Всякий раз купание превращалось в торжественную церемонию, служанки приносили из кухни огромные двуручные чаны, наполненные горячей водой, в спальню принцессы и торопились донести драгоценный груз, покуда вода не остыла.

Елизавета вымылась на следующий день после приезда Суизина, словно для того, чтобы смыть отвращение. О Суизине она после подаренного Неду поцелуя и словом не обмолвилась, но Нед решил, что завоевал доверие принцессы.

Он сознавал, конечно, что обзавелся врагом в лице могущественного графа, однако надеялся, что вражда не затянется надолго: Суизин славился буйным норовом и мстительностью, но, насколько было известно Неду, не отличался злопамятностью. Если повезет, граф будет таить злобу на Неда лишь до тех пор, покуда ему не подвернется свежая цель.

Сэр Уильям Сесил вернулся во дворец вскоре после отбытия Суизина и на следующее утро, как обычно, усадил Неда за работу. Приемная Сесила располагалась в том же крыле, что и личные покои Елизаветы. Сэр Уильям отправил юношу к Тому Парри за сводкой расходов по другому зданию, которое тоже принадлежало Елизавете. Возвращаясь с тяжелой книгой под мышкой, Нед свернул в коридор, где пол был мокрым от воды, пролитой служанками. Проходя мимо покоев принцессы, он увидел, что дверь открыта, и совершил глупость – заглянул внутрь.

Елизавета только-только выбралась из ванны. Ту отгораживала ширма, но принцесса как раз шагнула к столику, чтобы подобрать большую белую простыню и вытереться досуха. Конечно, возле ванны должна была бы стоять служанка с полотенцем наготове, а дверь должна была бы оставаться закрытой, но кто-то поленился сделать все как нужно, а Елизавета всегда действовала решительно, не дожидаясь нерадивых слуг.

Нед никогда прежде не видел обнаженной женщины. Сестер у него не было, с подружками он настолько далеко в любовных играх не заходил, а веселых домов не посещал.

Он замер, забыв, как дышать. Горячая вода, исходя паром, стекала с молочно-белых плеч Елизаветы на маленькие груди, скользила по крутым бедрам и крепким и стройным ногам,

привычным к езде верхом. Кожа принцессы сверкала белизной, а волосы на лобке были чудесного золотисто-рыжего оттенка. Нед понимал, что ему следовало немедленно отвернуться, но его словно околдовали, и он застыл в неподвижности.

Елизавета перехватила его взгляд и вздрогнула от испуга, однако испуг длился лишь мгновение. Она протянула руку, коснулась двери.

И улыбнулась.

В следующий миг дверь захлопнулась.

Нед опрометью понесся по коридору. Сердце колотилось в груди, как большой барабан. За такое преступление его должны были вышвырнуть из дворца, посадить в колодки или выпороть. Возможно, и то, и другое, и третье. Но он улыбался.

И она улыбнулась ему.

Эта улыбка была теплой, дружеской, быть может, слегка игривой. Нед без труда мог бы вообразить такую улыбку на лице обнаженной женщины, глядящей на мужа или на возлюбленного. Улыбка будто говорила, что тот кусочек запретной красоты, который ему показали, способен стать залогом грядущей радости.

Нед никому об этом не рассказал.

Тем вечером он ожидал вспышки ярости, однако так и не дождался. Елизавета ни словом не упомянула о случившемся – никому. Мало-помалу Нед уверился, что его не станут наказывать. А потом вдруг засомневался, да было ли все это на самом деле. Скорее всего, ему просто привиделось. Это был сон наяву.

Но он знал, что будет помнить этот сон до конца своих дней.

4

В первый раз Барт поцеловал Марджери в новом доме, Прайори-гейт.

Сэр Реджинальд Фицджеральд, леди Джейн и Ролло с гордостью показывали дом графу Суизину. Марджери следовала за родителями, а ее сопровождал Барт, вернувшийся из гавани Кума, ибо угроза французского вторжения как будто миновала. Марджери знала, что сэр Реджинальд, как и обещал, продал здания и земли аббатства обратно капитулу. Он не стал задираť цену, но получил достаточно средств для того, чтобы завершить строительство нового дома.

Дом представлял собой внушительное сооружение на рыночной площади, из того же бледного известняка, из которого был сложен собор. Ряды высоких окон будто перетекали в вереницу длинных печных труб. Внутри же казалось, что повсюду, куда ни взгляни, сплошные лестницы и десятки очагов. Пахло свежей краской, некоторые очаги дымили, отдельные двери не желали закрываться как следует, но в доме уже можно было жить, и слугам поручили перенести мебель из старого дома.

Марджери здесь не нравилось. Лично ей Прайори-гейт напоминал – и всегда будет напоминать, думала девушка – о кровопролитии и обмане. Филберта Кобли сожгли заживо, Элис Уиллард разорили, и все ради того, чтобы достроить этот дом. Да, Филберт и Элис оказались грешниками и потому подлежали наказанию, но воспитанная в уважении к учению церкви Марджери не могла примириться с тем, что суровая кара проистекала из дурных побуждений. Епископ Джулиус вернул церкви аббатство, а отец Марджери присвоил себе чужие деньги, которые ему не принадлежали, сколько бы он ни лукавил.

Девушкам не пристало забивать себе головки такими мыслями, но Марджери никак не могла от них отделаться и потому злилась. Дурные поступки епископов и светских католических властей были одной из причин появления протестантизма. Неужели родители этого не понимают? Увы, поделата она ничего не могла, и оставалось только скрипеть зубами от злости.

Когда вступили в Длинную галерею, Барт, тащившийся позади, неожиданно потянул Марджери за локоть; а когда все скрылись из виду, он ее поцеловал.

Марджери знала, что должна полюбить Барта, высокого, привлекательного и всегда хорошо одетого, ведь его выбрали ей в мужья ее родители, чья власть над детьми установлена и заповедана Богом. Поэтому она ответила на поцелуй, приоткрыла губы и позволила Барту провести руками по ее телу, положить ладонь на грудь и даже надавить рукой на заветное место между бедер. Было трудно, потому что она не могла забыть, как целовалась с Недом в этом самом доме, достроенном лишь наполовину. Девушка попыталась воскресить те ощущения, которые испытала, когда была с Недом. У нее не то чтобы получилось, но воспринимать приставания Барта стало чуть проще.

Наконец она вырвалась из объятий – и увидела, что за ними наблюдает Суизин.

– А мы-то гадали, куда вы двое подевались. – Граф заговорщицки ухмыльнулся и скабречно подмигнул. Жуть какая, подумала Марджери; значит, все это время он стоял и пялился на них.

Затем хозяева и гости расселись в помещении, которое должно было стать приемной сэра Реджинальда, чтобы обсудить свадьбу. До события оставался всего месяц. Марджери и Барту предстояло повенчаться в кингсбриджском соборе, а потом состоится пиршество в новом доме. Марджери заказала себе свадебное платье из бледно-голубого шелка и затейливый головной убор – ей такие очень нравились. Граф Суизин захотел узнать все подробности ее наряда, словно сам собирался на ней жениться. Родителям тоже пришлось заказывать себе новые одежды, а еще следовало принять множество других решений, больших и малых. На пиру гостей надо было не просто поить и кормить, но и развлекать, а всем, кто придет в тот день к воротам дома, сэр Реджинальд пообещал бесплатно наливать пиво.

Когда речь зашла о том, какая пьеса лучше всего подойдет для завершения торжеств, вошел старший конюх Перси, а за ним следовал незнакомый молодой человек, весь в дорожной пыли.

– Гонец из Лондона, сэр Реджинальд, – известил Перси. – Говорит, у него дело, не терпящее отлагательств.

Сэр Реджинальд пристально поглядел на гонца.

– Ну, что такое?

– Я привез письмо от Дейви Миллера, сэр.

Миллер был торговым представителем Фицджеральдов в Лондоне.

Гонец протянул мэру Кингсбриджа тонкий свиток в коже.

– Скажи на словах, не тяни! – бросил сэр Реджинальд.

– Королева больна.

– Что с нею?

– Врачи говорят, что в ее женском естестве растет зараза, которая раздувает ей живот.

– Ага! – воскликнуло Ролло. – Те мнимые беременности...

– Все настолько плохо, что она то и дело лишается чувств.

– Бедняжка, – проговорила Марджери. По правде сказать, к Марии Тюдор она испытывала двойственные чувства. Королева не могла не вызывать восхищения своей целеустремленностью и твердостью веры, но вот сжигать протестантов – это неправильно. Почему, ну почему люди не могут быть одновременно верующими и милосердными, как Иисус?

– Что врачи обещают? – обеспокоенно спросил Ролло.

– От смерти ее отделяют месяцы, но она уже не поправится.

Марджери заметила, что с лица Ролло сползает румянец. Спустя миг она сообразила, чего испугался брат.

– Новости хуже некуда, – сказал Ролло. – У Марии Тюдор нет детей, а молодая Мария Стюарт сама лишила себя трона, выйдя замуж за этого убогого французского калеку. Значит,

королевой суждено стать Елизавете Тюдор, а все попытки подчинить ее чужой воле провалились.

Марджери осознала все последствия вестей, доставленных из Лондона, чуть позже брата, но была с ним целиком согласна. К такому же мнению пришли, по-видимому, ее отец и граф. Англии грозила опасность вновь рухнуть в пучину ереси.

Девушка невольно содрогнулась.

– Нельзя допустить, чтобы Елизавета стала королевой! – произнес Суизин. – Она все погубит!

Марджери покосилась на Барта, но тот откровенно скучал. Ее будущий муж совершенно не интересовался политикой, предпочитал лошадей и собак. Она даже слегка разозлилась на него: в конце концов, на кону стояло их будущее.

– Мария Стюарт замужем за французским принцем, – задумчиво изрек сэр Реджинальд. – Английский народ не примет нового короля-чужестранца.

– Английский народ примет кого угодно, – надменно возразил Суизин. – Если объявить сейчас, что следующей королевой будет Мария Стюарт, то к тому времени, когда она и вправду займет трон, все с этим свыкнется.

Марджери подумалось, что граф, мягко говоря, преувеличивает; следующие слова отца показали, что сэр Реджинальд разделяет это мнение.

– Сказать-то можно. Но послушают ли нас?

Вместо графа ответил Ролло.

– Может, и послушают. – Марджери готова была поклясться, что брат просто думает вслух, но в том, что он сказал дальше, был здравый смысл. – Если, к примеру, об этом объявит король Фелипе.

– Любопытно, – протянул сэр Реджинальд. – Но сперва надо добиться его согласия.

Марджери увидела проблеск надежды.

– Добьемся, – заявил Ролло. – Мы отправимся к королю Фелипе.

– Где он сейчас?

– В Брюсселе. Ведет свою армию на французов. Но война почти закончена.

– Надо поторапливаться. Особенно если королева настолько плоха, как говорят.

– Согласен. Поплывем из Кума в Антверпен. Дэн Кобли отправляет туда корабль каждую неделю. А от Антверпена до Брюсселя день пути верхом. Вернемся как раз к свадьбе.

Забавно, подумала Марджери; чтобы перебраться через пролив, им придется просить о помощи истового пуританина Дэна Кобли.

– Примет ли нас король Фелипе? – спросил Ролло, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ему ответил Суизин.

– Он примет меня. Англия – одно из его владений, а я – один из знатнейших англичан. Вдобавок он когда-то бывал в Новом замке, останавливался после свадьбы, на пути из Винчестера в Лондон.

Трое мужчин переглянулись. Реджинальд кивнул графу и Ролло.

– Отлично, – сказал он. – Едем в Брюссель.

Марджери не скрывала радости. Хотя что-то будет сделано.

– Пойду потолкую с Дэном насчет корабля, – подытожил Ролло. – Времени в обрез.

5

Неду Уилларду совсем не хотелось возвращаться в Кингсбридж на свадьбу Марджери, но все-таки пришлось – это событие могло послужить отличным прикрытием для его тайного задания.

Поэтому в октябре он проделал в обратном направлении собственный июльский путь – правда, на сей раз не пешком, а верхом. Задание было срочным: королева Мария умирала, и терять время попусту было никак нельзя.

Матушка словно ссохлась. Дело было не в какой-то хвори, нет – внешне Элис выглядела все такой же крепкой, но вот само собой возникало ощущение, что из нее выпустили воздух. Нед не очень-то поверил, когда она сказала, в июне, что ей скоро пятьдесят и сил, мол, почти не осталось. Но всего три месяца спустя Элис по-прежнему хандрила и вела себя так, будто ее ничто на свете не интересовало. Только теперь Нед уверился в том, что ей не суждено возродить семейное дело, и осознание этого заставило его заскрежетать зубами от ярости.

Ничего, рано или поздно все изменится. Ныне он, Нед, являлся частью силы, которая переломит хребет власти таких людей, как епископ Джулиус и сэр Реджинальд Фицджеральд. Юноша был счастлив принадлежать к этому сообществу. Сэр Уильям Сесил и Елизавета, обоим, ему покровительствовали, особенно после той истории с графом Суизином. Всякий раз, предаваясь фантазиям о том, как они вместе изменяют мир, Нед испытывал воодушевление. Но сперва нужно, конечно, возвести Елизавету на английский трон.

Стоя рядом с матерью на рыночной площади, он дожидался появления невесты. Дул пронизывающий северный ветер, от которого не было укрытия. Как обычно, молодым предстояло обменяться клятвами перед входом в собор, а потом войти внутрь, где состоится торжественная служба. Горожане, стекавшиеся на площадь, тепло приветствовали Неда. Многие из них считали, что с его семейством обошлись крайне несправедливо.

Суизин и Барт стояли чуть поодаль. На Барте был новый дублет соломенного оттенка. Невеста не показывалась. Интересно, какой она будет на торжестве – веселой или печальной? Опечалилась ли она, решила ли, что жизнь кончена, раз ей не позволили выйти за Неда? Или благополучно пережила вынужденную разлуку и теперь привыкает к новой жизни замужем за виконтом? Нед и сам не мог сказать, что стало бы для него худшей новостью.

Впрочем, он приехал в Кингсбридж не только и не столько из-за Марджери. Юноша огляделся по сторонам, высматривая протестантов. Углядел Дэна Кобли – и приступил к выполнению своего задания.

С небрежным видом он пересек площадь, чтобы потолковать с Дэном, который откровенно маялся у северо-восточного угла собора. Минуло всего три месяца, но младший Кобли, похоже, сильно изменился – изрядно похудел, черты лица стали жестче и резче. Нед порадовался этой перемене, ибо ему поручили сделать из Дэна военного командира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.